

УСАДЕБНЫЕ И ДВОРЦОВЫЕ ЗДАНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ. ПЛАНИРОВКА, ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ

Государство Улус Джучи, возникшее в результате монгольских завоеваний, включало области традиционной оседлости, такие как Северный Кавказ, Крым, Молдавия, Волжская Болгария, мордовские земли, левобережный Хорезм. Но основную часть его составляли степи Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана, называвшиеся Дешт-и-Кыпчак и заселенные кыпчаками, ведшими кочевой образ жизни. Города оседлых районов, оправившись от разгрома, учиненного монголами, довольно быстро возродились и в целом сохранили свою структуру. Это хорошо видно на примере городов Волжской Болгарии и левобережного Хорезма (Хлебникова Т.А., 1987; История татар, 2006, с.152-227; Байпаков К.М., 1981; 1986). В то же время по повелению ханов Золотой Орды уже в сер. XIII в. начинают строиться новые города сначала в Нижнем Поволжье, а затем и по всей степной зоне. О причинах возникновения и своеобразии этих городов, ставших административными и военными центрами завоеванных территорий, исследователи писали неоднократно (Егоров В.А., 1969; 1973; 2000; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.12-16). Одной из характерных особенностей золотоордынских городов степной зоны является усадебно-уличный характер их застройки. Уже первые исследования Царевского городища показали, что его юго-восточная часть была занята крупными усадьбами, которые представляли собой целые кварталы, в то время как в остальных частях города дома стояли вдоль улиц (Федоров-Давыдов Г.А., 1964, с.251; 1966; 1981; Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970; 1978; Егоров В.Л., 2000). Раскопки Селитренного и других золотоордынских городищ доказали, что и там сохранялись те же принципы застройки (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.12-16). К сожалению, никаких конкретных сведений о начале строительства городов в Золотой Орде в письменных источниках не содержится, поэтому Г.А.Федоров-Давыдов предположил, что этот процесс происходил примерно так же, как в Монголии. О строительстве Каракорума сообщает Рашид ад-Дин: "Так как он [Угедей] еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в [своем] юрте Ка-

ракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами, как и приличествует высоким помыслам такого государя. Каждая сторона того дворца была длиной в полет стрелы. Посредине воздвигли величественный и высокий кушк и украсили то строение наилучшим образом, и разрисовали живописью и изображениями, и назвали его «карши» [дворец]. [Каан] сделал [его] своим благословенным престольным местом. Последовал указ, чтобы каждый из [его] братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Тогда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то [их] оказалось целое множество" (Рашид ад-Дин, 1960, с.40).

Следует отметить, что слои XIII в. в настоящее время на золотоордынских городищах не найдены, поэтому все рассуждения о первоначальной структуре золотоордынского города во многом гипотетичны. Однако усадебная планировка сохраняется на протяжении всего периода существования Золотой Орды, и в настоящее время мы имеем достаточно сведений об усадьбах XIV в. Усадьбы феодальной знати и зажиточных горожан занимали значительную площадь – 5000-10000 м² (Егоров В.Л., 2000, с.268), вероятно, в связи с этим все исследованные на данный момент усадьбы раскопаны лишь частично. Тем не менее, структура их в общем и целом достаточно изучена. Крупные усадьбы состояли из дома владельца, жилищ прислуги, хозяйственных построек. Каждая усадьба имела свой водоем (хаус) и была обнесена забором (дувалом). Часто на ее территории располагались ремесленные мастерские, продукция которых использовалась внутри усадьбы и при избытке могла поступать на рынок. Г.А.Федоров-Давыдов подчеркивал сходство структуры усадеб Царевского городища с усадьбами Каракорума (Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1978, с.89; Древнемонгольские..., 1965, с.128, рис.80). В задачи данной работы не входит исследование структуры усадеб и всего комплекса построек, расположенных на их территории. Здесь будут рассмотрены только постройки, являвшиеся центральными домами крупных усадеб, жилищами их владельцев.

Жилые дома Царевского городища, в том числе и усадебные, были изучены В.Л.Егоровым (Егоров В.Л., 1970, с.172-194). Исследователь выделяет следующие типы жилищ: 1) квадратные в плане строения; 2) прямоугольные в плане строения; 3) землянки; 4) юрты. Дома I типа, к которым относятся небольшие постройки, принадлежащие, в основном, рядовому населению, классифицируются следующим образом: 1) дома с деревянными стенами, стоящими непосредственно на земле; 2) дома с деревянными стенами, стоящими на сырцовом цоколе и на земле; 3) дома с деревянными стенами, стоящие на сырцовом цоколе; 4) деревянные дома со стенами, стоящими на сваях. Все они имеют только одну комнату и сходное внутреннее оформление: вдоль стен устроена Г-образная или П-образная суфа, в одну из сторон которой встроены горизонтальный дымоход – кан, отапливаемый печью или тандыром. Площадь пола в помещении обычно меньше площади суфы; пол глинобитный или же выложенный жженым кирпичом. В полу часто делали сливную яму для умывальника – тошнау.

Таким образом, в архитектурном плане эти дома совершенно единообразны, и отличительной чертой их является не только квадратная (или близкая к квадрату) в плане форма, но и наличие всего одного жилого помещения. Группы, выделенные внутри этого типа, отличаются лишь по строительному материалу и по технике строительства.

Дома II типа В.Л.Егоров делит на: 1) однокомнатные дома; 2) многокомнатные дома. Это деление совершенно не отражает многообразия усадебных домов. Кроме того, в классификации не выдерживаются критерии выделения групп. Вероятно, здесь также следовало рассмотреть, из чего построены дома II типа. Однако это ни к чему не приведет, так как большие “прямоугольные” дома строились таким же образом, как и маленькие, однокомнатные. Среди них могут быть здания с деревянными стенами и с деревянными на сырцовом цоколе. Наиболее крупные постройки возводились целиком из сырца или из обожженного кирпича. Очень часто применялись комбинации материалов, и различные части здания строились в разной технике.

Также нужно отметить, что большие многокомнатные здания не всегда имеют прямоугольную форму: многие из них квадратные или близки к квадрату в плане. Что касается количества комнат, то лишь одно прямоугольное здание небольших размеров (5,6×4,0 м), опубликованное В.Л.Егоровым (Егоров В.Л., 1970, с.177), является однокомнатным, а большой, сильно вытянутый “дом с юртами”, вероятнее всего, был сложной многокомнатной постройкой. Все это свидетельствует о том, что классификацию золотоордынских жилищ в настоящее время нельзя считать разработанной.

Данная работа не ставит своей целью обзор всех жилых построек Золотой Орды. В нее вошли только те дома, которые являются центрами жилищных усадеб. Большая часть их собрана и кратко описана Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.52-59), однако планировочные принципы построения усадебных домов намечены им лишь в общих чертах, в виде тенденций. Поэтому более детальное изучение планировки многокомнатных золотоордынских домов представляется не только возможным, но и необходимым.

Все усадьбы, известные в настоящее время, относятся к сер.XIV в. Для большего удобства и краткости изложения усадебные дома в работе обозначаются индексом, который отражает их местонахождение и номер на памятнике. Например, Cr1 – Селитренное городище, усадьба № 1.

Как показали работы Г.А.Федорова-Давыдова и В.Л.Егорова, наиболее распространенным типом городского жилища в Золотой Орде является квадратный в плане дом с деревянными, сырцовыми или комбинированными стенами (Егоров В.Л., 1970; Федоров-Давыдов Г.А., 1994). Размеры такого дома чаще всего не превышают 6,5×6,5 м. Перекрытие его, по мнению В.Л.Егорова, представляло собой четырехскатную крышу со световым люком; интерьер состоял из суфы с каном и тандыром, и тошнау в полу. Дома этого типа, по предположению В.Л.Егорова, возникли в степях Монголии в результате трансформации юрты в оседлое жилище (Егоров В.Л., 1970, с.180-182; Егоров В.Л., Жуковская Н.Л., 1979, с.198-216). Иной точки зрения придерживается Л.Р.Кызласов, который видит истоки планировки золотоордынского дома в “лесном периоде” истории монголов (Кызласов Л.Р., 1975, с.175). Не отрицая возможности наличия стационарных жилищ у ранних монголов, трудно не согласиться с мнением В.Л.Егорова, что легкие каркасные постройки более характерны для безлесной степи, чем для тайги, изобилующей строительным материалом. Так или иначе, квадратные в плане дома представляют собой монгольскую традицию в домостроительстве Золотой Орды. Такие дома часто составляют основу усадебной застройки, но в усадьбах, принадлежащих зажиточным слоям населения и аристократической верхушке, жилища хозяев имеют довольно сложную планировку. Рассмотрим все исследованные на данный момент усадебные дома на различных памятниках.

Царевское городище

Три усадьбы с домами простого плана (рис.1) были раскопаны в восточном пригороде Нового Сарая (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, с.89-132).

Усадьба 1 (Цг1) первоначально состояла из двух квадратных домов размерами 6,1×5,6 м и 5,1×5,0 м, которые были расположены на одной линии, друг против друга. Стены домов сложены из сырцовых кирпичей. Суфа и кан одного дома являются как бы зеркальным отражением другого. Как полагают авторы публикации, эти дома принадлежали хозяевам усадьбы (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, с.94). Несколько позднее в северо-восточной части усадьбы был построен еще один комплекс, состоящий из трех помещений (3-5). Стены его были деревянными, внутренние конструкции сложены из сырцовых кирпичей. Интерьер помещений стандартный, он состоит из П-образной суфы с каном и очагом. Комнаты расположены на одной оси, они не соединяются между собой: каждая имеет отдельный выход на улицу, таким образом являясь самостоятельным домом монгольской традиции. Восточная и западная комнаты зеркально симметричны. Что касается среднего помещения, то, вероятнее всего, оно было перегородено и состояло из двух комнат с аналогичными интерьерами.

Такая же картина наблюдается и в усадьбе 2 (Цг2). Первоначально здесь существовал квадратный в плане хозяйский дом (1) с суфой, каном и кирпичным полом. Один дом не удовлетворял нужды хозяев усадьбы, и к нему с востока был пристроен еще один, такой же (2). Оба дома имели деревянные стены на сырцовом цоколе. К дому 1 с запада примыкала ювелирная мастерская, а к дому 2 – костерезная. Стены их не сохранились, однако, по расположению канов можно предположить, что обе мастерские также представляли собой квадратные в плане комнаты. Кроме того, к западу от основного дома был выстроен комплекс из пяти комнат (3-7), расположенных в ряд в широтном направлении. Стены были деревянными, поставленными прямо на землю или на сырцовый цоколь. Ось симметрии, как и в усадьбе Цг1, проходит через центральное помещение комплекса. Двери всех комнат обращены к югу.

Два дома третьей усадьбы (Цг3) имели деревянные стены. Один из домов состоял из трех почти квадратных комнат, другой был однокомнатным и имел обычную планировку.

Все три усадьбы принадлежали, скорее всего, горожанам среднего достатка. Их хозяева являлись владельцами небольших мастерских, продукция которых поступала на рынок. Остатки ремесленных мастерских обнаружены во всех трех усадьбах. В первой находилась костерезная мастерская, во второй – костерезная и ювелирная, в третьей – гончарная и ювелирная. Увеличение количества домов и помещений в усадьбах свидетельствует о расширении производства. Возможно, сначала в мастерских трудился только сам хозяин и члены его семьи, а

потом были привлечены подмастерья или какие-то зависимые люди.

В основу построек, раскопанных в усадьбе так называемого “дома с юртами” (Цг4) в южном пригороде Нового Сарая, также положен монгольский дом (Федоров-Давыдов Г.А., 1964, с.256-257; Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, с.114-134; Егоров В.Л., 1970, с.175-178). Два таких помещения (2, 4), пристроенных одно к другому по оси запад-восток и обращенных входами к югу, были обнаружены в западной части усадьбы (рис.2). Стены этих комнат имели различное строение: меридиональные стены были капитальными, сложенными из сырца в 3-4-5 рядов, а широтные состояли из одного ряда сырца или были деревянными.

Некоторое сомнение вызывает трактовка авторами публикации основного дома усадьбы (1) и дома 3. По мнению исследователей, домом хозяина являлось большое, вытянутое с запада на восток здание длиной более 20 м и шириной 7 м. Вход в него, расположенный с южной стороны, был оформлен легкими Г-образными конструкциями. Здание имело мощные западную (5 рядов кладки) и северную (3 ряда) стены из сырца. Восточная стена отсутствовала. Южная стена сохранилась фрагментарно. В восточной части она имела толщину трех рядов кладки, а в западной части – одного ряда. Внутри этого огромного помещения были найдены лишь остатки кана в северо-западном углу и фрагменты деревянных плах у западной стены. С южной стороны к западному концу дома 1 был пристроен дом 3, интерьер которого состоял из Г-образной суфы с двумя канами. Этот дом имел южную стену из двух рядов сырцового кирпича; восточная и западная стены отсутствовали.

Представляется возможной иная интерпретация этого комплекса. Прежде всего, дом 3 состоял, скорее всего, не из одного, а из двух помещений (3, 5). К первому, восточному, относится Г-образная суфа и кан, примыкающий к северной стене. С юга и с севера помещение было ограничено капитальными стенами, а с запада и востока не сохранившимися деревянными. С западной стороны к этой комнате примыкала еще одна, к внутренним конструкциям которой относится кан, расположенный в меридиональном направлении. В этом случае Г-образная стенка, пристроенная к нему, является подпорной стенкой суфы. Стены комнаты не сохранились, так как, вероятно, были деревянными.

К западу от дома 3 зафиксирована еще одна Г-образная стенка. Она примыкала к меридиональной стене, в середине которой находился канал с остатками золы и углей. Эта стенка считалась сырцовым цоколем деревянной стены, брус которой был обложен сырцами, а впоследствии сторел (Егоров В.Л., 1970, с.183). Однако канал между двумя

сырцовыми стенками, заполненный золой, может являться остатками кана. Тогда Г-образная стенка, примыкающая к нему, является стенкой суфы, и мы получаем помещение 6, являющееся зеркальным отражением западной помещения 5. В этом случае П-образная стенка, расположенная южнее, попадает в пределы комнаты в виде небольшой суфы, пристроенной к южной стене. Таким образом, вход в дом 1 был оформлен не просто стенками, а симметрично расположенными помещениями.

Вызывает сомнение и огромный зал дома 1. Можно предположить, что жилая комната находилась только в западной его части (7). Она являлась продолжением ряда помещений домов 2 и 4 и представляла собой, вероятнее всего, такую же квадратную в плане комнату с каном и П-образной суфой. Остальная площадь дома 1, лишенная каких-либо внутренних конструкций, являлась просто частью двора, ограниченного с севера стеной усадьбы.

Таким образом, на примере четырех усадеб Царевского городища можно видеть, что золотоордынские усадебные дома часто состояли из многочисленных ячеек, каждая из которых в отдельности представляла собой дом монгольского образца. Стены комнат домов даже при одновременном их возведении в большинстве случаев были сложены из разных материалов, в результате чего создается впечатление отсутствия общего проекта: комнаты прилепляются друг к другу чисто механически, беспорядочно. В этом, вероятно, сказались недостатки градостроительной культуры в Золотой Орде. С другой стороны, четко видно стремление к упорядоченности планировки. Ячейки в этих зданиях часто либо вытянуты вдоль определенной оси и обращены дверями в одну сторону, либо расположены одна против другой так, что интерьеры их являются как бы зеркальными отражениями друг друга. Но в некоторых случаях дополнительные помещения пристраиваются по обеим осям, и получаются дома-конгломераты довольно беспорядочной планировки.

Усадебный дом, состоящий из двух симметрично расположенных комнат (Цг5), раскопан в юго-восточной части Царевского городища (Федоров-Давыдов Г.А., 1964, с.251; Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1970, с.80-85). Стены дома были деревянными и имели сырцовые цоколи (рис.3). В комнатах (1, 2) были полы из обожженного кирпича и П-образные суфы с каном вдоль северо-восточной стороны. Планировка комнат совпадает до мельчайших деталей, что свидетельствует о единстве замысла. Кроме того, юго-западные стены помещений соединены тонкой кирпичной стенкой, в результате чего между домами образуется глубокий айван. С северо-востока от первого помещения дома находилась еще одна квадратная в плане постройка (3)

с деревянными и деревянными на сырцовом цоколе стенами. Большую площадь ее занимала суфа с каном посередине. С юго-восточной стороны постройки был сделан узкий хозяйственный отсек. Этот дом, построенный, вероятно, позднее, также расположен на одной линии с первой комнатой первоначального дома, но перпендикулярно ей.

Постройки центрального дома еще одной усадьбы (Цг6), исследованной в юго-восточном районе Царевского городища, группируются вокруг внутреннего двора (Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1978, с.88-113; Егоров В.Л., 1970, с.178-179). Стены дома были сложены из сырцового кирпича в один ряд. За время своего существования усадьба была перестроена. В I периоде здание имело форму прямоугольника размерами 11,4×18,0 м (рис.4). В его центре находился двор, окруженный по периметру одиннадцатью помещениями различного размера и назначения. Комнаты с канами и суфами, расположенные по диагонали в юго-восточном и северо-западном углах дома (пом.2 и 8), были жилыми, остальные имели хозяйственное назначение. Впоследствии в юго-западном и северо-восточном углах были построены еще две жилые комнаты, и ось симметрии стала проходить по линии север-юг (рис.5). При сооружении построек второго периода была соблюдена зеркальная симметрия расположения внутренних конструкций в комнатах. Так в помещениях 1 и 2 П-образные суфы были сложены вдоль южных, северных и внешних меридиональных стен. В каждой суфе имелось два гандыра с канами в северной части и в середине суфы. В паре помещений 8 и 12 суфы были устроены вдоль западной, восточной и северной стен, а каны были пристроены к противоположным внешним стенам. Некоторое отличие составляют лишь отдельные детали интерьера.

В восточном районе Царевского городища исследована еще одна усадьба (Цг7). Здесь вскрыт не только центральный дом, но и различные постройки и сооружения, расположенные на ее территории. К ним относятся павильон к югу от центрального дома, усадебный водоем, два больших дома усадебного персонала, часть ограды и въезд в усадьбу, а также ряд домов, прилегающих с внешней стороны к северной ограде и ее юго-восточному углу (Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970, с.88-113; Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.64-84). Структура усадьбы Цг7, площадь которой составляла около 7500 м², изучена в настоящее время наиболее полно.

Центральный дом этой усадьбы имел мощные капитальные стены, а планировка его была наиболее сложной и продуманной среди всех усадебных зданий Царевского городища. За время существования усадьбы ее центральное здание было полностью перестроено. В I строительном периоде

оно было прямоугольным, вытянутым по оси 3-В (рис.6). Размеры его: 14,4×9,6 м. Северная, западная и восточная стены были сложены в четыре ряда кирпичей, а южная – в три. Основная кладка стен сделана из сырца, лишь внешние ряды западной и северной стен были из обожженного кирпича. Внутренняя поверхность стен была покрыта белой известковой штукатуркой. В завале найдены фрагменты штукатурки, окрашенной красной и черной краской. Внутри дома достоверно зафиксирована только одна стена, которая была выложена в четыре ряда сырца в меридиональном направлении параллельно западной стене дома. Вместе они образовывали айван шириной 3,5 м и глубиной 4,0 м. Учитывая довольно холодные зимы рассматриваемого региона, можно предположить, что у этого айвана все же была южная стена с дверью, которая, вероятно, была сделана из дерева. Пол айвана выложен жженым кирпичом, а вдоль стен сделаны суфы шириной около 50 см.

К северу от айвана находилась вымостка пола из обожженного кирпича на известковом растворе. Ее восточный край был ограничен бревном, лежащим перпендикулярно северной стене дома. Его направление совпадает с восточной стеной айвана. Весьма вероятно, что здесь находилась легкая каркасная стена, которая отделяла это помещение от остального объема здания. Наличие всего одного жилого помещения в доме столь значительных размеров кажется маловероятным. Кроме того, кладка пола в разных частях здания отличается по составу раствора: в западной части он известковый, а в восточной – глиняный. Пол восточной части дома был из жженого кирпича, часть его вымощена кирпичами с бирюзовой поливой. К южной стене здесь примыкала большая суфа сложной конфигурации. В суфу были встроены два кана, каждый из которых имел два канала. В северной части каналы восточного кана соединялись с прямоугольной печью, западный кан отапливался через тандыр. В северо-восточном углу обнаружены остатки двух больших печей с прямоугольными камерами.

Таким образом, дом усадьбы Цг7 в I периоде состоял из нескольких помещений. Достоверно фиксируется обширный айван, расположенный в юго-западной части. Севернее него находилось нежилое помещение в виде небольшого зала или тамбура. Жилое помещение с несколькими печами и канами в восточной части дома, скорее всего, также было перегородено каркасными стенами, остатки которых не сохранились. Таким образом, эта постройка представляет собой прямоугольник, разделенный на помещения меридиональными, и, возможно, широтными стенами.

Во II периоде здание было разрушено и на его месте построено другое, более сложной планиров-

ки (рис.7). Его стены, сложенные из обожженного кирпича, который был впоследствии выбран, прослежены по отпечаткам в материке. Внешние стены состояли из четырех рядов кладки и имели ширину 80-85 см. Они были поставлены непосредственно на материк. Внутри постройки площадь снелирована, и под полы сделана подсыпка толщиной 50-60 см. Поэтому полы и нижняя часть стен дома I периода оказались внутри этой забутовки. Внутренние стены возведены позже, для чего в субструкционном слое были прокопаны канавки, и в них установлены стены. Толщина внутренних стен колеблется от четырех до двух рядов кладки. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым в широтном направлении и имело размеры 24×17 м. Оно было обращено фасадом на юг, что подчеркивалось двумя круглыми башнями (диаметр 1,7 м), пристроенными к его юго-западному и юго-восточному углам. В завале кирпичей от башен найдены обточенные лекальные кирпичи и облицовочные кирпичи с белой и ультрамариновой поливой.

Помещения располагались тремя рядами по оси север-юг. В середине южной стены находился проем шириной 4,15 м, который вел в айван. За айваном находился прямоугольный в плане зал (5,0×6,2 м), в центре которого сохранились остатки вымостки из обожженных кирпичей. В северной части зала прослежены следы широтной стены, расположенной примерно до его середины, и двух стен, образующих тупой угол. Степень сохранности здания позволяет лишь предполагать, что эти стены образовывали другой, северный айван, либо ограничивали подиум, сооруженный в северной части зала, как это прослеживалось в других подобных сооружениях. С востока и запада от центрального зала находились помещения, которые, вероятно, были жилыми. Самые большие комнаты (6,5×5,0 м и 8,2×5,8 м) располагались в юго-восточном и юго-западном углах. Пространство к северу от юго-восточного помещения было разделено широтными и меридиональными стенами на три или четыре небольшие комнаты, в одной из которых сохранились остатки многоканального кана. В северо-восточном углу здания находилось еще одно большое помещение, а к югу от него – одна или две промежуточные комнаты, в которых обнаружена суфа с каном. К сожалению, в связи с полной разрушенностью ничего более определенного о планировке и назначении помещений этого интересного и, несомненно, богатого здания сказать нельзя.

Водянское городище

На Водянском городище в Волгоградской области исследован усадебный дом (Вг1) довольно слож-

ной планировки (Мухамадиев А.Г., 1974, с.80-89). Здание было прямоугольным в плане, вытянутым по оси СЗ-ЮВ (рис.8). Его размеры: 19,0-19,5×9,7-10,0 м. Стены здания сложены из различных материалов. В северо-западной и юго-восточной частях находились два сооружения с капитальными стенами из квадратных сырцовых кирпичей в три ряда. В некоторых местах внешняя поверхность стен облицована каменными блоками и обожженными кирпичами. Размеры сооружений: 10,0×6,5 м. Каждое из них было поделено фахверковыми стенами на две комнаты. Юго-восточные помещения 1 и 3 (внутренние размеры: 6,0×5,0 м) были жилыми. В них сделаны обширные П-образные суфы с канами и тандырами, пристроенные к северо-восточной, юго-восточной и юго-западной стенам. Две северо-западные комнаты (2 и 4) меньших размеров (4,6-5,0×2,2 м) оборудованы небольшими суфами, в которых находились тандыры, и отсеками, вероятно, предназначенными для хранения продуктов. Таким образом, каждое из этих сооружений представляло собой отдельный жилой дом, состоящий из спальни и кухонного помещения. Обращает на себя внимание зеркальная симметрия интерьеров обоих сооружений. В спальнях комнаты суфы имеют одинаковые размеры, а кань в них проложены вдоль меридиональных внешних стен. В кухнях к внешним стенам пристроены суфы с очагами, а к внутренним – кладовки. В оформлении внутренних конструкций имеются некоторые отличия, но они минимальны. Входы в оба жилых комплекса также располагаются симметрично – друг против друга. То есть здесь налицо единый планировочный замысел.

Оба эти жилых комплекса были соединены легкими каркасными стенами из дерева и обломков камней. Средняя часть здания была поделена деревянными перегородками на несколько помещений. С юго-восточной стороны находился узкий входной тамбур (5) и помещение 6, в котором фахверковыми стенками, сложенными параллельно меридиональным стенам, выделены два хозяйственных отсека. Далее следовал внутренний дворик (7) размерами 6,0×3,2 м, в который вели проходы из жилых помещений здания. Пол его был выложен деревянным настилом. Небольшие размеры, а также наличие остатков деревянного настила в дворике позволяют предполагать, что он мог быть крытым. На северо-западе средней линии помещений находилась комната 8, в которой был сделан хозяйственный отсек вдоль юго-западной стены. Таким образом дом усадьбы Вг1 имеет довольно развитую и продуманную планировку: в ней явно присутствует единый замысел многокомнатного дома, но техника воплощения этого замысла еще довольно примитивна.

Если сравнить планировку усадьбы Вг1 с приведенными выше усадьбами Царевского горо-

дища, то можно заметить определенное сходство. Как и в усадьбе Цг5, жилая часть дома здесь состоит из двух зеркально симметричных построек с капитальными стенами, соединенными легкими перегородками. С домом усадьбы Цг5 ее сближает наличие внутреннего двора, являющегося композиционным центром постройки и обрамленного со всех сторон различными помещениями. В обоих зданиях жилые комнаты находятся с западной и восточной сторон, причем южные помещения имеют большие размеры, чем северные; хозяйственные и тамбурные помещения расположены вдоль северной и южной сторон двора. При этом планировка дома усадьбы Вг1 кажется более законченной и архитектурно разработанной, в то время как в усадьбе Цг6 здание состоит из механически соединенных монгольских домов, сгруппированных вокруг внутреннего двора. И наконец, если предположить, что внутренний двор в усадьбе Вг1 был перекрыт крышей, то его можно сравнить с центральным залом здания усадьбы Цг7 во II периоде, хотя функциональное назначение этих помещений в усадьбах, вероятнее всего, было различным. В усадьбе Цг7 центральный зал был парадным помещением и служил для проведения каких-то церемоний, а в усадьбе Вг1, скорее всего, выполнял хозяйственные функции.

Селитренное городище

На Селитренном городище были исследованы четыре усадьбы, которые принадлежали наиболее зажиточным слоям населения. Все они находились в аристократическом районе между бутрами “Кучугуры” и “Красный”. Три усадьбы имели капитальные стены и были возведены по единому плану. Центральный дом четвертой усадьбы состоял из нескольких частей, которые постепенно пристраивались друг к другу, поэтому его планировка не была столь регулярной.

Большой усадебный дом (рис.9), раскопанный в 1976 г на Селитренном городище (Сг1), был почти квадратным в плане размерами 23,8×24,2 м (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1976; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.53-57). Стены его были сложены из большеформатного сырца (50×22×7 см) в 2 ряда кирпича, один из которых положен тычком, а другой – ложком. Расположение тычковых и ложковых рядов чередовалось в слоях. Толщина стен составляла 75 см. Западная стена была сложена в 3 ряда кладки и имела толщину 105 см.

Здание разделено двумя меридиональными стенами на три линии помещений. В центре средней линии находился большой прямоугольный зал (пом.5) размерами 6,7×14,7 м. В него можно

было попасть со двора через тамбурные помещения (пом.9, пом.10), расположенные с северной и южной его сторон. В тамбурах вдоль стен были сложены Г-образные суфы. В северной и южной частях зала пол был выше, чем в центре. На северной платформе пола сооружен подиум, мощенный обожженным кирпичом. В подиуме сохранились остатки деревянных столбиков, поддерживающих балдахин. Пол средней части зала также был выложен кирпичом. В его центре сделан квадратный бассейн. Вода в бассейн поступала по каналу, идущему со двора через южный тамбур под вымосткой пола. Такой же канал, протянутый на север, отводил излишки воды из бассейна.

С запада и востока центральный зал был окружен комнатами различного назначения. В северо-западной части здания находился блок из трех помещений: спальни (пом.1) с П-образной суфой, отапливаемой тандыром и каном, небольшого зала (пом. 2), крышу которого поддерживали три пары деревянных колонн, и хозяйственного помещения 4, выход из которого вел в помещение 2. Помещения 1 и 2 соединялись скользящими вдоль южной стены проходами между собой, а также с центральным залом и двором. К югу от этого блока располагалось обширное помещение 3, площадь которого несколько превышала площадь северо-западного блока. Помещение не было жилым, так как в нем не обнаружено никаких следов отопительной системы. Пол его вымощен жженым кирпичом. Два скользящих вдоль северной стены прохода вели в зал и наружу. Как и в северо-западных помещениях, проходы расположены на одной оси, соединяя напрямую центральный зал с улицей.

Западный ряд помещений состоял из такой же нежилой комнаты с кирпичным полом, расположенной на севере (пом.6), и двух комнат с канами и суфами (пом.7, 8). Все три помещения соединялись между собой скользящими проходами вдоль восточной стены, образуя единый блок. Этот восточный блок соединялся с центральным залом двумя проходами из помещений 6 и 8, которые с двух сторон примыкали к помещению 7. С наружным двором соединялось помещение 7, то есть в этой части здания также соблюдалась симметрия в расположении проходов.

Таким образом, помещения, окружавшие центральный зал в I периоде, образовывали четыре отдельные секции: северо-западный жилой блок, юго-западный зал, юго-восточный блок из двух жилых комнат и небольшой зал в северо-восточной части. При этом жилые и нежилые помещения двух половин дома располагались симметрично по диагонали.

В дальнейшем всего за несколько десятков лет своего существования дом подвергался многочис-

ленным перестройкам. Помещение 4 было разделено каркасной перегородкой на две изолированные комнаты (4а и 4б) с П-образными суфами. Проход в помещение 2 был заложен, а в каждой из комнат прорублен выход во двор. Каждая из комнат имела выход на улицу. Помещения 1 и 2 были перепланированы и сохранили связь только с центральным залом. Помещение 3 превратилось в жилое. Его первоначальные проходы заложили и прорубили новый проход в помещение 5, расположенный по центру меридиональной стены. В III периоде оно было разгорожено на две жилые комнаты.

Еще более бурно протекала жизнь на восточной половине здания. Сначала помещение 6 было перегороджено по линии север-юг и превратилось в две комнаты (6а и 6б), из которых одна выходила в центральный зал, а другая по-прежнему соединялась с помещением 7. Проходы были оставлены без изменений (рис.12). В процессе следующей перепланировки помещение 6 было поделено в широтном направлении, в результате чего получилась изолированная комната (6в) на севере, выходящая в центральный зал и блок помещений 6г, 7 и 8. Перестройка суфы в помещении 7 потребовала закладки всех трех проходов и сооружения двух новых, скользящих вдоль западной стены, вследствие чего блок помещений сохранил связь только с центральным залом и был изолирован от двора.

В последнем периоде помещение 8, самое стабильное и почти не подвергавшееся перестройкам, было отгорожено от помещения 7 и сохранило связь только с залом. Помещения 6в и 6г были снова объединены, а новая суфа помещения 7 была пристроена к западной стенке. Обе эти комнаты соединили между собой новым проходом, скользящим вдоль восточной стены. Дверь в зал была заложена, а в помещении 7 прорублен новый проход, ведущий во двор.

Таким образом, вначале жилая часть здания усадьбы Сг1 была представлена двумя отдельными блоками, каждый из которых соединялся и с центральным залом, и с двором. В дальнейшем центробежные процессы, происходившие в семейной общине, привели к тому, что количество жилых секций увеличивается, и они становятся более изолированными. Изоляция достигается закладкой старых и сооружением новых проходов таким образом, чтобы каждый жилой блок соединялся либо только с двором, либо только с залом. В этот период центральный зал уже не является центром общественной жизни дома, а используется как внутренний двор. В конце концов, он был полностью заброшен и превращен в такой двор с земляным полом.

Этот усадебный дом во многом сходен со зданием в усадьбе Цгб. В обеих постройках помеще-

ния группировались вокруг центральной части здания, которая в одном случае была представлена двором, а в другом – залом для приемов, причем первоначально жилые помещения располагались друг против друга по диагонали. В результате перестроек западная и восточная части здания становятся полностью жилыми. Если же предположить, что двор в усадьбе Цг6 был крытым, то состав помещений средней части здания также становится аналогичным. Генетическую связь планировки дома усадьбы Сг1 с дворовой композицией подтверждает и тот факт, что в процессе жизнедеятельности центральный зал усадьбы превращается в обычный крытый двор.

Примерно в 500 м к северу от усадьбы Сг1 исследована еще одна усадьба (Сг2), сырцовый дом которой имеет аналогичную планировку и построен в такой же строительной технике (Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н., 2003). Стены его сложены из большеформатного сырца с использованием тех же приемов кладки (рис.10). Все стены, как наружные, так и внутренние, делящие здания на помещения, имели аналогичное строение. Основания стен толщиной 105-110 см состояли из слоев в два кирпича, положенного в тычок, чередующихся со слоями, где между двумя рядами, лежащими ложком, один ряд положен тычком. Начиная с шестого слоя кладки, стены сужаются до 80-90 см, и каждый ее слой составляет два ряда кирпичей, один из которых положен в тычок, а другой – в ложок. Расположение рядов в слоях чередуется. Нижняя, цокольная, часть здания до уровня сужения стен изнутри была заполнена субструкцией толщиной до 60 см, на которую настилались полы и были поставлены внутренние конструкции. Главное здание было квадратным, но несколько меньшего размера, чем в усадьбе Сг1 (20 м по оси С-Ю и 19,5 м по оси З-В). Комнаты располагались в три ряда. Здание имело один вход по центру южной стены. Широкий проем вел в тамбур, вымощенный обожженным кирпичом с суфами вдоль меридиональных стен. К северу от тамбура находился большой приемный зал размерами 14,4×5,9 м. В его южной части была сделана П-образная вымостка пола. Кирпичи вымостки положены рядами, а от прохода шла дорожка из кирпичей, положенных косо, ромбом. В средней части зала также сохранилась часть пола из кирпичей, лежащих ромбом, обрамленных бордюром из кирпичей, положенных прямо. У северной стены находился подиум в виде плотно утрамбованного массива земли. Северная стена зала была дощатой. Это обстоятельство, несколько неожиданное в столь капитальном здании, возможно, объясняется тем, что первоначально здесь планировался еще один, северный тамбур, южная стенка которого сохранилась под уровнем пола. В

дальнейшем от сооружения второго тамбура отказались, чтобы увеличить площадь зала, а проем во внешней стене заделали досками. Неизвестно, что находилось в центре зала, так как в этом месте пол был нарушен большой грабительской ямой.

В западном и восточном рядах помещений находилось по три жилых комнаты. Они сгруппированы следующим образом. Две северные комнаты (пом.5 и 8) были изолированы и соединялись только с центральным залом, а южные и средние комнаты в рядах были смежными и также соединялись с центральным залом. Разница заключалась лишь в том, что из западного помещения 4 можно было попасть в зал только через помещение 3, а восточное помещение 7 имело свой отдельный выход.

Наиболее парадными среди жилых были юго-западное помещение 3 и юго-восточное помещение 6. Они имели почти одинаковые размеры, и внутренние конструкции располагались в них зеркально. П-образные суфы были пристроены к южной, восточной и западной стенам; а каны сложены вдоль внешних меридиональных стен и обращены топками на север. Принцип симметрии сохранялся здесь в течение всей жизни дома. В следующих строительных периодах суфы помещений 3 и 6 были одинаково расширены, и на них были поставлены близкие по конструкции дополнительные печи. В последнем периоде был заложен проход, ведущий из помещения 6 в центральный зал, но связь этого жилого блока с залом сохранилась через проход в помещении 7.

Полы в южных комнатах выложены жженым кирпичом с бирюзовыми вставками, стены оштукатурены известковым раствором и украшены штампованным ганчевым декором. Некоторые различия наблюдались в деталях декоративного убранства.

Средние в рядах помещения 4 и 7 были хозяйственно-жилыми, о чем свидетельствует наличие в них многих печей и тандыров, а также скромное оформление. Первоначально их планировка также была зеркальной: каны располагались вдоль северных стен топкой к залу, а П-образные суфы примыкали к внешним стенам. Впоследствии в результате перестроек симметрия была нарушена (рис.11). Интересно, что перестройки в этих помещениях носили различный характер. В помещении 4 во все периоды происходило увеличение площади суфы, что, вероятно, было связано с ростом численности его обитателей. Перестройка канов была необходима для лучшего обогрева все увеличивающегося объема суфы. В III и IV периодах суфа занимает уже большую часть комнаты. В V периоде помещение 4 перегораживается, и на его месте возникают два отдельных помещения (4а и 4б). Это может быть связано с качественными изменениями в составе населения дома, например, с выделением новой

малой семьи или какими-то другими процессами. При этом обе комнаты сохраняют связь с парадным помещением 3, то есть жилой блок продолжает существовать. В помещении 7 была сделана только одна полная перепланировка. Скорее всего, она имела простую бытовую причину. В I периоде суфа находилась у восточной стены, прямо напротив прохода в помещение 2. Она являлась зеркальным отражением суфы в помещении 4. Но в помещении 4 не было прохода в помещение 2, поэтому там суфа увеличивалась, не меняя своей ориентации. Здесь же суфа была перенесена в более укромное и защищенное от сквозняков место – к северной стене комнаты. При этом площадь суфы не стала больше. Все остальные перестройки в помещении 7 связаны только с дальнейшим благоустройством: для лучшего обогрева меняется расположение кана, вкапывается тошна, пол мостится кирпичом, в углу устраивается погребок, в стенку суфы встраиваются деревянные брусья, на которых, вероятно, крепилась какая-то загородка или занавес. То есть в восточных помещениях не происходило значительного роста численности обитателей, зато они неуклонно заботились о своем комфорте.

Помещения 5 и 8, расположенные в северной части дома, представляли собой обычные жилые комнаты. При постройке дома их интерьеры также были зеркально симметричны и состояли из Г-образных суф, пристроенных к широтным и меридиональным внешним стенам. Каны сложены вдоль северной стены здания. Эти комнаты почти не перестраивались. В помещении 5 была только пристроена небольшая дополнительная суфа. Возможно, здесь жил один человек, мало нуждающийся в изменении своей жизни, или же это была комната для гостей. В помещении 8 также была сделана всего одна полная перепланировка: суфа была перенесена от восточной стены к северной глухой стене подальше от входа. Она была увеличена очень незначительно, то есть здесь тоже количество обитателей не становилось больше.

Таким образом, несмотря на некоторые отличия, планировка центральных домов в усадьбах Сг1 и Сг2 очень близка. Более того, форма и размеры сырца, система кладки и некоторые другие строительные приемы позволяют предполагать, что они были выстроены одними мастерами. Однако следует отметить, что в усадьбе Сг2 здание имеет более развитый и четкий план. Здесь полнее соблюдается принцип симметрии, а центральный зал действительно является композиционным центром здания, так как жилые комнаты соединяются только с ним. Планировка дома усадьбы Сг1 кажется более архаичной. В первом периоде он имеет две оси симметрии, одна из которых проходит по линии север-юг, а другая по диагонали здания. Незрелость ком-

позиции состоит и в том, что часть комнат имеет выходы наружу, перерезающие внешние стены здания, при том, что центральный зал, с которым они так или иначе соединяются, открывается во двор двумя айванами. В усадьбе Сг2 изначально интерьеры всех помещений были абсолютно зеркальны относительно оси север-юг. Пространство дома более замкнуто, так как он имеет всего один выход, а все жилые помещения соединяются с улицей только через центральный зал.

Самой крупной усадебной постройкой, известной в настоящее время в Нижнем Поволжье, является дворцовое здание (Сг3), исследованное в 1978-1981 гг в том же районе Селитренного городища, что и усадьбы Сг1 и Сг2 (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1978; 1979; 1980; 1981; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.57-59). Оно представляло собой многокомнатный дом, насчитывающий более 35 помещений (рис.12, 13). Внешние стены его были сложены из обожженного кирпича и имели толщину 90 см. Внутренние стены были фахверковыми: основания стен толщиной 30 см выкладывались из обожженного кирпича и сырцов, на них опиралась рама из деревянных брусьев, а пространство между брусьями заполнялось сырцами, положенными в "елочку". Пространство внутри стен засыпано субструкционным слоем толщиной 40-50 см, на который были настелены полы. Здание частично разрушено, поэтому его размеры можно определить лишь приблизительно. Его длина по оси С-Ю – 32,5 м. Ширина должна превышать 40 м, в том случае, если оно симметрично относительно центральной части.

Центральное положение занимала анфилада парадных помещений. Она начиналась обширным подъездом со ступенями, который примыкал с юга к основному объему здания. Впоследствии ступеньки были заменены пандусом. Дверной проем вел в помещение вестибюля (пом.2). Г.А. Федоров-Давыдов полагал, что оно являлось открытым айваном (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.57). Однако на пороге аналогичного вестибюля в усадьбе Сг2 были обнаружены остатки массивного бревна, поэтому можно предположить, что южная стенка этих помещений была деревянной, и в ней была сделана дверь, ведущая в здание. Учитывая особенности климата Нижнего Поволжья с достаточно холодными зимами, такое предположение кажется более вероятным. По стенам вестибюля были сооружены Г-образные суфы. Далее следовал распределительный тамбур (пом.11), в который вели двери нескольких помещений. Два скользящих вдоль меридиональных стен прохода соединяли его с центральным залом.

Помещение зала (пом.12) было прямоугольным в плане, вытянутым по оси С-Ю, и имело раз-

меры 15,8×9,4 м в средней части, в южной и северной частях ширина зала составляла 7,4 м. В южной части зала находилось возвышение, выложенное кирпичом на известковом растворе. С востока и запада возвышение обрамляли проходы, ведущие из тамбура. В средней части зала вдоль стен находились узкие суфы. На севере было сделано еще одно возвышение большей площади, чем южное. Оно также облицовано кирпичом. С востока и запада от него находились проходы, ведущие в северные помещения. Суфы с четырех сторон окружали фигурно выложенный пол размерами 7,4×7,4 м. В центре пола находилась большая тошна. Пол был вымощен плитами двух видов: из крупногабаритных квадратных плит выложен бордюр по краю пола, квадрат, окаймляющий тошну в центре, и дорожки, идущие от углов квадрата и образующие крестовидную фигуру. Пространство между дорожками было заполнено шестиугольной кирпичной плиткой, пространство вокруг тошни заложено обычными кирпичами. Стены зала украшали большие мозаичные панно, состоящие из фигурных полихромных элементов с позолотой. К северу от зала располагались еще два помещения, вероятно, как и с южной стороны, тамбур и айван.

С западной и восточной сторон к парадной части дворца примыкали жилые комнаты, расположенные рядами по оси С-Ю. Восточный конец здания частично разрушен: здесь прослеживаются две линии комнат. К вестибюлю (пом.2) и тамбуру (пом.11) примыкало жилое помещение 3. Его пол вымощен обожженным кирпичом, а южную часть занимала обширная П-образная суфа, в восточной части которой встроен тандыр с двухканальным каном. С северной стороны с помещением 3 граничил узкий длинный коридор (пом.17), который служил для связи центрального зала (12) с помещениями 3, 19 и через небольшой тамбур (2) – с помещением 21. Полы коридора и тамбура также были выложены кирпичами. Еще севернее находилось жилое помещение 4 с кирпичным полом и большой П-образной суфой, обогреваемой каном. Еще один узкий длинный коридор (пом.16), пол которого был выстлан кирпичом, соединял центральный зал с комнатами северо-восточной части здания. Помещение 15, расположенное к северу от него, было почти полностью разрушено. О нем можно лишь сказать, что, скорее всего, оно было жилым, так как здесь обнаружены остатки кана. В юго-восточном углу здания находились сильно разрушенные помещения 21 и 19 с кирпичными полами. В помещении 21 в полу была сделана тошна, а в помещении 19 были зафиксированы остатки суфы с каном. Вероятнее всего, эти комнаты также были жилыми. К помещению 4 с востока примыкало обширное помещение 18, которое служило для хозяйственных

целей. Здесь была найдена мельница для перемалывания проса и множество хозяйственных ям. Пол в комнате был глинобитным.

К западу от зала до внешней стены здания помещения расположены в три-четыре ряда. Самым южным в первом ряду было помещение 5 значительной площади. Его размеры составляли 7,2×10,6 м. Попастъ в него можно было из южного тамбура (пом.11). Большую часть комнаты занимал пол, выложенный кирпичом. П-образная суфа пристроена к южной стене. В западной и восточной части суфы встроены каны, но они не использовались и были забутованы глиной. Авторы раскопок считают, что это неотопляемое помещение не было жилым и выполняло роль малого приемного зала (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1979, с.56, 57). С севера к нему примыкала жилая комната (пом.13). П-образная суфа с двумя канами была пристроена в ней к восточной стене. В центре кирпичного пола сделана тошна. Еще севернее находился маленький распределительный тамбур (пом.10), который соединял центральный зал с помещениями 7 и 8. Назначение небольшого, сильно вытянутого в меридиональном направлении помещения 7 не ясно. Известно только, что на полу его имелась вымостка, а в северной части находился кан. Помещение 8 являлось дворцовой кухней. Здесь сооружены небольшие суфы с встроенными в них четырьмя тандырами, а в полу сделана тошна. Пол в кухне был выложен кирпичом только в южной части, а на остальной площади он был глинобитным. У северной стены находилось помещение 29, внутренние конструкции которого почти полностью разрушены.

Самой южной в следующем ряду была большая (5,6×7,5 м) жилая комната (пом.24). Большую часть ее площади занимала П-образная суфа, с двумя канами, проложенными вдоль восточной и западной стен. Небольшой пол в северной части выложен кирпичом. Комната соединялась с другими помещениями при помощи узкого коридора (пом.25), расположенного в меридиональном направлении. К западу от него находились две небольшие жилые комнаты (пом.22 и пом.23) с суфами и канами. В помещении 22 пол замощен кирпичом, а в помещении 23 он был глинобитным. Северный конец коридора (пом.25) соединялся с другим коридором (пом.27), расположенным в широтном направлении до западной стены здания. В этом же ряду комнат за помещением 27 находилась жилая комната (пом.28) с П-образной суфой, каном и двумя встроенными в суфу тандырами. Северное помещение 35 было сильно разрушено: в нем прослежен лишь участок суфы.

В юго-западном углу здания находилось скромно оформленное помещение 34 с суфой и канами. С севера к нему примыкало помещение 26. Большую

часть его площади занимал пол, выложенный кирпичом, в северо-восточном углу находилась небольшая суфа прямоугольной формы. На поверхности суфы, покрытой слоем белой известковой обмазки, был прочерчен вавилон из трех квадратов, пересеченных по диагонали косыми линиями. Стены комнаты оштукатурены, и при разборке помещения найдены фрагменты штукатурки с процарапанными на них рисунками (фигурки людей, всадник, человек с зонтиком и др.), сделанными явно детской рукой. Среди этих граффити выделяется рисунок человека в короне, под которым находился обрывок надписи уйгурскими буквами. Г.А. Федоров-Давыдов считал это помещение детской комнатой (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.58). За помещением 26 находилась небольшая жилая комната (пом.31) с суфой, каном, тандыром и тошной в кирпичном полу. Обе комнаты соединялись с коридором 27 через небольшой коридорчик (пом.30), расположенный к западу от помещения 31.

С северной стороны к широтному коридору 27 примыкала довольно обширная (6,7×6,5 м) комната 32, которая являлась ванной. Пол ее выложен кирпичом, а в центре находилась квадратная (1,2×1,2 м) ванна, стенки которой сложены из кирпичей, поставленных на ребро. В дне ванны проложена керамическая труба, которая служила для отвода использованной воды. Труба проходила через внешнюю стену и выходила в водосточную канаву. Северо-западный угол здания занимало помещение 33, внутренние конструкции которого не сохранились.

Дворцовое здание усадьбы Ст3 имело сложную планировку, за время существования усадьбы его помещения неоднократно перестраивались, но в целом структура оставалась неизменной: жилые и хозяйственные помещения располагались в несколько рядов и соединялись при помощи системы тамбуров и коридоров. В постройке выделяется расположенная вдоль центральной меридиональной оси парадная часть, к которой с востока и запада примыкают остальные комнаты. Такая планировочная структура позволяет отнести ее к тому же типу, что и здания усадеб Цг7, Ст1 и Ст2.

Еще одно крупное усадебное здание (Ст4) исследовано на XXI раскопе Селитренного городища (Зиливинская Э.Д., 2008а). Здание было возведено в несколько этапов, причем каждая новая пристройка имела собственную планировку (рис.14). Сначала оно состояло всего из двух помещений, стены которых были сложены из большеформатного сырцового кирпича нерегулярной кладкой (рис.15, 1). Толщина стен равнялась 80-100 см. Прямоугольное в плане помещение I размерами 4×4,6-4,8 м было жилой комнатой. От конструкций I строительного периода в нем сохранилась только небольшая пря-

моугольная суфа, в которой был сделан водосток из керамических труб для вывода грязной воды через внешнюю стену за пределы здания. Вероятно, в суфе находилась тошна. Пол помещения был выложен жженым кирпичом, стены оштукатурены белой известковой обмазкой. Впоследствии в комнате сделано несколько перепланировок, но во все периоды здесь сохранялась большая суфа с тандыром и каном, а в полу – тошна. То есть, по структуре помещение было жилым. Оформлена комната была довольно богато: полы в ней выложены кирпичами на известковом растворе и крупноформатными плитками красного и желтого цветов, стены оштукатурены алебастровой обмазкой, поверхность суфы покрыта розовой обмазкой из извести с добавлением толченого кирпича, а в окна вставлены решетки – панджара с прозрачными и цветными стеклами. С северной стороны к помещению 1 примыкало помещение 2, которое использовалось для хозяйственных нужд. Его размеры: 6,2 м по оси запад-восток и 5 м по оси север-юг. Оформление комнаты было более скромным: пол земляной, стены покрыты известковой обмазкой. Вдоль восточной стены поставлены деревянные опоры, поддерживавшие крышу. В полу находились очаги и тандыры, а также выкопаны различные хозяйственные ямы и тошна.

На следующем этапе к помещению 1 с юга пристраивается жилое помещение 3 с фахверковыми стенами (рис.15, 2). Оформлено оно было скромно: пол глинобитный, обмазка стен также сделана из глинистого раствора. Внутри находилась суфа с тандыром и каном. В северной стене помещения 2 прорубается проход, от которого отходит коридор (пом.12) шириной 1 м с тремя парами комнат по сторонам (пом.4, 6, 7, 8, 13, 14). Стены этих помещений сделаны из дерева. Пол коридора выложен обожженными кирпичами на известковом растворе. Комнаты, расположенные с двух сторон коридора, были жилыми. Размеры их невелики: две южные имели длину 4 м и ширину 2,5 м, остальные имели размеры 3×2,2-2,5 м. Внутри находились Подобные суфы с тандырами и канами, полы глинобитные или вымощены кирпичами. При постройке интерьеры помещений, расположенных с восточной и западной сторон коридора, были зеркально симметричны, впоследствии в некоторых из них сделаны перепланировки. Общие размеры этого жилого блока составляли 10,6×6 м.

Третьим этапом было, вероятнее всего, возведение парадного зала (пом.11) с примыкающими к нему помещениями (рис.15, 3). Стены зала и помещений 15 и 16 сложены из обожженного кирпича, а у остальных комнат – из сырца. Обширный парадный зал (пом.11) располагался в северо-западной части здания. Размеры его составляли 10×12 м. Пол зала выложен обожженными кирпичами на

известковом растворе. В полу сделана большая круглая тошна и углубление прямоугольной формы с кирпичными стенками, возможно, декоративный бассейн. Не известно, что находилось в северной части помещения, так как она была разрушена. Стены зала оштукатурены алебастровой обмазкой и украшены мозаичными панно. Плотный завал из элементов мозаик белого, синего, бирюзового, желтого, красного и зеленого цветов был найден на полу при расчистке помещения. Непонятно, как было перекрыто столь обширное помещение. Возможно, крышу поддерживали деревянные столбы, установленные непосредственно на кирпичи пола.

С южной стороны к залу примыкало помещение 10, которое являлось парадным тамбуром. Его пол вымощен обломками обожженных кирпичей и покрыт белым известковым раствором, вдоль восточной и западной стен сооружены высокие суфы. Стены и поверхности суф также были оштукатурены. От жилых помещений 6, 8 и 14 зал отделен узким длинным (1,4×10 м) коридором (пом.15), с южной стороны которого находился небольшой тамбур (пом.16). Полы в них также были кирпичными. Еще южнее располагалось помещение 9, внутренние конструкции в котором не сохранились. На третьем этапе к восточной стене помещения 4 пристроили еще одну жилую комнату с суфой и каном (пом.5).

Таким образом, дом усадьбы Сг4 не был построен по единому плану. Он представляет собой конгломерат из нескольких механически соединенных частей. Каждая из них имеет довольно продуманную и логичную планировку, но соединенные вместе они образуют здание, планировку которого нельзя считать упорядоченной. На последнем этапе здание насчитывало по оси З-В 18,8 м в северной части и 24 м в южной. Длина его по оси С-Ю составляла более 25,2 м (в восточной части). Более точно длину здания установить невозможно, так как южная и юго-западная его части разрушены.

Ахтубинское городище

Два дворцовых здания были исследованы на городище Ахтубинском, расположенном в 56 км от Астрахани, выше по течению Ахтубы (Плахов В.В., 2007; 2008). В настоящее время памятник почти полностью застроен поселком Комсомольский, поэтому возможность проведения раскопок здесь весьма ограничена. Одно здание (Аг1) было вскрыто полностью, другое (Аг2) – частично, но планировку его в целом оценить можно.

Здание Аг1 было прямоугольным в плане размерами 36,5×21,2 м (рис.16). Длинной осью оно ориентировано по направлению З-В с небольшим

отклонением. Стены здания сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе и имели толщину от 1 м до 0,75 м. Северо-западный и северо-восточный углы укреплены трехчетвертными колоннами диаметром 0,8 м. Внутреннее пространство между стенами было засыпано нивелировочным слоем толщиной до 1,7 м, на который уложены полы. Автор раскопок эту засыпку называет “платформой” (Плахов В.В., 2008, с.125), однако такое определение представляется неудачным. Платформой можно считать специально сооруженное основание, на котором возводится все здание. Здесь же мы имеем забутовку внутри периметра его стен.

Вход в здание находился с южной стороны. К нему вел большой пандус, который имел длину 12,6 м и ширину 11,7 м. Пандус представлял собой сооружение, стенки которого сложены из двух рядов кладки: из сырцового кирпича на глиняном растворе с внутренней стороны и обожженного кирпича на известковом растворе – с внешней. Южная стенка пандуса сложена в три слоя кладки, северный его край поднимался на 1,7 м, то есть до уровня пола здания. Массив пандуса составляла плотно утрамбованная суглинистая масса. Поднявшись по пандусу, можно было попасть в большой открытый с южной стороны айван, который имел ширину 6 м и глубину 4,1 м. Стены айвана были оштукатурены известковой штукатуркой. За айваном находился большой парадный зал (пом.1). Зал был квадратным в плане (9,85×9,85 м) с нишей – айваном в северной части (1а). Размеры ниши: ширина – 4,1 м, глубина – 2,75 м. Таким образом, общая длина зала составляла 12,6 м. В его центральной части были обнаружены массивные кирпичные фундаменты от четырех колонн, которые, вероятно, поддерживали купол. Расстояние между центрами фундаментов – около 4,3 м. В восточной части помещения сохранился участок вымостки пола из обожженных кирпичей на известковом растворе, стены зала были оштукатурены. При разборке помещения найдено множество фрагментов архитектурных деталей: парусов, сталактитов, известковой обмазки бревен, вероятно, от перекрытия, а также обломки оконного стекла бирюзового цвета. Здесь также находился завал кирпичей и кашинных облицовочных плиток бирюзового цвета от купола.

С северной стороны к айвану парадного зала примыкало помещение 5, вытянутое в широтном направлении. С востока и запада от него находились две небольшие комнаты (4 и 6) прямоугольной формы. Таким образом в здании Аг1 так же, как и в зданиях усадеб Сг1, Сг2, Сг3 и Цг7 во втором периоде, выделяется средний ряд помещений, состоящий из айвана, парадного зала и трех небольших комнат, которые, вероятно, являлись тамбурными помещениями. Снаружи к северной стене здания

со смещением к востоку от центральной оси было пристроено еще одно помещение, которое автор раскопок назвал "тыловым айваном павильонного типа" (Плахов В.В., 2008, с.132). От этого сооружения осталась только глинобитная платформа высотой 1,2 м, окруженная стенками из обожженных кирпичей. Проход в это помещение мог быть только через помещение 6. Если вспомнить стремление золотоордынских строителей к симметрии при возведении монументальных построек, можно предположить, что этот проход был сделан позднее, когда к основному зданию был пристроен "тыловой айван".

К центральной части здания с востока и запада примыкали помещения, расположенные в два ряда с каждой стороны. Полы и внутренние конструкции в них были полностью разрушены, поэтому назначение их определить невозможно. Самое большое помещение 16 размерами 7,5×10 м располагалось в юго-восточном углу здания. По аналогии с другими подобными постройками можно предположить, что здесь находился еще один "малый" зал для приемов. К западу и северу от него располагалось помещение 14 сложной формы в виде сильно вытянутого в меридиональном направлении прямоугольника с загибом к востоку в северной части и к западу – в южной. Его длина – 13,5 м, ширина – 3,4 м в средней части, 5,4 м – в южной части и 7,5 м – в северной. С севера от помещения 16 находилась небольшая комната (15), примыкавшая к внешней восточной стене. Ее пол не был поднят: он находился на уровне дневной поверхности. Автор раскопок предполагает, что здесь располагался тамбур бокового входа (Плахов В.В., 2008, с.129). Это предположение кажется маловероятным. непонятно, почему уровень пола тамбурного помещения находился на 1,7 м ниже полов в остальном здании, тем более, что никаких следов лестницы или пандуса здесь не найдено. Скорее, можно предположить, что здесь находилась кладовка с погребом для хранения продуктов. Самыми северными в восточном блоке были прямоугольные в плане помещения 7 и 8 почти одинаковых размеров (5,8×4,6 м и 5,3×4,6 м).

С западной стороны от центрального зала комнаты также располагались в два ряда. В юго-западном углу находилось помещение 11 довольно большой площади (8,6×5,7 м). К востоку от него – небольшая комнатка 13 и помещение 12, чьи размеры позволяют видеть в нем распределительный тамбур, через который из центрального зала можно попасть в помещения 10, 11 и 13. Северную часть западного блока занимали четыре близкие по размерам комнаты.

Все помещения этого комплекса имели богатое оформление. При разборке завалов в них были найдены фрагменты известковой штукатурки и

полов из жженных кирпичей с изразцовыми вставками, архитектурные и декоративные детали из ганча, решетки-панджара с цветными стеклами. Сохранился и был расчищен упавший блок фасадной стены, украшенный фризом. Одна полоса этого фриза сложена из майоликовых полихромных вставок с растительным орнаментом. Другая широкая полоса состояла из нескольких поясов орнамента, выложенного из изразцовых кирпичей бирюзового цвета и подточенных кирпичиков, так называемых "сухарей". Кирпичи лицевой поверхности этой стены, сложенные на известковом растворе, были подшлифованы. По мнению В.В.Плахова, этот фриз находился на высоте около 4,7 м (Плахов В.В., 2008, с.132), следовательно, высота здания могла составлять около 5 м.

Как уже упоминалось, полное отсутствие внутренних конструкций не позволяет достоверно судить о назначении как всего здания, так и отдельных его помещений. Автор раскопок считает его административным (Плахов В.В., 2007, с.134; 2008, с.139). Тем не менее, совершенно очевидно явное сходство его планировки с крупными усадебными зданиями других нижневолжских городищ. О том, что некоторые помещения здания Ag1 могли быть жилыми и отапливались, свидетельствуют, в частности, находки остатков вертикальных дымоходов в виде керамических труб со следами сажи на внутренней стороне и известкового раствора – на внешней. Среди находок присутствует некоторое количество бытовой керамики (кувшины, кумганы, миски) и кости животных. Скорее всего, это было усадебное здание дворцового типа.

Второе дворцовое здание на Ахтубинском городище Ag2 было раскопано частично (рис.17). Его стены также сложены из обожженных кирпичей и имели толщину 1,2-1,4 м. В раскопе вскрыт центральный зал здания (пом.1). Размеры его большей части: 9,4×9,4 м. В северной части находился айван-ниша (1а) размерами 3,45×3 м. В айван вел проход шириной 2,8 м. В центре зала были сооружены четыре колонны, от которых сохранились фундаменты. С юга к залу примыкало помещение, которое, вероятно, являлось входным айваном. С северной стороны, с двух сторон от айвана центрального зала, находились два небольших помещения. Снаружи к внешней северной стене здания пристроено сооружение, смещенное к западу относительно центральной меридиональной оси здания. Вероятно, здесь также сооружен "тыловой айван". С востока и запада от центрального ряда комнат находились другие помещения, которые вошли в раскоп небольшой частью. С восточной стороны было не менее двух рядов помещений. Таким образом, здание Ag2 по своей структуре было сходно со зданием Ag1.

Хаджитархан

Небольшое усадебное здание было исследовано на окраине городища Хаджитархан (Плахов В.В., 1986; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.54). Оно представляло собой капитальную, хорошо спланированную постройку в виде прямоугольника размерами 13,2 м по оси С-Ю и 11 м по оси З-В. Ее стены сложены из сырца размерами 45×25×5 см и ориентированы точно по сторонам света. Внешние стены и широтная внутренняя имели толщину 91 см. Они сложены следующим образом: слои кирпичей, положенных тычком в два ряда, чередуются со слоями из трех рядов, внешние из которых выложены в ложок, а внутренний – в тычок. Меридиональная внутренняя стена имела толщину 71 см и состояла из двух рядов кладки, один из которых лежал тычком, а другой – ложком. То есть по формату сырца и системе кладки этот дом напоминает усадьбы Сг1 и Сг2.

Внутренние стены крестообразно делят здание на четыре помещения. Проход в восточной внешней стене, скользящий вдоль внутренней широтной стены, вел в помещение 1 в юго-восточной части дома. Двигаясь дальше вдоль стены, можно было попасть в юго-восточное помещение 2 и северо-восточное помещение 3. Эти три комнаты образуют блок помещений, который состоит из двух жилых комнат с суфами и каналами (1, 2) и хозяйственного помещения 3, в котором находилась только тошна.

Помещение 4, расположенное в северо-восточном углу дома, не соединялось с этим блоком. В него вел проход из двора, также скользящий вдоль внутренней широтной стены. В северо-восточном углу помещения находилась печь из двух стоящих рядом тандыров. Суфа примыкала к южной и западной стенам, она была неотапливаемой и довольно узкой. В полу комнаты сделаны хозяйственные ямы. Оформление этой комнаты свидетельствует о том, что здесь находилась кухня. Таким образом, дом усадьбы Хг1 имел простую, но хорошо продуманную планировку. Все пространство было разделено перпендикулярными стенами на четыре комнаты. Два жилых помещения соединялись между собой и с небольшим залом. Кухня была отделена от остальных комнат и имела собственный выход во двор.

Кучугурское городище

Единственным усадебным домом, полностью исследованным за пределами Нижнего Поволжья, является здание в пригороде Кучугурского городища (Кг1), раскопанное В.И.Довженком в 1953 г (Довженок В.И., 1961, с.187-192). Постройка имела пря-

моугольную форму. Размеры ее составляли 28 м по линии З-В и 17,4 м по линии С-Ю (рис.18). Стены дома сложены из обожженного и сырцового кирпича, а также известковых блоков на глиняном и известковом растворах. Внешние стены были толщиной 105 см, внутренние – 90 см. Западные углы фланкированы круглыми башнями.

Все здание состояло из двух частей – основной, западной, и восточной, которая, возможно, была пристроена позднее. Западная часть имела форму квадрата размерами 17,4×17,4 м, восточная была прямоугольной размерами 17,4×11,6 м.

Стены основной части дома сложены панцирной кладкой из обожженного кирпича. Она была разделена стеной, расположенной в широтном направлении, на две половины, каждая из которых, в свою очередь, состояла из двух неравноценных по площади комнат. Кстати говоря, в публикации В.И.Довженка фигурирует значительно большее количество помещений, так как исследователь принял за внутренние перегородки подпорные стенки суф. В данной работе дается иная трактовка состава помещений здания.

Вход в западную часть дома, скорее всего, находился с южной стороны и вел в тамбурное помещение 1. Пол тамбура выложен жженым кирпичом на известковом растворе. Вдоль восточной и северной стен сделана узкая суфа, в которой расположен обогревавший ее кан. В северо-западном углу тамбура находились два скользящих прохода, ведущие в помещения 2 и 3.

Жилая комната 2 располагалась к западу от тамбура. Ее пол выложен хорошо отесанными каменными плитами, а стены обильно украшены известковой штукатуркой с рельефным орнаментом и рисунками розовой и золотой краской. Западную часть комнаты занимала П-образная суфа с двумя каналами, один из которых сложен вдоль северной стены, а другой – дугообразно от центра суфы к юго-западному углу комнаты.

Помещение 3 располагалось в северо-восточном углу жилого блока. Пол комнаты был глинобитным, лишь вдоль западной стены узкий участок вымощен известняковыми плитами. Северо-западную часть комнаты занимала прямоугольная суфа, посередине которой сложена массивная печь, от нее отходили горизонтальные каналы. В юго-восточном углу сохранились остатки другого кана изогнутой формы. В.И.Довженок считал эту комнату кухней (Довженок В.И., 1961, с.166).

Скользящий проход в западной стене соединял помещения 3 и 4. Последнее находилось в северо-западном углу здания и представляло собой типичную жилую комнату. В ней была, П-образная суфа с топкой в центре и дугообразным каном; оформление комнаты довольно скромное. Таким обра-

зом, основная часть здания усадьбы Кучугурского городища состояла из передней (пом.1), парадной жилой комнаты (пом.2), помещения для приготовления пищи (пом.3) и обычной жилой комнаты (пом.4).

Пристройка в восточной части, вероятно, была сделана позднее: ее стены сложены из камня вплотную к восточной стене первоначального объема здания. В центре пристройки находился обширный двор или зал (пом.5) размерами 9,75×10 м. С севера и юга от него располагались по три прямоугольные камеры. Северные имели ширину 1 м и длину от 2,0 м до 3,5 м. Южные камеры были 2 м шириной, причем средняя из них вдвое длиннее, чем боковые. Несмотря на свои небольшие размеры, камеры были отделены от внутреннего двора и друг от друга толстыми капитальными стенами. В некоторых из этих помещений прослежены остатки глинобитных полов, никаких внутренних конструкций в них не было.

Планировка пристройки напоминает внутренние дворы усадеб Цг6 и Вг1, которые с востока и запада были обрамлены жилыми помещениями, а с севера и юга – хозяйственными клетями. Если же внутренний двор усадьбы Кучугурского городища был крытым, что вполне вероятно в здании с капитальными стенами, то несомненно ее сходство с усадебными домами с центральным залом (Цг7, Сг1, Сг2, Сг3, Аг1, Аг2). С домом усадьбы Цг7 здание на Кучугурском городище сближает также наличие угловых башен, а с усадьбой Сг3 соединение комнат через тамбурные помещения. На Кучугурском городище жилой блок расположен только с восточной стороны. Планировка его достаточно логична и композиционно завершена. По количеству, расположению и назначению помещений он поразительно напоминает дом усадьбы Хт1 в Хаджитархане. Несимметричное положение зала сходно с планировкой усадьбы Сг4.

Возникновение восточной пристройки могло быть связано с изменением имущественного или социального статуса владельца усадьбы. При перестройке получился дом, родственные усадьбам Сг1, Сг2, Сг3, Цг7, но лишенный их симметрии. Возможно, дом на Кучугурском городище имел такую же планировку. На это указывает расположение входа в дом во II периоде. Вход, оформленный двумя пилонами, находился посередине южной стены пристройки. Он вел в средний тамбур южного ряда клетей, из которого можно было попасть в центральный зал или же через юго-западный тамбур в помещение 1 и весь западный блок. В восточной стене юго-восточного тамбура также имеется разрыв. Это обстоятельство позволяет сделать предположение о возможности существования восточного жилого блока. Быть может, он

был разрушен более сильно и поэтому не прослеживался по микрорельефу. В раскоп он также не попал, так как раскоп разбит по контуру стен, и площадь к востоку от здания не исследовалась. К сожалению, проверке эта гипотеза не подлежит. В любом случае сходство усадьбы Кг1 с поволжскими несомненно.

Типология и генезис усадебных зданий

Таким образом, в настоящее время исследовано достаточно большое число усадебных зданий. Наличие этого материала дает возможность рассмотреть некоторые закономерности формирования усадебных зданий в Золотой Орде и создать их предварительную классификацию. По строительной технике постройки можно разделить на три большие группы:

I. Здания, состоящие из механически соединенных ячеек, каждая из которых представляет собой однокомнатный монгольский дом.

II. Многокомнатные монументальные здания, построенные по единому плану.

III. Многокомнатные монументальные здания-конгломераты, состоящие из нескольких, пристроенных друг к другу частей, каждая из которых имеет упорядоченную планировку.

Типы усадебных домов отличаются взаимным расположением комнат. К I группе (рис.19) относятся следующие типы зданий:

1. Квадратный (или близкий к квадрату) однокомнатный дом. В этом случае центральное здание усадьбы состоит из одной единственной ячейки. Как уже упоминалось, такая планировка характерна для жилищ рядового населения городов Золотой Орды. Однако подобная постройка может быть центральным домом и в сравнительно зажиточной усадьбе (усадьба Цг2, II период).

2. Ячейки располагаются в одну линию, между собой они не соединяются, каждая имеет отдельный выход, причем двери обращены обычно в одну сторону. Усадебные дома этого типа были исследованы в восточном пригороде Нового Сарая (Цг1, Цг2) и в усадьбе “дома с юртами” (Цг4). Кроме того, в усадьбах Цг6, Цг7, Сг1, Сг2 по такому плану были построены дома для челяди и слуг. Они не рассматривались в работе подробно, так как не являлись центральными домами усадьбы.

3. Ячейки пристроены друг к другу с различных сторон, беспорядочно. Такие дома-конгломераты образуются при постепенном расширении однокомнатных домов. Таковы дома усадеб Цг2 (с учетом пристроенных мастерских), многокомнатный дом в усадьбе Цг3, дом или комплекс домов в усадьбе Цг4.

4. Два однокомнатных дома расположены друг против друга, интерьеры их зеркально симметричны. Таковы дома в усадьбе Цг1 в первом периоде.

5. Два однокомнатных дома расположены друг против друга, зеркально симметричны и соединены стенкой, образующей айван. Этот тип логически вытекает из предыдущего. К этому типу относится дом усадьбы Цг5.

6. Дома с внутренним двором. Помещения в них располагаются по периметру двора, причем жилые комнаты находятся с восточной и западной сторон, а с южной и северной сторон расположены хозяйственные клетки и тамбуры. Вход в дом сделан с южной стороны и ведет во двор. По этому плану построены усадьбы Вг1 и Цг6.

II группу (рис.20) составляют постройки двух типов:

1. Прямоугольные в плане здания, разделенные взаимно перпендикулярными стенами на несколько помещений. Планировка этих домов довольно проста и в то же время очень логична. Таковы центральные дома усадеб Хг1, Кг1 в I периоде и, вероятно, Цг7 в I периоде.

2. Здания с парадным залом, расположенным на центральной оси здания. К типу II.2 относятся самые богатые дома. Их отличает наличие большого количества помещений, их функциональная дифференциация, сложный, хорошо разработанный план. В то же время нельзя не заметить сходство домов типа II.2 с домами типа I.6. Их генетическая связь особенно четко прослеживается на примере усадьбы Сг1 в последний период ее существования, когда центральный зал стал выполнять функции внутреннего двора, а жилая часть здания была разделена на отдельные жилые блоки, сходные по своему содержанию с домами-“ячейками”. Этот тип, в свою очередь, можно разделить на два подтипа, которые различаются по форме парадного зала.

2А. Здания с прямоугольным залом, вытянутым вдоль оси С-Ю. Это квадратные в плане постройки, объем которых разделен меридиональными стенами на три ряда помещений примерно одинаковой ширины. Средний ряд имеет открытый во двор айван или закрытый тамбур с южной стороны. К северу от него находится прямоугольный зал для приемов. К северу от зала может быть еще один айван или тамбур. С запада и востока от этого ряда помещений находятся жилые комнаты и помещения различного назначения. Классическим примером зданий этого типа являются дома усадеб Сг1, Сг2, вероятно, усадьба Цг7 во II периоде.

2Б. Здания с квадратным парадным залом, соединенным с одним или несколькими айванами. Это прямоугольные в плане постройки, вытянутые в широтном направлении. В них выделяется средний ряд помещений, который состоит из открытого

во двор айвана, соединяющегося непосредственно или через тамбурные помещения с квадратным залом, в северной части которого находится парадный айван. По бокам этого айвана находятся две небольшие комнаты. Остальные помещения расположены в несколько рядов с восточной и западной сторон от центральной анфилады помещений. К нему относятся усадьбы Сг3, Аг1, Аг2. Влияние этого типа можно усматривать и в планировке дома усадьбы Кг1 во II периоде. Если же в этой усадьбе была восточная часть, которая была разрушена или по каким-то причинам не раскопана, здание Кг1 однозначно относится к типу II.2Б.

К III группе относятся дома одного типа:

1. Здания асимметричной планировки. Они представляют собой дома-конгломераты, состоящие из нескольких пристроенных друг к другу блоков, каждый из которых представляет собой здание с капитальными стенами. В таких зданиях также может находиться парадный зал, но он расположен не по центральной оси здания. К этому типу принадлежат здание усадьбы Сг4 и здание усадьбы Кг4 во II периоде.

По мере накопления материала данная классификация, несомненно, будет уточнена и расширена, однако основные направления усадебного домостроительства Золотой Орды в ней представлены уже сейчас. Интересно рассмотреть генезис золотоординских усадебных домов. Мне представляется, что для разных типов он неодинаков.

Простейшим типом усадебного здания (тип I.1) является однокомнатный “монгольский” дом. Он же является элементарной ячейкой всех остальных типов зданий, относящихся к I группе. Такой дом возникает в результате трансформации юрты в стационарное жилище – процесс, который хорошо известен и неоднократно описан в этнографических исследованиях. При переходе к оседлому образу жизни бывшие кочевники или полукочевники, основным жилищем которых являлась сборно-разборная юрта (монг. *гэр*), состоящая из деревянного каркаса и войлочного покрытия, начинают строить стационарные жилища из других материалов – дерева, глины, камня. Первоначально стационарные жилища сохраняли привычную круглую в плане форму, но применение твердых строительных материалов приводило к тому, что круг постепенно превращался в правильный многоугольник и затем – в квадрат (рис.21). Например, в Китае известны жилища казахов квадратной формы с двускатной или плоской кровлей с земляной насыпью (Типы традиционного ..., 1979, с.189). В районах, богатых лесом, дома бревенчатые, в других – из сырового кирпича или из глины на деревянном каркасе. В последних имеется возвышение, напоминающее суфу. Киргизы, населявшие

Китай, строили квадратные в плане глинобитные дома с плоской крышей (Типы традиционного..., 1979, с.190). В Акмолинской и Агбасарской областях Российской империи в XIX в. бедные киргизы жили в так называемых чучелах, круглых жилищах из деревянных жердей, обложенных дерном, напоминающих по внешнему виду юрту (Харузин Н., 1896, с.54). Буряты подобные сооружения возводили из бревен (Георги И., 1799, с.30). У поволжских калмыков известны круглые и восьмигранные жилища из камня (Житецкий И.А., 1893, с.24). В Туркмении, в Мервском оазисе, салгыры Серакса, сарыки и эрсари строили круглые в плане камышовые жилища с куполообразной крышей. Такие юртообразные жилища известны с конца XIX в. и сохранились до наших дней в качестве хозяйственных построек. Г.П.Васильева, со ссылкой на С.Г.Агаджанова, выводит этот тип жилища от мазанок огузов X-XIII вв., напоминавших по форме кочевую юрту и известных по письменным источникам (Васильева Г.П., 1982, с.197). Узбеки-дурмены, населявшие территории Южного Таджикистана и Узбекистана при переходе к оседлости в 1-й пол.XX в. начинают строить глинобитные дома. Первые дома были однокамерными с закругленными стенами. Окна в них отсутствовали, очаг находился в центре земляного пола, дым выходил через отверстие в потолке (Борозна Н.Г., 1966, с.104-107). Автор отмечает, что точно такие же дома строили казахи и полукочевые узбеки. Интересно, что, имея своим прообразом юрту, многие из этих жилищ перекрывались плоской крышей, и лишь в районах с повышенной влажностью крышу делали двухскатной.

Аналогичные явления наблюдались и у монголов (Кондратьева М.И., 1935, с.39; Щепетильников Н.М., 1960, с.76; Майдар Д., Пюрвеев Д., 1980, с.50-56), причем стационарные жилища строились из различных материалов в зависимости от зоны обитания. В северной лесостепной части Монголии преобладали деревянные постройки, в южной степной и центральной частях – саманные, в западных горных районах – каменные. В районах Китая, населенных монголами (Внутренняя Монголия), прослежено несколько этапов эволюции стационарных юртообразных жилищ. В домах простейшей конструкции решетчатые стенки юрты утепляли тростником и обмазывали с двух сторон полужидкой смесью глины с рубленной соломой или травой. В восточной половине таких жилищ делалась обогреваемая дымоходными каналами лежанка. Иногда к круглой мазанке пристраивали прямоугольную хозяйственную пристройку без окон. Также с XII-XIII вв. получает распространение четырехугольное жилище (5×6 м) с глинобитными стенами и невысокой купольно-пирамидальной крышей (Типы традиционного..., 1979, с.191-192).

В.Л.Егоров подробно рассмотрел строение квадратных в плане домов “монгольского” типа (Типы традиционного..., 1979, с.211-214) в Золотой Орде (Егоров В.Л., 1970, с.180-188). Он разделяет квадратные в плане постройки на дома с деревянными стенами, дома с деревянными стенами на сырцовом цоколе и дома, часть деревянных стен которых стоит на сырцовом цоколе, а часть – непосредственно на земле. Для возведения здания на выровненную землю или на цоколь укладывалась рама из бруса с выдолбленными в нем пазами (рис.22). В пазы вертикально вставлялись доски, а по углам стен – толстые балки. Сверху вся конструкция закреплялась еще одной рамой аналогичной конструкции. Дощатые стены снаружи и изнутри обмазывались глиняным раствором. Крыши в таких домах, по мнению В.Л.Егорова, были четырехскатными с отверстием в зените (Егоров В.Л., 1970, с.183).

В целом такая схема не вызывает возражений. Тем не менее, следует учитывать, что статья В.Л.Егорова написана более 35 лет назад и охватывает только некоторую часть раскопанных к тому времени жилищ Царевского городища. За прошедшие годы количество исследованных золотоордынских домов в Нижнем Поволжье неизмеримо возросло, и общая картина выглядит более сложной. Прежде всего, мне представляется, что, кроме стен подобной конструкции, дома в Золотой Орде могли иметь стены из сырцового или обожженного кирпича. Утверждение В.Л.Егорова, что стены толщиной в 2 кирпича являются слишком хрупкими, чтобы выдерживать перекрытие, не кажется убедительным, так как многие небольшие по объему сырцовые и глинобитные постройки Средней Азии имеют толщину стен около 40-60 см (Воронина В.Л., 1982, с.51). К этому же выводу пришел и Г.А.Федоров-Давыдов, который выделяет однокомнатные дома со сплошными кирпичными и сырцовыми стенами (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.50-51). Также, как мне кажется, крыши в золотоордынских домах могли быть плоскими или с небольшим скатом. Следует помнить, что все рассматриваемые дома датируются не сер.XIII в., когда происходил переход кочевое население Золотой Орды к оседлой городской жизни, а 2-3 четв.XIV в., и построены они, скорее всего, при участии среднеазиатских мастеров. Об этом свидетельствует, в частности, формат кирпича, о чем пишет В.Л.Егоров (Егоров В.Л., 1970, с.184). Для Средней Азии и Казахстана более характерна плоская форма крыши (Воронина В.Л., 1982, с.49, 50). Интересно, что даже при трансформации кочевого жилища в стационарное крыша в таких домах часто приобретает плоскую форму (например, Борозна Н.Г., 1966, с.107). Кроме того, далеко не все однокомнатные золотоордынские дома XIV в. квадратные в плане, многие из них имеют прямоугольную форму.

Интерьер “монгольского” дома, как, впрочем, и жилых помещений зданий других типов, состоял из Г-образной или, чаще, П-образной суфы с очагом (тандыром) и каном, проходящим в толще одного из “крыльев” суфы вдоль стены или полукругом в ее толще. В.Л.Егоров считает П-образную суфу чисто монгольским изобретением. Он пишет, что глиняные суфы, известные в Средней Азии с раннего средневековья, по своей конфигурации существенно отличаются от золотоордынских, так как они обычно устраиваются вдоль всех четырех стен комнаты, оставляя только узкий проход для дверей (Егоров В.Л., 1970, с.185). Здесь, мне кажется, исследователь чрезмерно категоричен, так как наряду с “периметральными” суфами, являющимися неизменным атрибутом парадных комнат, в жилых домах Средней Азии довольно часто встречаются и Г-образные, и П-образные суфы (Гудкова А.В., 1964, с.52; Неразик Е.Е., 1976, рис.105; Хмельницкий С., 2000, рис.156, 160, 161, 163, 173, 174, 177, 188; 1992, с.275; 1997, рис.110).

Обогревались золотоордынские дома системой отопления в виде канов, которые, по мнению В.Л.Егорова, были заимствованы монголами у джурджэней и киданей (Егоров В.Л., 1970, с.185-187). Л.Р.Кызласов пишет, что наиболее ранние каны прослеживаются на Дальнем Востоке (в Приамурье, Приморье, в северной полосе Китая и в Корее) в раннем железном веке (Кызласов Л.Р., 1975; 2001, с.86). В гунское время они известны в Забайкалье и Монголии (Давыдова А.В., 1956, с.265). Каны, сложенные вдоль двух или трех стен помещений, найдены при раскопках городища Ден-терек и Каракорума XIII в. (Кызласов Л.Р., 1965, с.67, рис.29, с.78, рис.41; Киселев С.В., Мерперт Н.Я., 1965, с.174, рис.100, с.178, рис.103; Erdenebat U., Pohl E., 2005, S.172-175). Казалось бы, происхождение канов в Золотой Орде можно считать однозначно монгольским. Однако недавно в Нижнем Поволжье, на городище Самосделка, в слоях домонгольского времени были найдены дома, обогревавшиеся канами с топкой в виде тандыра. Авторы раскопок предполагают, что на городище Самосделка каны были принесены еще в домонгольское время огузским населением низовьев Сырдарьи (Васильев Д.В. и др., 2003, с.87-107). В Южном Казахстане и Семиречье каны были известны еще в VII-VIII и X-XI вв., (Агеева Е.И., 1962, с.148-149; Сенигова Т.Н., 1962, с.158-159; Акишев К.А. и др., 1972, с.69-74; Байпаков К.М., 1986, с.431; Чуйская ..., 1950, с.49, табл. XIX; Неразик Е.Е., 1968, с.203-204). Появление канов в Средней Азии в домонгольское время исследователи связывают с тюркизацией местного населения центральноазиатскими элементами сначала уйгурского, а затем – огузо-кипчакского происхождения (Неразик Е.Е., 1968, с.204-

269; Ерзакович Л.Б., 1983, с.90). С.М.Ахинжанов и Л.Б.Ерзакович высказали предположение, что в нижневолжские города Золотой Орды каны могли быть занесены кимако-кипчакским населением из Южного Казахстана и Приаралья (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с.69). С этим мнением категорически не согласен Г.А.Федоров-Давыдов, считавший, как и В.Л.Егоров, что появление канов в Золотой Орде связано исключительно с монгольским влиянием (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.75). Тем не менее, учитывая исследования Самосдельского городища, а также тот факт, что остальные элементы интерьера золотоордынского дома (тандыр, тошна) имеют среднеазиатское происхождение, мне кажется, не следует полностью отвергать гипотезу С.М.Ахинжанова и Л.Б.Ерзаковича. Кроме того, каны Забайкалья, Монголии и Северного Китая имеют несколько другое строение, чем каны в Золотой Орде. Стенки их сложены из вертикально поставленных каменных плит и перекрыты такими же плитами. Они проложены вдоль двух или трех стен комнаты и часто имеют три канала. В Золотой Орде наиболее часто встречаются двухканальные каны, сложенные вдоль одной стены комнаты или полукругом в толще суфы. Стенки их сделаны из сырцовых кирпичей и перекрыты сверху обожженными кирпичами или сырцами.

Очаги в большинстве золотоордынских домов представлены тандырами, которые известны в Средней Азии с неолита (Массон В.М., 1959а, с.7; 1959б, с.15-17). Но там тандыры (тануры) чаще всего использовались для выпечки лепешек и других хозяйственных нужд и ставились либо во дворе, либо в специальных хозяйственных помещениях. В некоторых случаях они применялись и для отопления (Неразик Е.Е., 1966, с.74-76), причем на городище Баба-Ата X-XII вв. найдены тандыры, соединенные с канами (Агеева Е.И., 1962, с.151, 152, 158, 161, 171). Но все же большее распространение в раннем средневековье в средней Азии получили отопительные сооружения других типов (Воронина В.Л., 1963, с.84-96; Якубов Ю., 1982). Соединение тандыра, кана и П-образной суфы в единый комплекс, если и не является изобретением монголов, то, по крайней мере, становится главным и почти обязательным атрибутом “монгольского” дома и вообще большинства жилых помещений в Золотой Орде. Суфа в таких домах занимает значительную часть площади. В небольшом по площади глинобитном или вымощенном жженым кирпичом полу может быть сделано водосливное устройство – тошна. Тощна (тошнау, ташна, ташнау) была заимствована, скорее всего, в Средней Азии, где она известна с VIII в. в Варахше, Пенджикенте и Куве (Воронина В.Л., 1963, с.92-93; Анарбаев А., 1981, с.95-109). Г.А.Федоров-Давыдов отмечал, что

тошнау Средней Азии, в частности Афрасиаба, несколько отличаются от золотоордынских: глубина их достигает 5 м, часто они состоят из нескольких хумов, установленных друг над другом и колодцев под ними, там присутствует кубурный водопровод (Анарбаев А., 1981, с.95-109). Более близки к ним тошнау Хорезма домонгольского времени (Федоров-Давыдов Г.А., 1995, с.75). В то же время водосливные колодцы, абсолютно идентичные золотоордынским и состоящие из хума без дна или ямы с кирпичной облицовкой, и перекрытые сверху кирпичом с просверленным отверстием (в Варахше – жерновом), встречаются во многих городах Средней Азии, например, в Пайкеде, Султан-кале, Хульбуке, Варахше (Мухамеджанов А.Р. и др., 1988, с.67, 73; Лунина С.Б., 1969, с.119-122; Анарбаев А., 1981, с.106-109; Хмельницкий С., 1992, с.207; 2006, с.43-44). Таким образом, большая часть элементов интерьера “монгольского” дома была заимствована в Средней Азии.

Дома типа I.1, несомненно, могли служить жилищами большой патриархальной семьи. Дома, состоящие из одного жилого помещения, хорошо прослеживаются по этнографическим параллелям вплоть до 1-й пол.ХХ в. А.К.Писарчик приводит данные о домах Самарканда, в которых жилая ячейка состояла из одного жилого помещения – хона или из одной комнаты и передней, или из комнаты, передней и айвана. В жилой комнате часть пола, примыкавшая к выходу, представляла собой прямоугольное углубление, занимавшее примерно 1/3 комнаты. Здесь снимали обувь и здесь же находились яма-поглотитель (ташнау) и очаг. Дома подобного плана известны в Фергане и Андижане (Давыдов Г.А., 1969, с.100), в Ташкентском оазисе в среде как земледельческого, так и кочевого населения (Жилина А.Н., 1995, с.252, 253), у таджиков бассейна Зеравшана (Воронина В.Л., 19536, с.183). Однокомнатные дома характерны для населения Южного Туркменистана (Архитектура туркменского..., 1953, с.10, 15, рис.17, 57) и туркмен левобережного Хорезма (Вайнберг Б.И., 1959, с.31-32; 1960, с.115 и сл.; 1982, с.179 и сл.). Однокамерные жилища Марыйской области перекрывались полусферическими или сфероконическими куполами, что, вероятно, указывает на их родство с юртообразными купольными постройками. Детали интерьера в разных районах Средней Азии, естественно, отличались друг от друга. А.Н.Жилина приводит описание жилого помещения узбекского дома в Южном Казахстане, которое удивительно напоминает устройство золотоордынского дома: “Жилая комната чаще всего была квадратной, в центре стояла колонна (устун), которая поддерживала основную балку потолка (хары). Около входа имелось небольшое углубление – водослив, покрытый кирпичами

или каменной плитой, сюда же выходило поддувало от очага, который вмазывался в возвышенную часть пола комнаты. Очаг, представлявший собой слепленную и частично обожженную корчагу без дна... готовили отдельно, а затем устанавливали в комнате так, чтобы верхнее отверстие находилось на уровне возвышенной части пола. От очага, называемого «земляной очаг» (ер-учак, ер-тандыр), под суфой проходил дымовой канал (кан), который соединялся с трубой в стене дома. В холодное время в таком очаге пекли лепешки, на нем готовили пищу, им обогревались. Для сохранения жара очаг сверху закрывали крышкой, слепленной из глины” (Жилина А.Н., 1982, с.146-147). От золотоордынского дома это жилище отличает только колонна, стоящая посреди комнаты на суфе и поддерживающая перекрытие. В Средней Азии такие колонны являются неперемнным конструктивным элементом ввиду дефицита пригодного для строительства дерева, что создает сложности при плоском перекрытии пролетов. Исследовательница отмечает, что в таком жилом помещении размещалась вся большая семья, состоявшая из родителей и женатых сыновей. Для женатых пар на ночь отгораживали занавесками углы комнаты, а остальные члены семьи спали вместе. Самое теплое место около очага предназначалось для стариков и маленьких детей. В этой же комнате готовили пищу, пекли лепешки, занимались шитьем, вышиванием и другими домашними делами. В холодное время около двери держали новорожденных ягнят и козлят (Жилина А.Н., 1982, с.147). Вероятно, примерно таков же был быт населения Золотой Орды, жившего в однокомнатных домах.

Тип I.2 представлен домами, состоящими из цепочки поставленных в ряд помещений. Каждая отдельно взятая комната представляет собой монгольский дом с П-образной суфой и каном. Такой тип построек хорошо известен как по археологическим материалам, так и по данным этнографии. С.Г.Хмельницкий опубликовал здание сельского жилища X-XI в. близ городища Утурлы-тепе в Ташкентской области. Прямоугольное в плане, оно состояло из четырех комнат, каждая из которых имела собственный выход во двор. Его линейную планировку он называет “необычной” (Хмельницкий С., 1992, с.273-274). По мнению Е.Е. Неразика, дома линейного плана появляются на территории Хорезма вместе с возникновением сырцовых и глинобитных жилищ, то есть в V-IV вв. до н.э. (Неразик Е.Е., 1982, с.166). Известны они в Хорезме XIII-XIV вв. Например, в окрестностях Шахрлика были исследованы сельские поселения, в которых преобладали жилища в виде поставленных в один ряд помещений с изолированными выходами; иногда комнаты в них располагались под углом (Неразик Е.Е.,

1976, с.141). Сходную планировку имели сельские усадьбы близ Бутен-гау, Ак-калы, Дэв-калы, Акча-Гелина (рис.23) (Неразик, 1976, с.128-130, 153-157, 190; 1982, с.166-175).

Тем не менее, эта планировка не является специфической для Хорезма, а “отличает жилища оседавшего на землю кочевого и полукочевого населения, и этнографы фиксируют такие жилища везде, где происходит этот процесс” (Неразик Е.Е., 1982, с.166). Большинство исследователей считает, что дома такой планировки возникают при выделении отдельных помещений для малых семей при общем сохранении целостности большой патриархальной семьи. Линейная планировка жилищ XIX-XX вв. известна у таджиков бассейна Зеравшана и высокогорного Ягноба (Воронина В.Л., 1953б, с.183; Мамаджанова С., 1981, с.98-111; Хамиджанова М.А., 1982, с.228-229); в туркменском народном жилище (рис.24) как в самой Туркмении, так и на территории левобережного Хорезма (Архитектура туркменского..., 1953, с.11, 15-16, 21, рис.5, 20, 21, 27, 28; Васильева Г.П., 1982, с.193-196; Вайнберг Б.И., 1959, с.31-32; 1960, с.115 и сл.; 1982, с.179 и сл.); у оседлого и полукочевого населения Ташкентского оазиса (Жилина А.Н., 1995, с.252, 253); у узбеков – дурменов Бабатага и Кафирнигана (Борзна Н.Г., 1966, с.105-107). В простейшем случае дома линейной планировки состоят из ряда одинаковых жилых комнат с отдельными выходами, обращенными в одну сторону (как в Золотой Орде). При усложнении плана в ряд помещений включают прихожую, хозяйственные комнаты, комнату для гостей (михманхону), айваны и загоны для скота. В этом случае некоторые помещения могут соединяться между собой.

Несомненно, в Золотой Орде, часть населения которой состояла из оседавших на землю кочевников, происходили те же процессы, и усадебные постройки типа I.2 могли возникнуть самостоятельно при расширении домов типа I.1. Кстати, это хорошо видно при разборе перестроек в усадьбах Цг1 и Цг2.

Золотоордынские дома типа I.3 также возникают при расширении квадратного “монгольского” дома за счет пристройки новых жилых, хозяйственных и производственных помещений. Но здесь расширение пространства здания происходит произвольно, в разных направлениях. Вряд ли стоит искать истоки этого типа жилищ, так как их строение свидетельствует лишь об отсутствии планировочного замысла и низкой строительной культуре.

Очень интересен, на мой взгляд, тип I.4, представленный двумя однокомнатными квадратными “монгольскими” домами, поставленными в ряд на некотором расстоянии друг от друга. Несмотря на

то, что это два отдельных дома, они образуют единый архитектурный комплекс, так как стоят на одной линии и интерьеры их зеркально симметричны. Вообще следует отметить, что стремление к зеркальной симметрии является характерной чертой золотоордынской жилой архитектуры. Почти абсолютное тождество левой и правой частей здания при проведении мысленной оси через их середину мы можем наблюдать в усадебных зданиях Цг1 и Цг2 во II периоде, Цг5 в I периоде, Цг6 во II периоде и Вг1. Очень четко этот принцип прослеживается в усадьбе Сг2, в которой изначально комнаты, расположенные с западной стороны центрального ряда помещений, были практически идентичны покоем восточной части. Все изменения и перестройки в этом здании вторичны: они явились результатом каких-то процессов, происходящих в семейной общине. Показательно, что даже при ремонтах и перепланировках интерьеры наиболее парадных юго-восточного и юго-западного помещений сохранили свое тождество. В усадебном здании Сг4 также можно выделить жилой комплекс, который был пристроен с северной стороны к основному объему здания во II периоде. Он состоит из трех пар одинаковых комнат, расположенных с восточной и западной сторон разделяющего их коридора. Интересно, что почти во всех случаях ось симметрии направлена по линии С-Ю. Только в усадьбе Сг1 она имеет направление З-В, а в усадьбе Вг1 – СЗ-ЮВ.

Если рассматривать архитектуру Востока в целом, впрочем, как и всю остальную архитектуру, соблюдение симметрии в архитектурных ансамблях является общим принципом. Но он применяется обычно в культовых, общественных и мемориальных постройках, а также в дворцовых зданиях, которые сочетали в себе функции жилища знати и административного управления. Как отмечал С.Г.Хмельницкий: “Чем выше был общественный статус сословия, тем отчетливее в его жилой архитектуре заметно преобладание монументально-репрезентативных форм, воплощающих официально-властные функции владельца и его богатство. Наоборот, в жилищах средних и низших сословий определяющей была бытовая функциональность, которая выражалась в свободной асимметрии планировки и уменьшении (или даже отсутствии) архитектурной репрезентативности” (Хмельницкий С., 1992, с.211, 212). Как мы видим, принцип симметрии, который является одним из признаков “архитектурной репрезентативности”, в Золотой Орде распространяется даже на небольшие, сравнительно бедные и архитектурно неразработанные постройки. Мне представляется, что принцип этот мог быть заимствован монголами в архитектуре Китая. Планировочные и конструктивные кано-

ны китайской архитектуры сложились уже в III в. и продолжали существовать почти в неизменном виде, по крайней мере, до I-й пол.XX в. К ним относится идея архитектурного ансамбля, состоящего из многих (нескольких) отдельных павильонов, расположенных определенным образом. В основе архитектурных ансамблей городов, дворцовых и монастырских комплексов лежит четкая прямоугольная планировка с ярко выраженной осью симметрии, имеющей направление С-Ю. Все постройки или группы построек должны быть строго симметричны относительно этой оси и обращены входами на юг (Всеобщая история..., 1971, с.332, 351-353, 363, 392-395; Ащепков Е.А., 1959, с.64; Лоу Цинси, 2002, с.19-21; Хiao Mo, 1999, p.24-36). Конечно, в усадьбе Цг1 нет ничего китайского и довольно странно сравнивать крайне скромную постройку с китайскими дворцовыми комплексами, но в ней применен принцип зеркальности, который, как мне кажется, был заимствован монголами в китайской архитектуре.

Тип I.5 представлен постройкой Цг5, состоящей из двух "монгольских" домов, соединенных тонкой стенкой, образующей между ними айван. Кстати, интерьеры этих домов также зеркально симметричны. Айван – помещение, открытое с одной стороны, известен на Востоке с древних времен. Как часть дворово-айванной композиции он прослеживается в дворцовых зданиях сасанидского Ирана и Халифата времен Омейядов и Аббасидов. Наиболее ранними образцами этой системы считаются дворцы в Мари (XVIII в. до н.э.) и Хорсабаде (VIII в. до н.э.) (Хмельницкий С., 2000, с.55). По сторонам айвана обычно находятся две боковые комнаты, которые либо связаны с ним, либо также соединяются с двором. Дворцовые здания дворово-айванной композиции появляются в Средней Азии в доисламское время и продолжают существовать вплоть до позднего средневековья (Хмельницкий С., 2000, с.55-189; 1992, с.212-274; 1997, с.9-131). Жилые здания с айванами более простого плана археологически изучены гораздо хуже. В качестве примера, пожалуй, можно привести только жилой дом XI-XII вв. в Салибаде, недалеко от Термеза (Хмельницкий С., 1997, с.144-146, рис.132). Он состоял из двух квадратных в плане комнат, разделенных продолговатым сводчатым айваном. Правда, С.Г.Хмельницкий считает, что это не все здание, а только его парадная часть, которая соединялась с двором, обстроенным другими помещениями (Хмельницкий С., 1997, с.146). Однако айван, как часть обычного жилого дома, хорошо известен в архитектуре Средней Азии более позднего времени. Как отмечала В.Л.Воронина, в условиях жаркого климата айван играл огромную роль в организации жилого пространства. Часто он выполнял роль

прихожей, а летом использовался для работы, сна и отдыха. Исследовательница выделяет два вида айвана: углубленный между комнатами айван-лоджия и айван-галерея, который ставится перед фасадом здания, затеняя его от солнца (Воронина В.Л., 1982, с.54). В Золотой Орде прослеживается айван-лоджия, хотя, вероятно, существовал и айван-галерея (например, перед южным крылом здания медресе или ханака на Селитренном городище). Дома, состоящие из двух жилых помещений, разделенных айваном, подобные дому усадьбы Цг5, являются распространенным типом городского и сельского жилища в районах Шахрисябса, Самарканда, Ташкента, Хивы, Ленинабада (рис.25) (Лавров В.А., 1950, с.136; Воронина В.Л., 1951, с.19-20; 1982, с.54-56; Пугаченкова Г.А., 1966, с.142-143; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1965, с.384-385; Жилина А.Н., 1995, с.252). Известен такой план жилища и в Таджикистане (Воронина В.Л., 1953а, с.15-16; Мухиддинов И., 1982, с.220-221). Таким образом, айванная планировка проникла в Золотую Орду, несомненно, из Средней Азии.

Планировка домов с внутренним двором (тип I.5) имеет давние традиции как в жилой, так и в парадной архитектуре. Во дворцах Крита (Фест, Кносс) II тыс. до н.э. были внутренние дворы, которые использовались для культовых целей (Всеобщая история..., 1970, с.170-180). В Месопотамии исследован дворец "А" в Кише (III тыс. до н.э.) с рядом внутренних дворов. Очень большие дворы имел дворец в Мари начала II тыс. до н.э. Жилые дома этого времени в Месопотамии также группировались вокруг двора (Всеобщая история..., 1970, с.202-203). Внутренние дворы прослеживаются в Южном дворце Навуходоносора VI в. до н.э. в Вавилоне, в сирийских дворцах I тыс. до н.э., дворцах Урарту VII-VI вв. до н.э. (Всеобщая история..., 1970, с.218, 247, 262-264). В парфянских дворцах Ашшура, Ниппура и Кухи-Ходжа помещения окружали перистильные дворы и дворы с айванами (Всеобщая история..., 1970, с.322-333). Сасанидские дворцы в Фирузабаде, Сараистане и Каср Ширин имели дворово-айванную планировку (Всеобщая история..., 1970, с.335-337; Godard A., 1962, pp.221-222).

В античном мире дворовая планировка была присуща жилищам зажиточных горожан. В Греции классического периода все жилые и хозяйственные постройки группировались вокруг открытого двора, в эллинистический период получает распространение перистиль – двор, окруженный галереями. В Риме сохраняется перистиль, но к нему добавляется еще и атриум – двор частично или полностью перекрытый крышей галерей, идущих по периметру (Всеобщая история..., 1973, с.151, 321-323, 463-464).

Принцип группировки помещений вокруг внутреннего двора был перенят арабами и использован во дворцах Омейядов (Каср Харана, Мшатта, Хибрат ал-Маджафар и др.), Аббасидов (Ухайдир, Самарра и др.) и более поздних мусульманских постройках (Stierlin H., 1996, p.63-85; Hillenbrand R., 1994, p.377-463, 568-597). Дворовая планировка распространилась по всему арабскому миру вплоть до Испании, где сохранились такие шедевры мавританского дворцового зодчества как Мадинат ал-Сахра возле Кордовы (X в.), дворцы Алаферия в Сарагосе, Алкасаба в Малаге (XI в.), Альгамбра и Генералифе в Гранаде (XIII-XIV вв.) (Stierlin H., 1996, pp.105-110; Battagand M., Bednortz A., 1992, pp.60-106, 121-127, 183-211).

В Средней Азии также была распространена планировка зданий с внутренним двором. В античное время она представлена "Квадратным домом" в Нисе (II в. до н.э.) и зданием Кызыл-кыр (II-I в. до н.э.) (Пугаченкова Г.А., 1958, с.69-78; Хмельницкий С., 2000, с.66-67). Для доисламского времени С.Г.Хмельницкий выделяет четыре типа планировки замков и усадебных зданий: 1) замки с большим внутренним двором в окружении цепочки помещений; 2) замки центрической планировки, ядром которых служит расположенный в центре парадный зал; 3) замки центрической планировки, ядром которых служит расположенный в центре небольшой распределительный холл; 4) замки асимметричной планировки (Хмельницкий С., 2000, с.66-67). В качестве примеров доисламских зданий дворцового типа можно привести усадьбу "с" близ Аяз-калы и усадьбы 4 и 5 Якке-парсанского оазиса в Хорезме, замки Балалык-тепе и Хайрабад-тепе у Термеза, усадьбу Баба-тепе в Чаганиане, замки Нагим-кала большая и Кыз-кала большая в Мервском оазисе, Ханабад-тепе у Ташкента (Пугаченкова Г.А., 1958, с.132-137; Неразик Е.Е., 1976, с.62-66; Хмельницкий С., 2000, с.76, 78-79, 82, 100-105, 109-110). Дворовая композиция сохранялась в Средней Азии и в последующее время. В IX-X вв. она прослеживается в Хуттале во дворце Хульбука и в усадьбе на городище Сайёд (рис.26), где помещения группировались вокруг больших гипостильных дворов, в дворцовом здании Акыр-Таш у Джамбула (рис.27, 1), в усадьбах Краснореченского городища в Семиречье и на городище Канка в Узбекистане (Хмельницкий С., 1992, с.214-219, 244-253; 2006). В XI-XIII вв. большие открытые дворы с айванами являлись композиционными центрами дворца правителя Мерва в Шахрияр-арке и дворца Термезшахов (Пугаченкова Г.А., 1958, с.203-207; Хмельницкий С., 1997, с.9-21; Алпаткина Т.Г., 2008). По периметру большого двора были расположены жилые и хозяйственные помещения в крупных сельских усадьбах в Кават-калинском оазисе, у Даудан-

калы и Каз-кала в Хорезме, на поселении Ак-тобе в Южном Казахстане (Лавров В.А., 1950, с.84-91; Неразик Е.Е., 1976, с.67-72, 85-87; Хмельницкий С., 1997, с.117-121; Бубнова М.А., 1963).

Города Средней Азии существенно отличались по своей структуре от городов Золотой Орды. Уже в раннем средневековье основу шахристана таких городов как Пенджикент, Варакша, Пайкенд, Самарканд, Бухара составляют кварталы сплошной застройки, разделить жилища в которых часто бывает достаточно сложно (Лавров В.А., 1950, с.66-67; Беленицкий А.М. и др., 1973, с.23-42, 227-228, 236-237; Мухамеджанов А.Р. и др., 1988, с.47-77; Хмельницкий С., 1997, с.121). Такая же структура сохраняется в городах Средней Азии в домонгольское и золотоордынское время, что хорошо видно на примере раскопок в Южном Казахстане (Акишев К.А. и др., 1987; Байпаков К.М., 1986). Тем не менее, в некоторых районах были распространены городские дома другого типа. Квартал, состоящий из небольших усадеб с хозяйственными дворами, был исследован на городище Талгар в Южном Казахстане. Строение усадеб различно, но всюду жилые постройки расположены в западной части, выходящей на улицу, а лежащий за ними двор примыкает к глухой стене (Байпаков К.М., 1986, с.146-147, 156-157; Хмельницкий С., 1997, с.121; Савельева Т.В., Кузнецова О.В., 2007, с.294). Крупные городские усадьбы с большими дворами, застроенными по периметру, были исследованы в Султан-кале в Мерве (рис.27, 2) (Лунина С.Б., 1969, с.119-122; 1980). Ю.Ф.Буряков пишет, что в городах Чача в IX-X вв. почти каждое хозяйство независимо от социального положения имело внутренний дворик, игравший организационно планировочную роль, объединяя в систему различные функциональные узлы. Жилые и парадные комнаты имели отдельные входы во дворик. Дворики сочетались с айванами (Буряков Ю.Ф., 1982, с.150-151). В.Л.Воронина считает, что дворовая планировка характерна для большинства стран с жарким климатом (Воронина В.Л., 1982, с.67). Действительно, она сохраняется вплоть до настоящего времени в большинстве городов Ближнего и Среднего Востока, в Ираке, Сирии, Египте, Тунисе, Алжире, Марокко и на юге Испании (Воронина В.Л., 1972; 1982, с.51-54). В Средней Азии дома с внутренним двором составляют основу застройки Хивы и Бухары (рис.28) (Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1965, с.385-386). В Хорезме в результате сближения айванов сложился тип крытого двора, который В.Л.Воронина назвала "уникальным", так как он характерен только для Хорезма (Воронина В.Л., 1982, с.59).

В этот ряд, несомненно, можно поставить и скромные золотоордынские дома дворовой композиции, которые трудно сопоставимы с дворцовыми

или богатыми усадебными зданиями Востока и, скорее, напоминают народные жилища. Их отличительной чертой является то, что жилые помещения в них расположены с восточной и западной сторон двора, а с юга и севера находятся хозяйственные клетки. В этом типе домов также прослеживается четкая ось симметрии, направленная по линии С-Ю. Небольшие размеры двора в усадьбе Bg1 позволяют предположить, что он был крытым. Всеобщность этого плана зданий для большинства стран Востока не позволяет решить однозначно вопрос о его происхождении в Золотой Орде. Скорее всего, он был принесен из Хорезма, но мог возникнуть и на местной почве в результате закрывания большого айвана-лоджи.

Планировка домов типа II.1, представляющих собой прямоугольные в плане здания, разделенные на комнаты широтными и меридиональными стенами, настолько всеобща, что не имеет смысла искать ее прототипы.

Иначе обстоит дело с домами типа II.2. Это наиболее значительные постройки, возведенные по четко разработанному плану. В них выделяется репрезентативное ядро, состоящее из парадного зала и соединенных с ним помещений, поэтому можно предположить, что их хозяевами были представители высших слоев населения Золотой Орды. Кроме того, большое количество, сложная дифференциация помещений, их богатое оформление позволяет считать усадьбы Cг3, Ag1 и Ag2 настоящими дворцами. Трудно предположить, что развитая планировка этих зданий возникла самостоятельно в городах, основанных бывшими кочевниками. Истоки ее нужно искать у народов, обладавших к XIV в. достаточно высокой строительной культурой, причем в качестве возможных аналогов следует рассматривать не народное жилище, а дворцы, замки и богатые усадебные дома.

Прежде всего, имеет смысл сравнить богатые усадебные здания Золотой Орды с дворцами самой Монголии. Описание дворца Угедея в Каракоруме было оставлено Г.Рубруком. Рубрук пишет, что "дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращенные к югу. Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево [фонтан для разлива вина], а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы... Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами... остается пустым; именно там ставится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, а с левого – женщины. Дворец простирается

с севера на юг" (Рубрук Г., 1997, с.155). Таким образом, у Рубрука описывается здание, внутреннее пространство которого разделено на нефы рядами колонн. Раскопки предполагаемого дворца Угедея в Каракоруме экспедицией С.В.Киселева, а также исследования синхронных по времени дворцовых зданий на р.Хирхира, в Кодуйском городке и на городище Дён-терек показали, что они были построены в китайских традициях (Древнемонгольские города, 1965, с.138-165, 329-369). Исследованные здания представляли собой многоколонные композиции, поставленные на высокие земляные платформы, облицованные кирпичом и камнем. Базами деревянных колонн, поддерживавших крышу, служили массивные гранитные блоки, квадратные или с цилиндрическими выступами. Крыша была из поливной черепицы с характерными концевыми дисками и отливами. Здания не имели отопления и использовались только для церемониальных целей (Древнемонгольские города, 1965, с.159). Правда, современные исследователи считают "дворец Угедея" в Каракоруме буддийским храмом XIII в. (Hützel H.-G., 2005, S. 145-146), но назначение других дворцовых зданий не вызывает сомнений.

Планировочные и конструктивные принципы китайской архитектуры сложились уже к III в. и сохранялись на протяжении всей истории Китая. При планировке большое значение имело правило "фэн-шуй", по которому здания располагались вдоль оси С-Ю с обязательной южной ориентировкой фасада. Дворцовые комплексы строились по принципу "тун". Внутри прямоугольного пространства, ограниченного высокой стеной с богато украшенными воротами с южной стороны, находились ансамбли построек, состоящих из разных павильонов, часто соединенных пандусами и крытыми галереями. Главные (церемониальные) здания находились на оси С-Ю, остальные постройки расположены по сторонам фасадом к ним. Церемониальные здания состояли из одного помещения, разделенного колоннами на нефы, и никогда не совмещались с жилыми комнатами. Жилые покои строились на северной стороне. Обязательным было соблюдение зеркальной симметрии относительно центральной оси. При возведении зданий сначала строилась глинобитная платформа, которую обкладывали жжеными кирпичами или каменными блоками, причем, чем более парадным было здание, тем большую высоту имела платформа. На платформу ставился деревянный каркас, образованный системой стоек и балок, внутри больших зданий столбы образовывали несколько нефов. Вверху стойки в продольном и поперечном направлениях связывались балками, а промежутки между наружными стойками заполнялись в нижней части деревянными панелями, а выше – деревянными решетками. Крыша делалась

без стропил и соединялась с опорами каркаса кронштейнами – “доу-гун”. Крыши имели различную конструкцию, но для всех характерна значительная высота и большой вес, так как перекрывались они тяжелой черепицей (Всеобщая история..., 1971, с.332, 348, 351-363, 389-392; Лоу Цинси, 2002, с.4-21; Хяо Мо, 1999, р.7-24). Исходя из этих канонов, исследователи реконструируют и монгольские дворцовые комплексы (Майдар Д., 1971, с.90-91; Майдар Д., Пюрвеев Д., 1980, с.58-62; Минерт Л.К., 1990, с.95-104). Китайский облик имел и дворец Хубилая в Ханбалыке, описанный Марко Поло: “...прежде всего, квадратная стена; каждая сторона миля в длину, а в округе, значит, четыре мили; стена толстая, в высоту добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому и богатому дворцу, у каждой стены такие же, как угольные; всего по стенам восемь дворцов... В стене на юг пять ворот; посредине большие, открываются, только когда великий хан выезжает или въезжает; после них с двух сторон по воротам; ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий. За стеной этой есть другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же, как и первые... На юг в этой стене, как и в первой пять ворот; и по углам ворота, также как и там; посредине дворец великого хана, выстроен он вот как: такого большого нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землей десять пядей; крыша превысокая. Стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром; и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери... Зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть... А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно выложена, блестит как кристалльная и светится издали кругом дворца” (Книга Марко Поло, 1997, с.250-251). В этом отрывке говорится о том, что дворец занимал значительную площадь, огороженную двумя рядами стен с воротами с южной стороны. Внутри находились различные павильоны, а в центре располагалось главное здание с высокой крышей из поливной черепицы разных цветов. В главном здании происходили приемы и пиры, о которых также подробно пишет Марко Поло: “На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду; а головы их приходятся у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже. Жены рассаживаются точно так же. Жены сыновей великого хана, его племянников и родичей – с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже садятся жены баронов и рыца-

рей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом” (Книга Марко Поло, 1997, с.255-256).

В зданиях с парадным залом в Золотой Орде нет ничего китайского. Это многокомнатные постройки, состоящие из парадных, жилых и хозяйственных помещений. Сложены они из сырцового и обожженного кирпича. Тем не менее, описания Рубрука и Марко Поло, возможно, проливают свет на характер приемов, происходивших в главном зале. Показательно, что вход в него находился с южной стороны, а возвышение, на котором, вероятно, восседал владелец дома – в северной части. Гости и домочадцы располагались по сторонам (об этом свидетельствуют, например, суфы с восточной и западной сторон зала в усадьбе Сг4). То есть организация пространства парадного зала в усадебных домах Золотой Орды соответствует таковой во дворцах Монголии. Кстати, такая организация пространства характерна для любого монгольского жилища. Монгольские юрты и поныне ставят дверь на юг, а северная их часть считается наиболее почетной, в то время как юрты тюрков ориентированы входом на юго-восток (Кондратьева М.И., 1935, с.28; Шепетильников Н.М., 1960, с.23; Жуковская Н.Л., 1988, с.16). На то, что в ориентировке золотоордынских домов входом на юг сказались монгольская традиция, указывал и В.Л.Егоров (Егоров В.Л., 1970, с.187). Китайская форма дворцовых зданий и их ориентировка была перенята монголами практически в неизменном виде, так как она соответствовала их пространственным представлениям и не противоречила традициям (Минерт Л.К., 1990, с.95).

Сходство планировки дворцов высшей знати и жилищ представителей других слоев населения прослеживается и в архитектуре других народов. С.Г.Хмельницкий отмечает, что “планировочное единство жилой архитектуры Средней Азии доисламского времени имело своей основой патриархальное устройство общества, в котором власть правителя и главы семьи или рода зиждилась на общем моральном основании и отличалась лишь широтой и способом проявления. Взаимоотношения власти и подданства на всех уровнях общества были подобными, – в этом причина частого, странного, на первый взгляд, совпадения планировочных приемов во дворцах и скромных рядовых жилищах. В этом нашла отражение и ритуальность личных и общественных отношений, органически свойственная средневековью... – ритуальность, пронизывавшая всю жизнь и выходившая далеко за пределы ее чисто культовых институций” (Хмельницкий С., 2000, с.140).

Другим регионом, в котором следует искать прототипы золотоордынских дворцовых зданий,

является Средний Восток и, прежде всего, Средняя Азия. Большинство исследователей, занимавшихся изучением архитектуры и строительства в городах Золотой Орды, отмечали влияние Ирана и Средней Азии на их формирование (Баллод Ф.В., 1923, с.118; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.268; Айдаров С.С., 1976, с.139, 142; Смирнов А.П., 1976, с.3-7). На это указывают, прежде всего, материалы, из которых они построены, и строительная техника. Сырцовый кирпич применялся в средневековые повсеместно, но размеры большеформатных сырцов в кладке стен зданий (например, в усадьбах Сг1 и Сг2) и система кладки в точности соответствуют среднеазиатским (Воронина В.Л., 1950, с.3-36). Архитектурный декор в виде поливных кирпичей, резного ганча и терракоты, решеток-панджара также заимствован из среднеазиатского зодчества (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.166).

Планировка дворцовых и типологически близких к ним усадебных зданий Среднего Востока с II тыс. до н.э. вплоть до XII в. была разобрана и проанализирована С.Г.Хмельницким (Хмельницкий С., 1992, с.211-231; 1997, с.9-84; 2000, с.169-190; 2004, с.252-265; 2006, с.13-32). Исследователь признает, что классификация этой категории зданий достаточно сложна и не очень надежна. Объясняется это, в частности, тем, что функции их многообразны и не всегда четко определены. Кроме представительско-репрезентативной, они включают в себя функции аристократического жилища, зданий общественно-административного и культового назначения, места размещения гарнизонов и т.д. При этом все же определяющей является функция "средоточия власти". Планировочной структурой, которая способствовала наилучшему выражению взаимоотношений власти и подданства, являлась дворцово-айванная композиция, которая состояла из большого прямоугольного двора и открытого во двор айвана, расположенного на продолжении дворовой оси. В камерном варианте двор заменялся залом, а айван – нишей. По мнению С.Г.Хмельницкого, "противостояние двора и айвана было вещественным выражением взаимоотношений власти и подданства: перед заполненным двором народом на троне-«тахте» под высоким сводом и как бы в его обрамлении восседал окруженный свитой правитель, исполняющий свои государственные, административные или сакральные функции" (Хмельницкий С., 2004, с.254; 2006, с.13). С IX в. с двух сторон от айвана устраивают две небольшие комнаты, которые также открываются во двор арочными проходами и образуют таким образом трехчастную группу. Часто за центральным айваном находится небольшое купольное помещение, которое С.Г.Хмельницкий интерпретирует как своеобразные "кулисы" или малый приемный зал (Хмельницкий С., 2004, с.255; 2006, с.16).

Дворцовые комплексы дворцово-айванной композиции исследователь делит на две большие группы. К первой относятся здания с большим двором, обстроенным со всех сторон различными помещениями. Дворцы этого "имперского" типа характерны для сасанидского Ирана (Фирузабад, Дамган) и арабского Халифата (Ухайдир, Мшатта), встречаются в Средней Азии (усадьба А в Якке-Парсанском оазисе, дворец Термезшахов) (рис.29). В зданиях второй группы также присутствуют дворцово-айванные комплексы, но они не являются композиционным центром здания, а включены в его сложную и часто асимметричную структуру. Дворы в них небольшие или вообще превращены в залы. К этой группе относятся не только дворцы правителей высокого ранга (Топрак-кала, Хульбук), но и замки сельских феодалов, и даже жилища горожан (например, в Варахше) (Хмельницкий С., 1992, с.254-255).

Та же дворцово-айванная планировка отчетливо прослеживается в золотоординских усадебных домах типа П.2.Б. Особенно явственно она выражена в планировке здания Аг1 (рис.16), центральный ряд помещений которого состоит из открытого во двор айвана, квадратного (9,85×9,85 м) зала (пом.1), соединенного с парадным айваном (пом.1а), и небольшого помещения, расположенного за айваном (пом.5). Айван центрального зала фланкирован двумя небольшими комнатами (пом.4 и 6). Очень интересен юго-восточный угол здания. Он занят помещением 16, площадь которого почти равна площади центрального зала. С севера и запада к нему примыкает помещение 14 сложной конфигурации. Здесь мы наблюдаем еще один планировочный прием, известный в архитектуре Средней Азии, – приемный зал, расположенный в одном из углов здания и охваченный Г-образным кулуаром. Такая планировка характерна для замков доисламского времени (Джумалак-тепе, Сарык-тепе), городских жилищ (Пенджикент), дворцов (Кафыркала, Варахша) (Шишкин В.А., 1963; Хмельницкий С., 2000, с.59, 67, 80, 89, 144-145, 172, 175-179). В более позднее время этот прием как будто не встречается, но, например, в усадьбе 43 в Кават-калинском оазисе к северо-западному углу здания примыкает Г-образное помещение кафтархоны (Неразик Е.Е., 1976, с.78-80; Хмельницкий С., 1997, с.105). Таким образом, в усадьбе Аг1 присутствует сочетание дворцово-айванного плана с асимметричной планировкой, характерной для замков 4 типа, по С.Г.Хмельницкому (Хмельницкий С., 2000, с.67). Своеобразие этого здания заключается в том, что середина его центрального зала была перекрыта куполом, опорами которому служили четыре массивных кирпичных устоя, в то время как в большинстве зданий дворцово-айванной планировки купольное

помещение находится позади айвана. Аналогично было устроено, вероятно, и здание Аг2, раскопанное частично. К этому же типу, скорее всего, можно отнести дом усадьбы Цг7 во втором периоде.

Исследователь этих зданий В.В.Плахов также признает, что они построены под влиянием зодчества Средней Азии. Однако он усматривает это влияние не столько в плане, сколько в применении жженого кирпича, изразцов в сочетании с кирпичной кладкой, решеток-панджара, ганчевых сталактитов, а также таких планировочных форм как входные айваны и угловые башни-гульдаста (Плахов В.В., 2008, с.139). При этом исследователь считает, что здесь также применялись приемы китайского зодчества, а именно, возведение построек на стилобате (Плахов В.В., 2008, с.138). Здесь явное недоразумение. Как уже упоминалось, китайские дворцы представляли собой деревянные стоечно-балочные каркасные конструкции, поставленные на специально сложенные платформы. В основе этого строительного приема, как и любого другого, положена целесообразность, а именно желание защитить деревянную постройку от сырости (Лоу Цинси, 2002, с.33). Впоследствии высота постамента стала служить мерилем ранга постройки. Установка здания на высоком стилобате не является чисто китайским изобретением, она имеет давние традиции на Среднем Востоке. В Передней Азии (в Месопотамии и Ассирии), а затем и в Персии все монументальные здания возводились на платформах из глины и камня (Шуази О., 2008, с.56, 75). Строительство на платформах было распространено в Средней Азии в античности и раннем средневековье (Лавров В.А., 1950, с.36; Пугаченкова Г.А., 1958, с.32, 134, 180). Платформы-стилобаты высотой до 10 м являются отличительной чертой раннесредневековых замков Средней Азии (Хмельницкий С., 2000, с.65).

В усадебных зданиях Ахтубинского городища таких платформ не наблюдается. Кирпичные стены здания поставлены не на платформу, а на материк, а внутри их объема сделана подсыпка для повышения уровня пола. То есть фактически нижняя часть стен образует субструкционные клетки. Точно так же были устроены полы в усадьбах Сг2 и Сг3. Повышение уровня пола было необходимо, прежде всего, для защиты комнат от сырости, что наиболее актуально было на Ахтубинском городище, здания которого стоят недалеко от берега р. Ахтубы. В усадьбе Сг4 подсыпка была сделана только в северной части здания, так как оно было построено на холме, и уровень полов необходимо было выровнять. При этом в нижней части здания были сделаны дополнительные субструкционные клетки (Зиливинская Э.Д., 2008а, с.38-39, рис.18, 32). Этот прием является всеобщим и применяется везде, где необходимо выровнять полы или защитить их от

сырости и грязи. В архитектуре Средней Азии он также применяется достаточно часто. В качестве примеров можно привести крепость Аяз-кала 3 в Хорезме и цитадель Джигирбента, где субструкционные клетки были заполнены не только землей, но и специально положенными туда поврежденными сосудами (Болелов С.Б., 1998, с.119; Вишневецкая Н.Ю., 2001, с.5-6). Поэтому нет никаких оснований говорить о китайских традициях в строительстве усадебных зданий на Ахтубинском городище.

Несколько сложнее реконструировать парадный зал усадьбы Сг3, так как стены постройки разобраны до основания, и от них остались только траншеи выборки. В единственной краткой публикации этого здания парадный зал рассматривается как прямоугольный в плане, размерами 7,0×15,2 м. В его южной части находится вымостка пола с двумя суфами по сторонам, затем следует квадрат пола с двумя суфами с восточной и западной сторон (рис.13, 1). В северной части зала расположено прямоугольное возвышение с двумя проходами по сторонам (Федоров-Давыдов Г.А., 1995, с.57-58). В дальнейшем эта же интерпретация была повторена автором (Зиливинская Э.Д., 2006, с.369; 2008б, с.101). Между тем, данное помещение можно рассматривать как зал с четырьмя айванами (рис.13, 2). В его центре находится квадратная вымостка пола размерами 7,4×7,4 м. В северной части зал соединяется с большим парадным айваном, уровень пола которого выше уровня пола в зале. По сторонам от айвана находятся узкие коридорообразные помещения, позади него – еще одна или две комнаты. То есть здесь четко выделяется весь комплекс помещений, характерный для зданий дворово-айванной планировки. Еще один айван, симметричный северному, такой же ширины, но меньшей глубины находится в южной части зала. Уровень его пола также приподнят, а с двух сторон его фланкируют две небольших комнаты, которые были приняты исследователями за суфы. Два айвана расположены с восточной и западной сторон зала. Глубина их совсем небольшая (около 80 см), а уровень пола также приподнят. Возможно, они действительно использовались как скамьи для посетителей во время приемов. Четырехайванная планировка, как развитие дворово-айванной схемы, встречается в жилой архитектуре Среднего Востока с раннего средневековья. Внутренний двор с четырьмя айванами был распространен в жилой архитектуре Хорасана. Этот планировочный прием представлен во дворце Акыр-Таш VIII в. на юге Казахстана, дворце в Шахрияр-арке Мерва XII в., Южном дворце газневидского комплекса Лашкари Базар XI-XII вв. (Хмельницкий С., 1992, с.214-216; 1997, с.9-13, 30-33; 2000, с.55-56; 2006, с.20). В дальнейшем четырехайванная планировка стала

традиционной для общественных зданий, таких как мечети, медресе, караван-сарай.

Несмотря на очевидное сходство золотоордынских домов типа П.2Б с дворцовыми и усадебными постройками Среднего Востока, нельзя не отметить существенное отличие в ориентировке парадных помещений. В Золотой Орде парадные помещения организованы по “монгольским” принципам, то есть вход всегда находится с южной стороны, а парадный айван – с северной. В зодчестве других стран этот принцип не имеет значения, и парадные помещения ориентированы произвольным образом. Например, в северном комплексе “верхнего дворца” в Хульбуке было несколько дворово-айванных групп, и все они имели различную ориентировку (Хмельницкий С., 1997, с.28-29).

Дома типа П.2А – небольшие, квадратные в плане, сложенные из сырцового кирпича. Их внутреннее пространство разделено меридиональными стенами на три ряда помещений, а парадные залы, занимающие центральную часть среднего ряда, имеют прямоугольную, сильно вытянутую форму. Айваны здесь не прослеживаются, но зал в целом имеет такую же структуру, как и у домов типа П.2Б: центральная его часть занята фигурной вымосткой квадратной или близкой к квадрату формы, а южная и северная части выделяются другой системой кладки пола. В усадьбе Ст2 южная часть зала занята вымосткой П-образной формы, что может символизировать некий намек на айван. Почетное место хозяина в северной части зала представлено суфой (Ст2) или подиумом с балдахином (Ст1). Подобное возвышение (эстрада) в парадном помещении, на котором располагалась тахта хозяина, встречается в раннем средневековье столь же часто, как и тронный айван. Эстрада с балдахином была найдена в “красном зале” раннесредневекового дворца Варахши и в замке Урта-Курган (Хмельницкий С., 2000, с.57, 174-175). Аналогии небольшим, компактным постройкам типа П.2А можно найти среди сельских усадеб средневекового Хорезма.

Несколько домов похожего плана раскопал П.Н.Кожемяко на Краснореченском городище в Киргизии (Кожемяко П.Н., 1967, с.53-90; Байпаков К.М., 1986, с.154). Дома принадлежали жилищным слоям населения и датируются X-XII вв. В плане они близки к квадрату (рис.30). Вход в здание ведет в небольшой тамбур, который при помощи узкого коридора соединяется с залом. В зале вдоль стен были сделаны суфы, а стены были украшены резными алебастровыми панелями и резной штукатуркой, окрашенной в разные цвета. По периметру здания расположены жилые помещения, также выходящие в центральный зал. Автор раскопок определяет зал как парадное помещение для приема гостей (Кожемяко П.Н., 1967, с.85, 86).

Некоторое сходство наблюдается у домов Золотой Орды 8 типа с сельскими усадебными постройками Хорезма XII-XIII вв. (Неразик Е.Е., 1976, с.74-81, 89-90, 94-96). Среди этих построек Е.Е.Неразик выделяет дома с центральным залом и дома с центральным коридором (Неразик Е.Е., 1976, с.182-183). Первый тип представляют дома центрального плана, основой композиции которых был центральный зал, квадратный или прямоугольный в плане (Неразик Е.Е., 1976, с.182). Размеры центрального зала в усадебных домах Хорезма обычно не превышают размеров других помещений, а функционально зал выполняет роль распределительного тамбура, коридора или хозяйственного помещения с очагами. В некоторых случаях центральный зал мог быть богато украшен. По пропорциям и расположению комнат к золотоордынским домам более близки дома “с центральным коридором”. Они разделены стенами на три примерно равные части (рис.31, 32). Среднюю линию помещений занимает сильно вытянутый широкий коридор, с двух сторон которого находятся входные тамбуры. Остальные комнаты, как и в золотоордынских домах, расположены с двух сторон от коридора и соединяются с ним. То есть структура этих домов такая же, как в Золотой Орде, и помещения, названные Е.Е.Неразик “коридорами”, по своему расположению и пропорциям идентичны их “центральным залам”. Неточность определения широкого вытянутого центрального помещения как коридора отмечал С.Г.Хмельницкий. Он предложил называть эти постройки домами трехдольной планировки (Хмельницкий С., 1997, с.100-103). К ним относятся дома 1, 43 и 60 в оазисе Кават-кала, часть большого жилого комплекса дома 2 в урочище Дарьялык-куль, дом 2 в поселении Айгельды и дом 18 в поселении Акча-Гелин (Неразик Е.Е., 1976, с.77-79, 94-95, 97-99, 133-134; Хмельницкий С., 1997, с.100-106).

Несмотря на отчетливое сходство в планировке, между золотоордынскими и хорезмийскими домами существует ряд отличий. В Хорезме усадебные здания строились из пахсы, а в Золотой Орде – из сырца. Не одинаковым было оформление интерьера. Но главным является различное восприятие организации пространства здания. Как уже упоминалось, в Золотой Орде усадебные дома были обращены входом на юг, а центральная ось здания проходила по линии С-Ю, что является монгольской традицией. Иначе обстояло дело в Хорезме. На Краснореченском городище главный вход в усадебные дома мог находиться с западной стороны (дом 1), с северо-восточной или северо-западной сторон (дома 3 и 5) (Кожемяко П.Н., 1967, с.55, 77, 85). В сельских усадьбах Хорезма коридор имеет направление С-Ю или СЗ-ЮВ, но главный из двух входов может находиться как с южной и юго-вос-

точной сторон (дом 60 в Кават-калинском оазисе, дом 1 в Дарьялык-куль, дом 18 в Акча-Гелин), так и с северной или северо-западной (дом 43 в Кават-калинском оазисе, дом 2 в Айгельды) (Неразик Н.Н., 1976, с.74, 79, 90, 94, 97, 133). В доме 41 в Кават-кале коридор был вытянут в широтном направлении, а парадный вход находился с западной стороны (Неразик Е.Е., 1976, с.79). Различным было и использование центрального помещения. В Хорезме центральный зал или коридор использовался как хозяйственное или распределительное помещение, а комната для гостей (михман-хана) находилась в одном из боковых помещений. В Золотой Орде он являлся парадно-репрезентативной частью здания, залом для больших приемов, хотя среди других комнат также выделялись парадные помещения для менее торжественных мероприятий. Возможно, эти малые залы были сходны по назначению с михман-ханой среднеазиатских домов.

В связи с этим очень показательна перепланировка, которая была сделана в одном из зданий с центральным коридором в Кават-калинском оазисе (дом 43) в золотоордынское время (Неразик Е.Е., 1976, с.80-82). В домонгольское время парадный вход в здание находился с северной стороны (рис.31, 3). Он вел в нарядно украшенный тамбур, который соединялся с вытянутым распределительным залом. В южной части зала находился выход во двор через небольшой тамбур. В XIII-XIV вв. здание было перестроено: проход через парадный северный вестибюль был заложен, и здание стало соединяться с улицей только через южный, маленький и узкий вестибюль. В северной части зала было возведено П-образное сооружение со стенками из обожженного кирпича. Е.Е.Неразик рассматривает эту конструкцию как "почетное место" хозяина дома (Неразик Е.Е., 1976, с.82). Мне представляется, что эта П-образная стенка является своеобразной имитацией парадного айвана. Интересно, что такое же сооружение было открыто в парадном зале дворцового комплекса XIV-XV вв. на городище Акчий в Киргизии (Заурова Е.З., 1970, с.32-34; 1977, с.106-126). Здесь была исследована усадьба, которая по своей планировке также очень напоминает дома типа П.2.А. Сходство этого памятника с усадебными домами Нижнего Поволжья отмечал и Г.А.Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.76), но поздняя его датировка позволяет видеть здесь золотоордынское влияние.

Таким образом, истоки планировки золотоордынских домов с центральным залом находятся в Средней Азии, причем, если дворово-айванная (в данном случае зально-айванная) планировка домов типа П.2.Б характерна для всего Среднего Востока, то дома типа П.2.А происходят, скорее всего, именно из Хорезма.

Связь со среднеазиатским зодчеством прослеживается помимо всего перечисленного и в оформлении полов в парадных помещениях. В усадьбе Сг1 пол средней части зала был выложен рядами кирпичей, положенными параллельно стенам, а вокруг этой вымостки сделан узкий бордюр из кирпичей, поставленных на ребро. В его центре находился квадратный бассейн. В усадьбе Сг2, как в центральном зале, так и в парадных помещениях 3 и 6, основная площадь пола состоит из диагонально положенных кирпичей в обрамлении бордюров из кирпичей, лежащих рядами. В помещении 6 в центре пола сделана тошна, которую окружают три рамки из прямоугольных изразцов бирюзового цвета. Пространство между рамками заполнено рядами кирпичей и диагонально положенными кирпичами. В усадьбе Сг4 с асимметричной планировкой пол зала выстлан кирпичами, положенными параллельно стенам. В полу был сделан круглый водосток и прямоугольное углубление с кирпичными стенками (бассейн?). Наиболее сложную структуру имел пол парадного зала в усадьбе Сг3. В его центре находился круглый колодец водостока (тошна). Пол был вымощен плитами двух видов: из крупногабаритных квадратных плит выложен бордюр по краю пола, квадрат, окаймляющий тошну в центре, и дорожки, идущие от углов квадрата и образующие крестовидную фигуру. Зоны между дорожками были заполнены шестиугольной кирпичной плиткой, квадрат вокруг тошны заложен обычными кирпичами. Подобные и еще более усложненные приемы фигурной кладки полов широко применялись в гражданских и культовых постройках Средней Азии (рис.33). Чередование бордюров и дорожек из рядов кирпичей и квадратов или полос, заполненных диагонально положенными кирпичами, можно видеть во дворе "нижнего дворца" X в. в Хульбуке (Хмельницкий С., 1992, с.218; 2006, с.44). В здании X – нач.XI в. на цитадели Варахши дорожки, крестообразно отходящие от центра двора, были выложены диагональными кирпичами, а остальное пространство двора – рядами кирпичей со сдвигом (Хмельницкий С., 1992, с.206-209). В центре двора и в том, и в другом здании находился круглый в плане водосток, стенки которого сложены из кирпичей. Очень характерной является свастикообразная фигура, образованная дорожками из плит, отходящими от обрамления водостока в зале усадьбы Сг3. Это так называемый "вертун" – фигура, создающая оптический эффект вращения, очень часто применяемая в X-XII вв. в Средней Азии для декоративного оформления полов и потолочных перекрытий (Хмельницкий С., 2006, с.43-44, 98-99). Эти же приемы кладки, а также вымостка отдельных частей пола шестиугольными кирпичами встречаются во многих помещениях "верхнего

дворца" XI в. в Хульбуке и в усадьбе на городище Сайёд (Хмельницкий С., 1992, с.245; 1997, с.28; 2006, с.52, 96).

Устройство в центре двора или зала круглого водостока типа тошнау или квадратного декоративного бассейна также весьма типично для среднеазиатского зодчества домонгольского периода. Кроме уже упомянутых зданий, круглый водосток имелся в центральном дворе "верхнего дворца" в Хуттале (Хмельницкий С., 2006, с.70-71). На городище Султан-кала исследована часть дома домонгольского времени (XII – нач.XIII в.), в которой имелся большой зал или двор, вымощенный кирпичом, с тошной посредине (Лунина С.Б., 1969, с.119-122). Большой (10×10 м) квадратный бассейн находился в центре внутреннего двора дворца правителей Термеза XI в. (Хмельницкий С., 1997, с.14-15). Аналогичный бассейн был сделан в центре крытого двора или зала усадьбы А в Якке-Парсанском оазисе (Неразик Е.Е., 1998, с.173, 179).

В отличие от устройства полов оформление стен в усадебных зданиях Золотой Орды и Средней Азии было различным. Для раннего средневековья и домонгольского периода в Средней Азии характерно украшение стен резным ганчем и терракотой, а также настенными росписями (Всеобщая история..., 1969, с.194-197, 210-211, 226-227, 247-249). Наиболее яркие образцы ганчевого декора происходят из Хульбука, Сайёда, Термеза (Хмельницкий С., 2006; Алпаткина Т.Г., 2008). Всемирно известны росписи дворцов в Пенджикенте и Афрасиабе. В Золотой Орде эти приемы почти не применялись: здесь для декорирования стен использовались мозаики и майолики с подглазурной и надглазурной росписью и золочением. В Средней Азии первые майолики появляются в нач.XIV в., а наборная мозаика только в 70 г XIV в. (Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1965, с.248-249; Пугаченкова Г.А., 1976, с.33-35). По мнению исследователей, этот вид архитектурного декора проник в Золотую Орду из Ирана через Закавказье и Малую Азию и получил здесь оригинальное развитие (Носкова Л.М., 1976, с.25-29; Федоров-Давыдов Г.А., 1995, с.163-166). Принцип сплошной мозаичной облицовки стен, также характерный для иранского зодчества XII-XIII вв., нашел в Золотой Орде широкое применение. После ее разгрома войсками Тимура, золотоордынские ремесленники были вывезены в города Мавераннахра и приняли участие в создании величественных тимуридских построек (Носкова Л.М., 1976, с.28; Федоров-Давыдов Г.А., 1995, с.164).

Тип III.1 представлен домами-конгломератами, которые не имеют четкой планировочной структуры. В их плане просматривается тот же принцип, что и в зданиях типа I.2, состоящих из беспорядочно пристроенных друг к другу элементарных яче-

ек. То есть примитивизм архитектурных решений встречается как в планировке домов небогатых ремесленников, так и в крупных усадьбах, принадлежавших городским верхам. В домах типа III.1 ячейки многокомнатные, с капитальными стенами, но и здесь видно то же отсутствие единого замысла, хотя отдельные части таких зданий могут иметь вполне упорядоченную планировку. Так, дом усадьбы Кг1 (в том случае, если он исследован полностью) состоит из хорошо организованного западного жилого блока, близкого по структуре домам типа II.1 и восточного блока, который является точной копией среднего ряда помещений домов типа II.2А. Дом усадьбы Сг4 сначала состоял из двух помещений, пристроенных друг к другу, то есть имел линейную планировку. Во втором периоде с южной стороны пристраивается еще одна жилая комната, а с северной стороны – хорошо спланированный блок из трех пар жилых комнат, разделенных коридором. В целом же линейная планировка дома сохраняется. В третьем периоде здание расширяется на запад путем возведения большого парадного зала и связанных с ним помещений, а с восточной стороны пристраивается еще одна жилая комната. При этом здание утрачивает упорядоченную структуру и получает сложную конфигурацию. Постепенное расширение этого домовладения может свидетельствовать об улучшении имущественного положения хозяина, а пристройка парадного зала о повышении его социального статуса.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что в планировке усадебных зданий Золотой Орды также как и во всей культуре прослеживается синтез различных компонентов. В основе домов первой группы лежит так называемый "дом монгольского типа", хотя его строение типично для жилищ бывших кочевников различных регионов, а большинство деталей интерьера имеет среднеазиатское происхождение. Однозначно монгольской (джурдженьской) можно считать только отопительную систему в виде канов, но и она могла попасть в Золотую Орду двумя путями – непосредственно из Монголии или также через Среднюю Азию. Дома типов I.1, I.2, I.3, I.4 с простой планировочной структурой типичны для стационарных жилищ бывших кочевников независимо от района их проживания. Они могли возникнуть в Золотой Орде самостоятельно и представляют "кочевническую" традицию домостроительства в архитектуре этого государства.

Типы домов с айваном (I.5) и внутренним двором (I.6), распространенные на всем Востоке, были принесены, скорее всего, из Средней Азии. Усадеб-

ные здания с парадным залом (тип П.2), принадлежавшие, скорее всего, социальным верхам золотоордынского общества, имеют наиболее сложную и разработанную планировку, которая также возникла под влиянием Средней Азии (тип П.2А – Хорезма). На тесную связь этих построек со среднеазиатским зодчеством указывают также некоторые строительные приемы (применение большеформатного сырца, обожженного кирпича, системы кладки, оформление углов зданий трехчетвертными колонками), а также элементы декора (фигурные выстилки полов, решетки-панджара с цветными стеклами, ганчевые архитектурные детали). Тем не менее, несмотря на столь сильное среднеазиатское влияние, здесь нельзя видеть прямое заимствование. Дома с внутренним двором и центральным залом имеют выраженную ось симметрии, направленную по линии С-Ю. Жилые комнаты в них расположены с восточной и западной сторон от двора или зала,

а с юга и севера находятся небольшие тамбурные или хозяйственные помещения. В случае наличия репрезентантного ядра в виде парадного зала, вход в него расположен с южной стороны, а почетное место хозяина – с северной. То есть, взяв за основу здания типично среднеазиатской планировки, жители золотоордынских городов применили к ним свои принципы организации пространства, принесенные из Монголии и, возможно, из Китая. В результате возникли постройки, которые можно считать оригинальным вариантом хорошо известных на Среднем Востоке планировочных схем. Следует, правда, оговориться, что данные выводы относятся только к центральной части Золотой Орды (Нижнему Поволжью), откуда и происходят все известные на данный момент усадебные дома. В других районах ситуация может быть несколько иной, но прояснить ее смогут только дальнейшие археологические исследования.

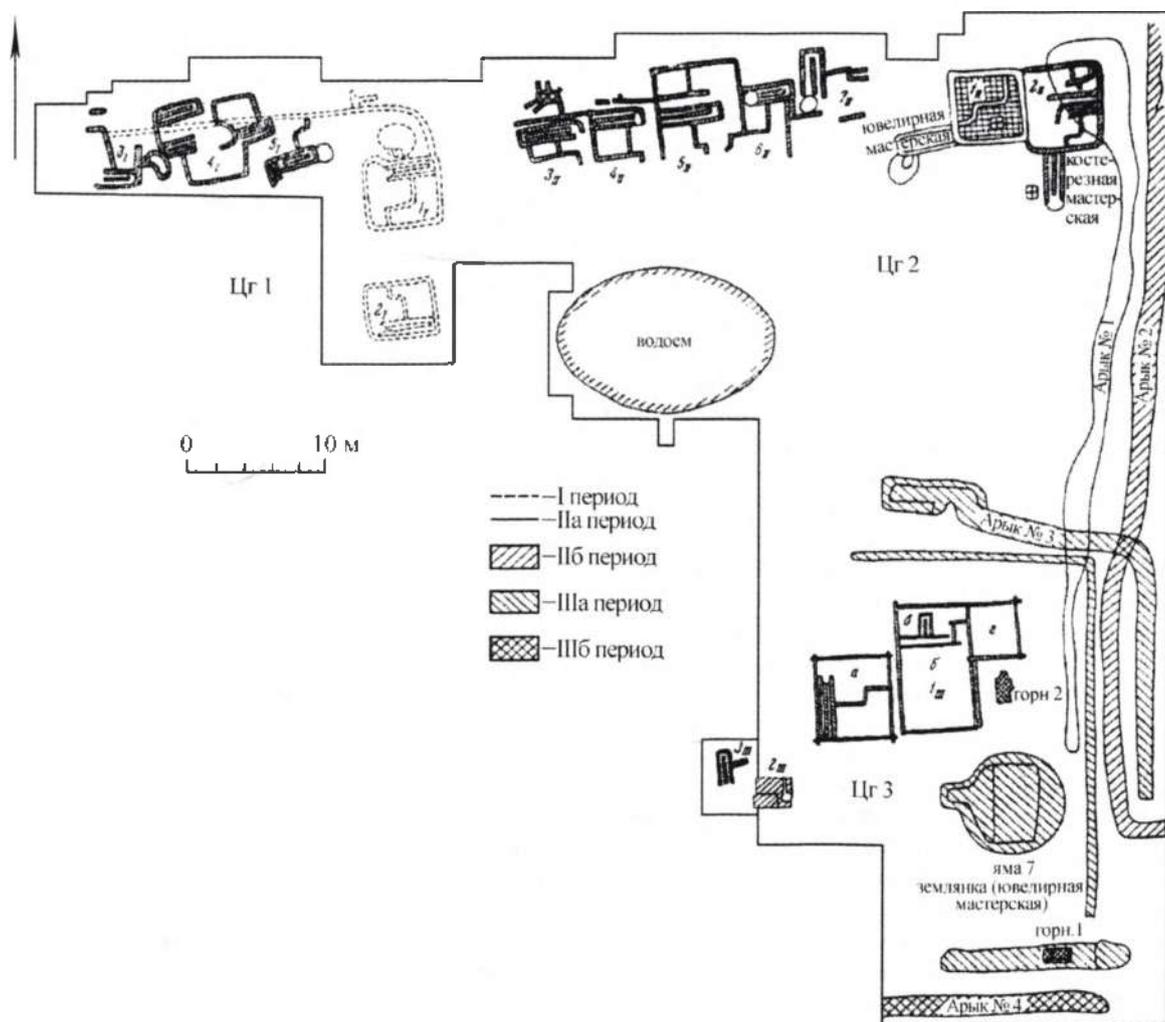

Рис. 1. Царевское городище. Усадьбы Цг1, Цг2, Цг3 (по Г.А.Федорову-Давыдову).

Fig. 1. Tsarev hillfort. Manors Цг1, Цг2, Цг3 (by G.A.Fiodorov-Davydov)

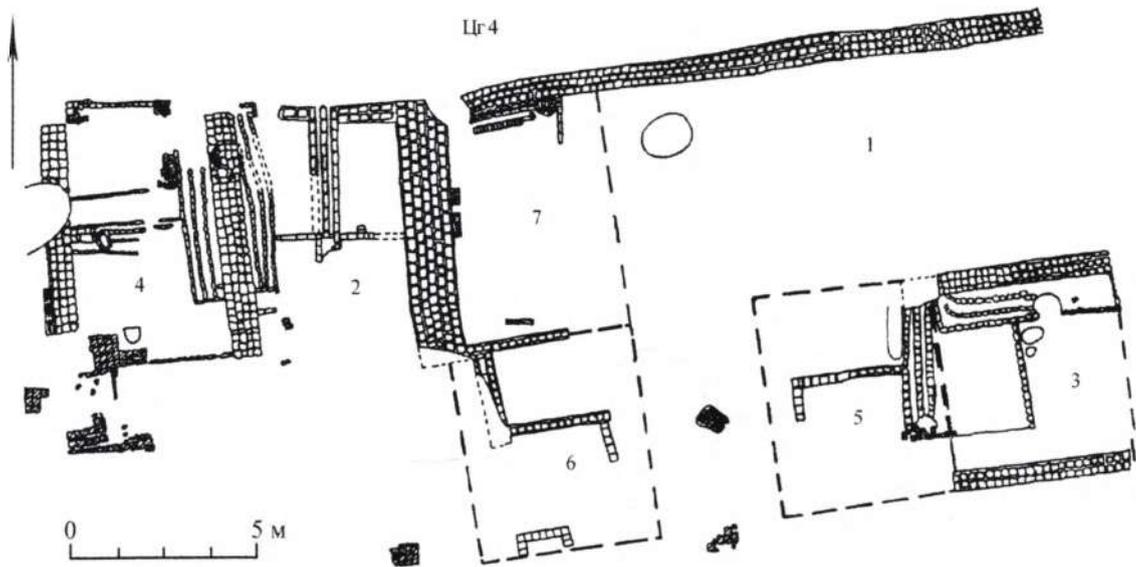

Рис. 2. Царевское городище. Усадьба Цг4 с элементами реконструкции (по Г.А.Федорову-Давыдову).
 Fig. 2. Tsarev hillfort. Manor Цг4 with elements of reconstruction (by G.A.Fiodorov-Davydov)

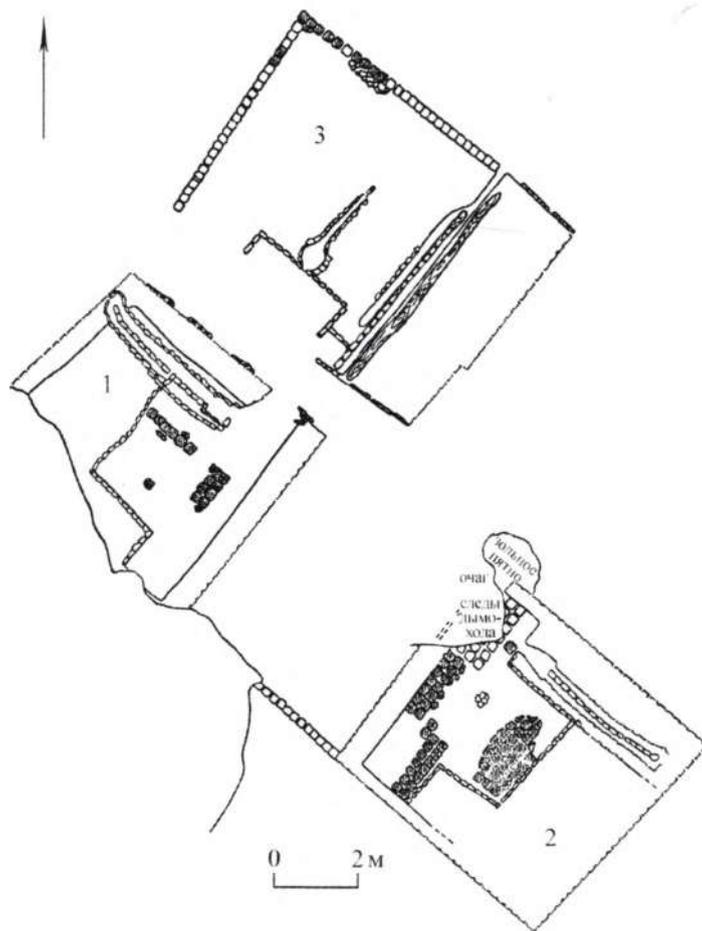

Рис. 3. Царевское городище. Усадьба Цг5 (по Г.А.Федорову-Давыдову).
 Fig. 3. Tsarev hillfort. Manor Цг5 (by G.A.Fiodorov-Davydov)

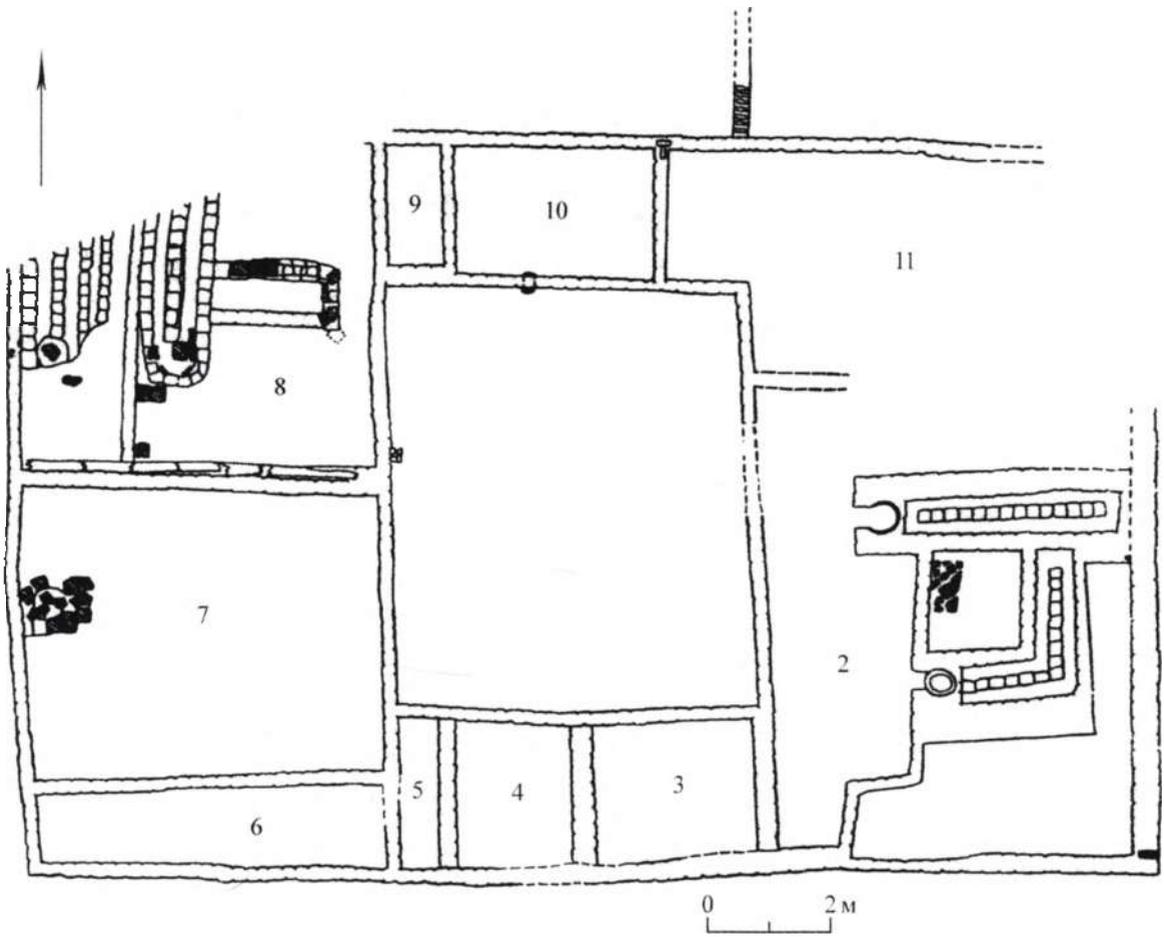

Рис. 4. Царевское городище. Усадьба Цг6, I период (по Г.А.Федорову-Давыдову).
 Fig. 4. Tsarev hillfort. Manor Цг6, I period (by G.A.Fedorov-Davydov)

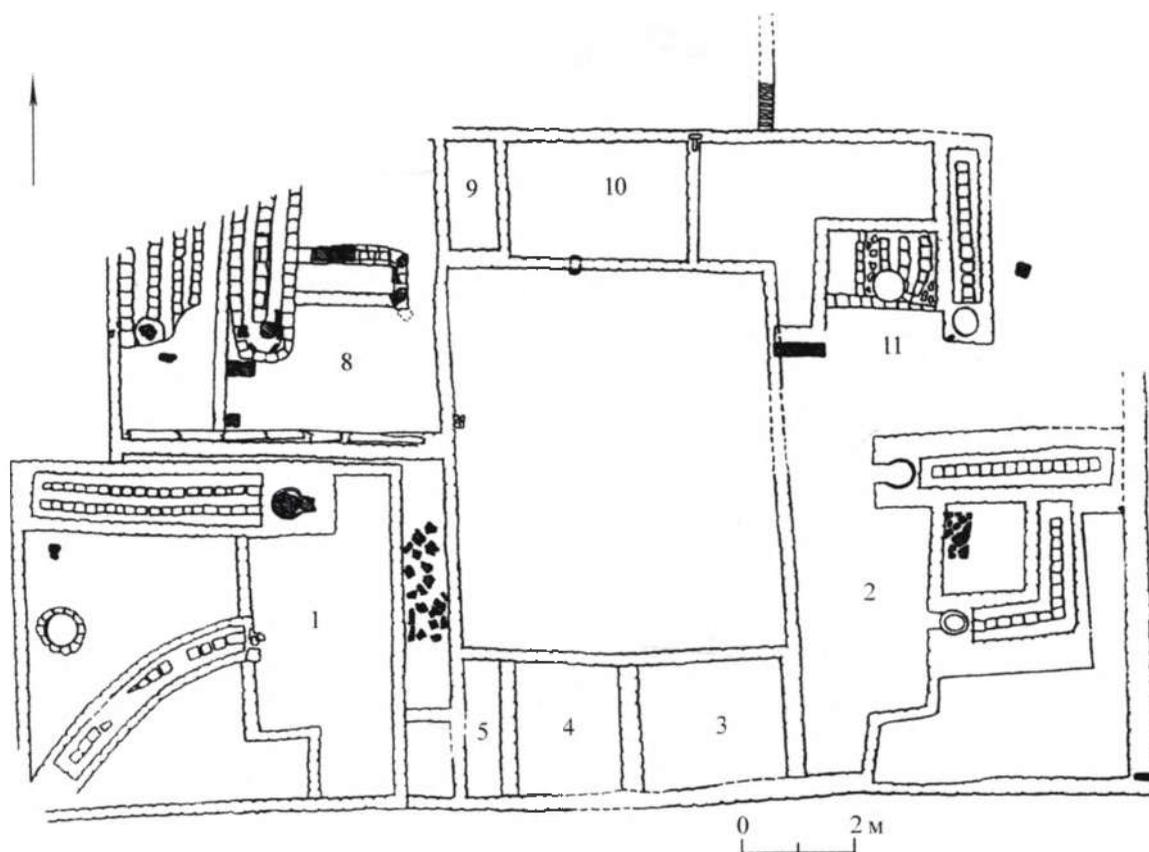

Рис. 5. Царевское городище. Усадьба Цг6, II период (по Г.А.Федорову-Давыдову).
Fig. 5. Tsarev hillfort. Manor Цг6, II period (by G.A.Fiodorov-Davydov)

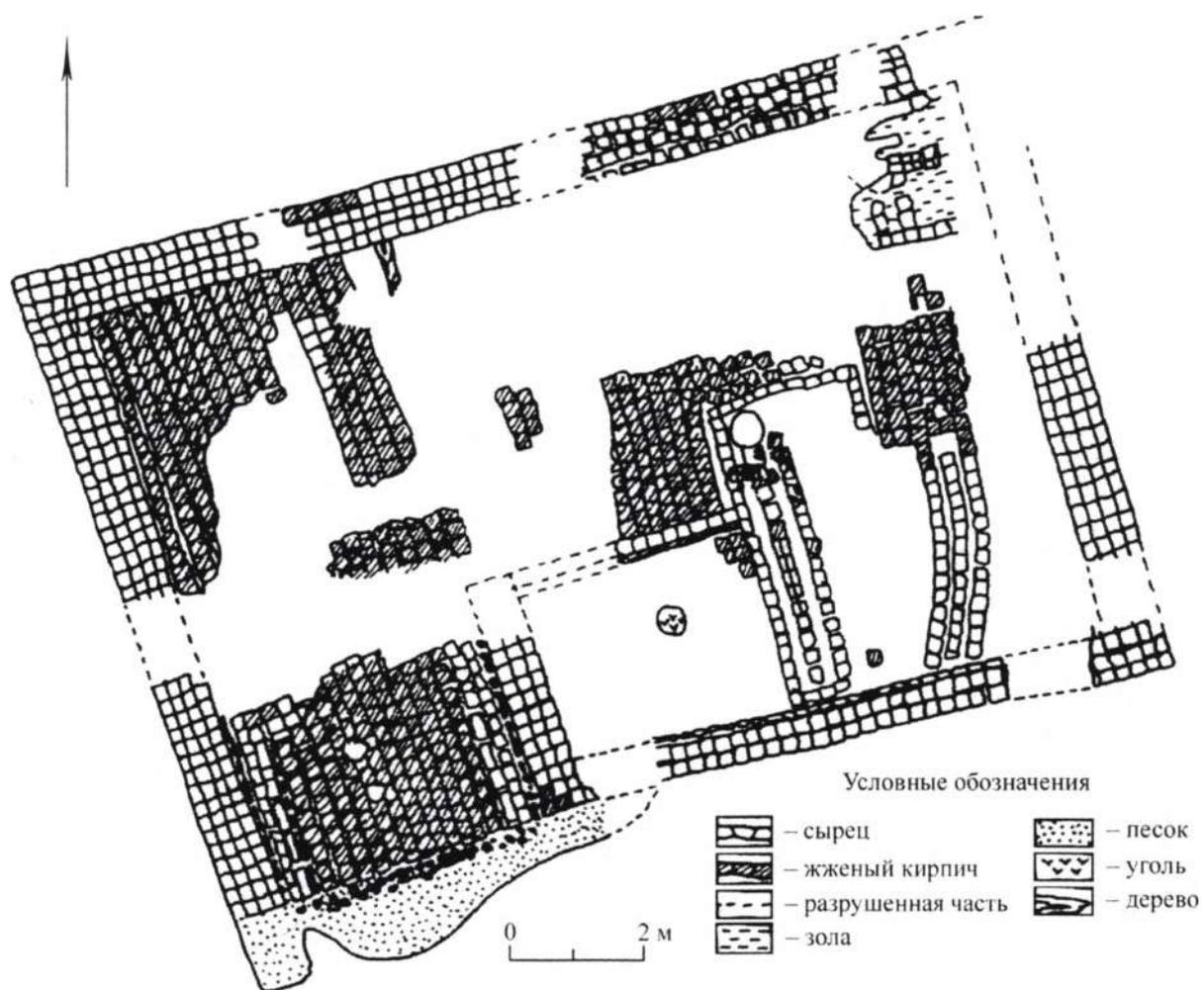

Рис. 6. Царевское городище. Усадьба Цг7, I период (по Г.А.Федорову-Давыдову).
 Fig. 6. Tsarev hillfort. Manor Цг7, I period (by G.A.Fiodorov-Davydov)

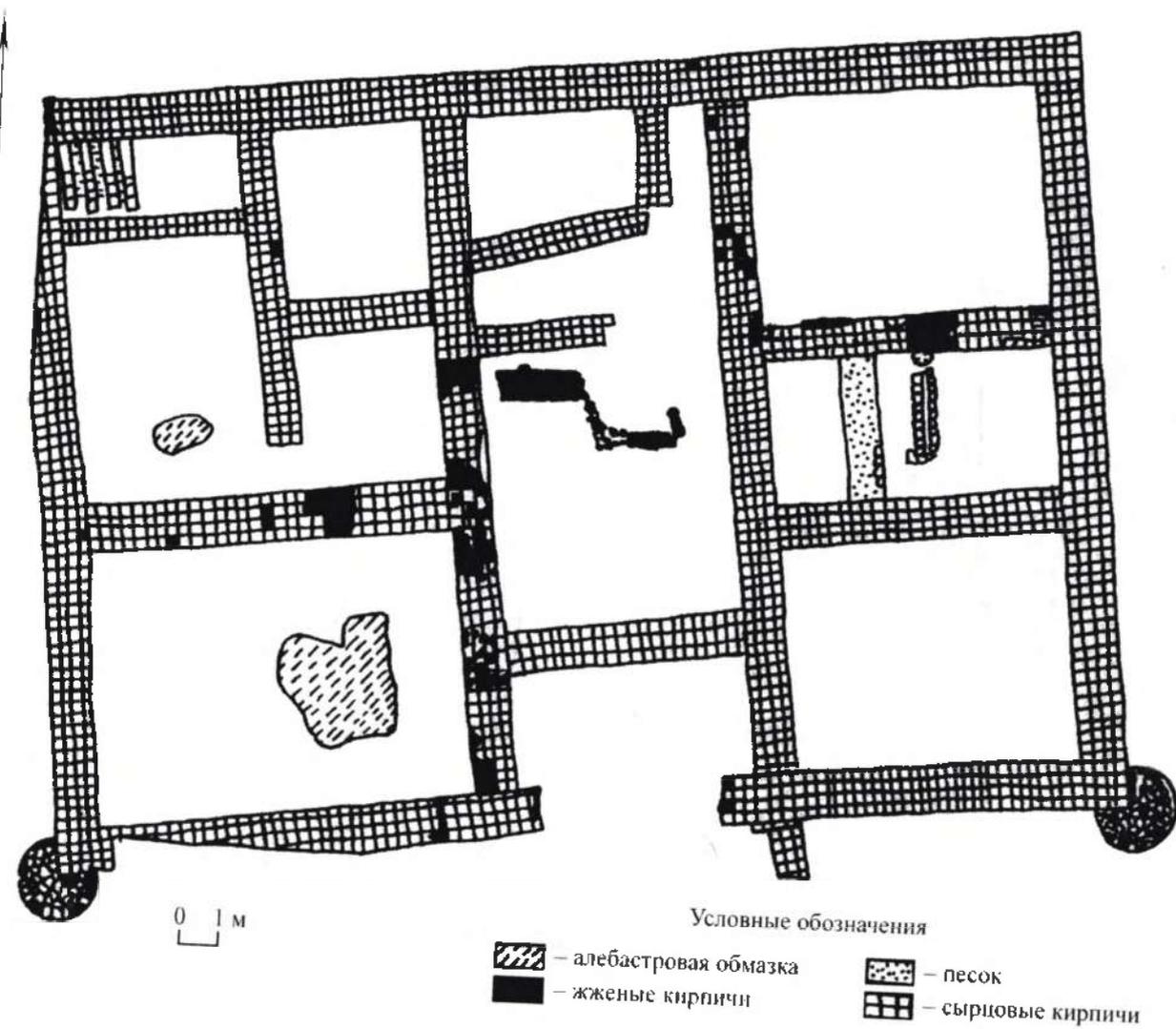

Рис. 7. Царевское городище. Усадьба Цг7, II период (по Г.А.Федорову-Давыдову).
 Fig. 7. Tsarev hillfort. Manor Цг7, II period (by G.A.Fiodorov-Davydov)

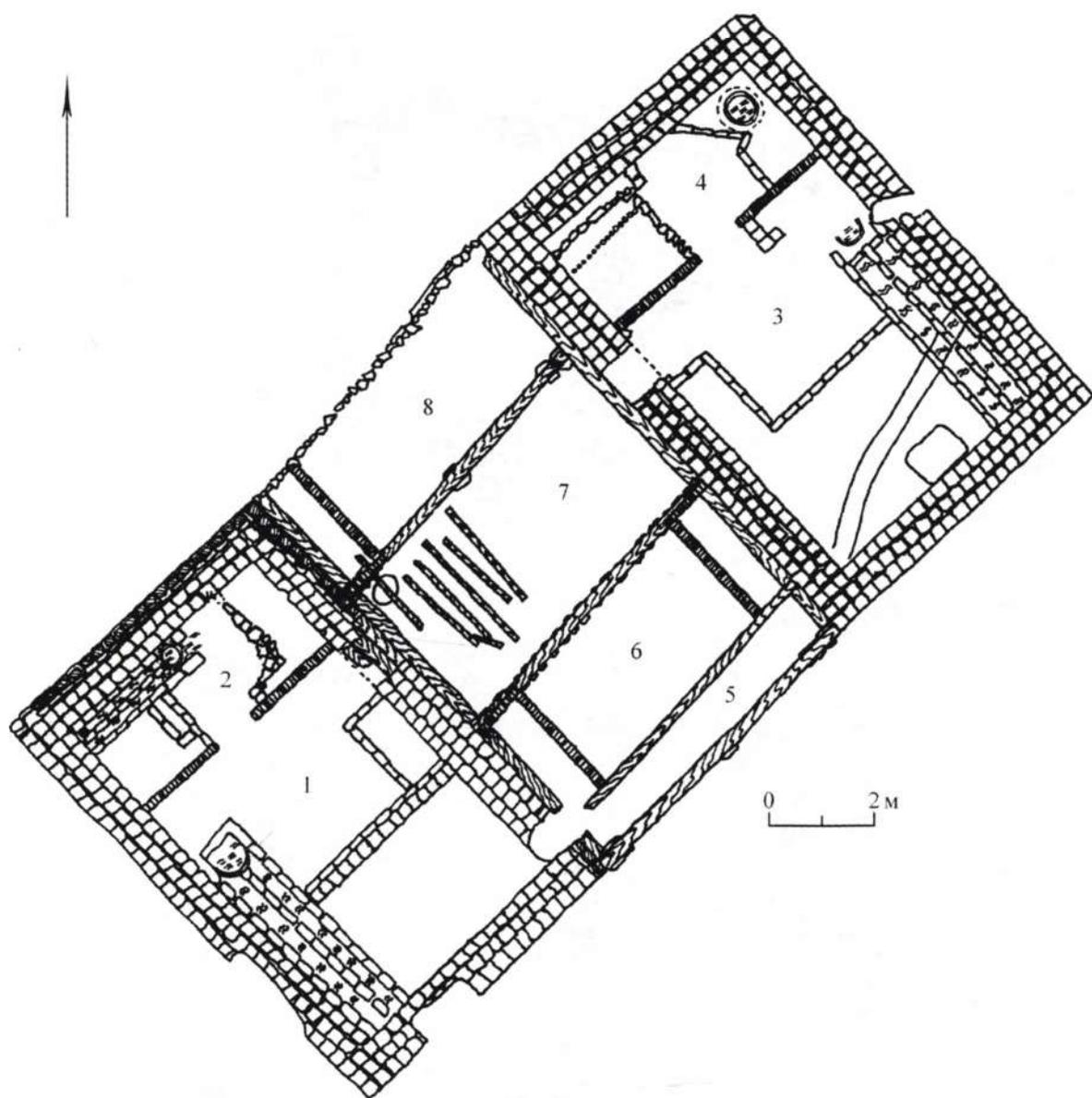

Рис. 8. Водянское городище. Усадьба Br1 (по А.Г.Мухамадиеву).
 Fig. 8. Vodianskoie hillfort. Manor Br1 (by A.G.Mukhamadiev)

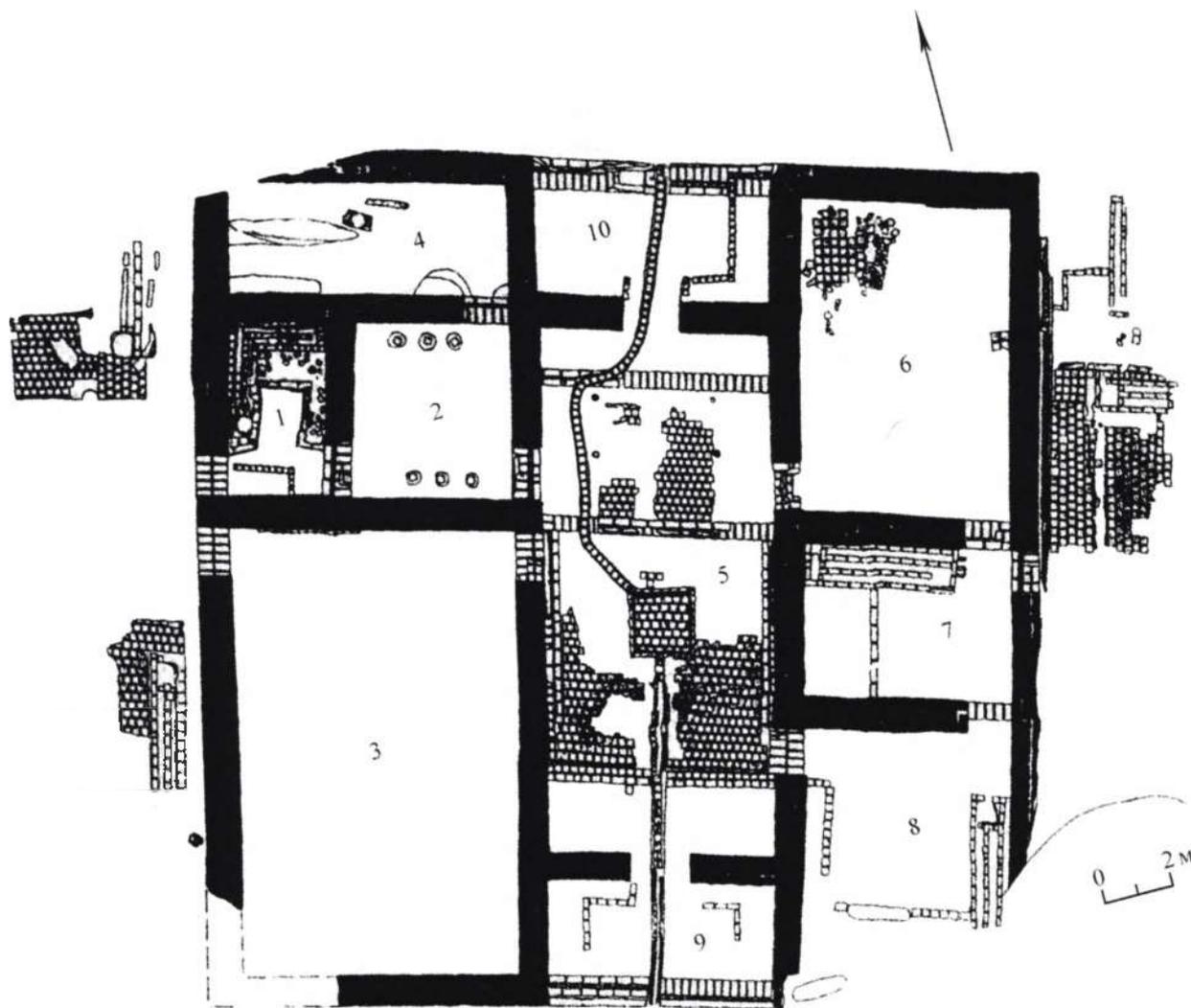

Рис. 9. Селитренное городище. Усадьба Cr1, I период (по Г.А.Федорову-Давыдову).
 Fig. 9. Selitrennoie hillfort. Manor Cr1, I period (by G. A. Fiodorov-Davydov)

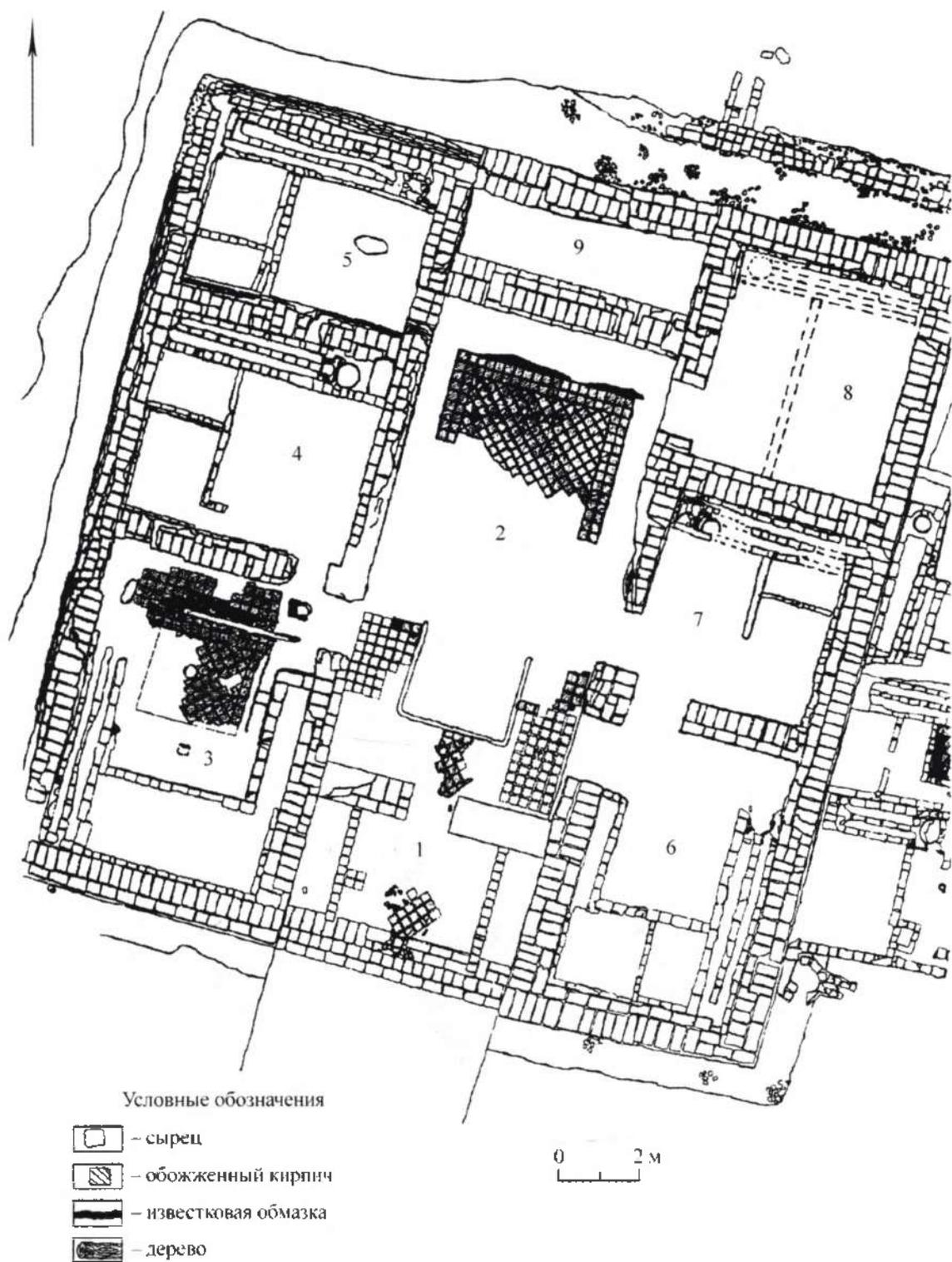

Рис. 10. Селитренное городище. Усадьба Cr2, I период.
 Fig. 10. Selitrennoie hillfort. Manor Cr2, I period

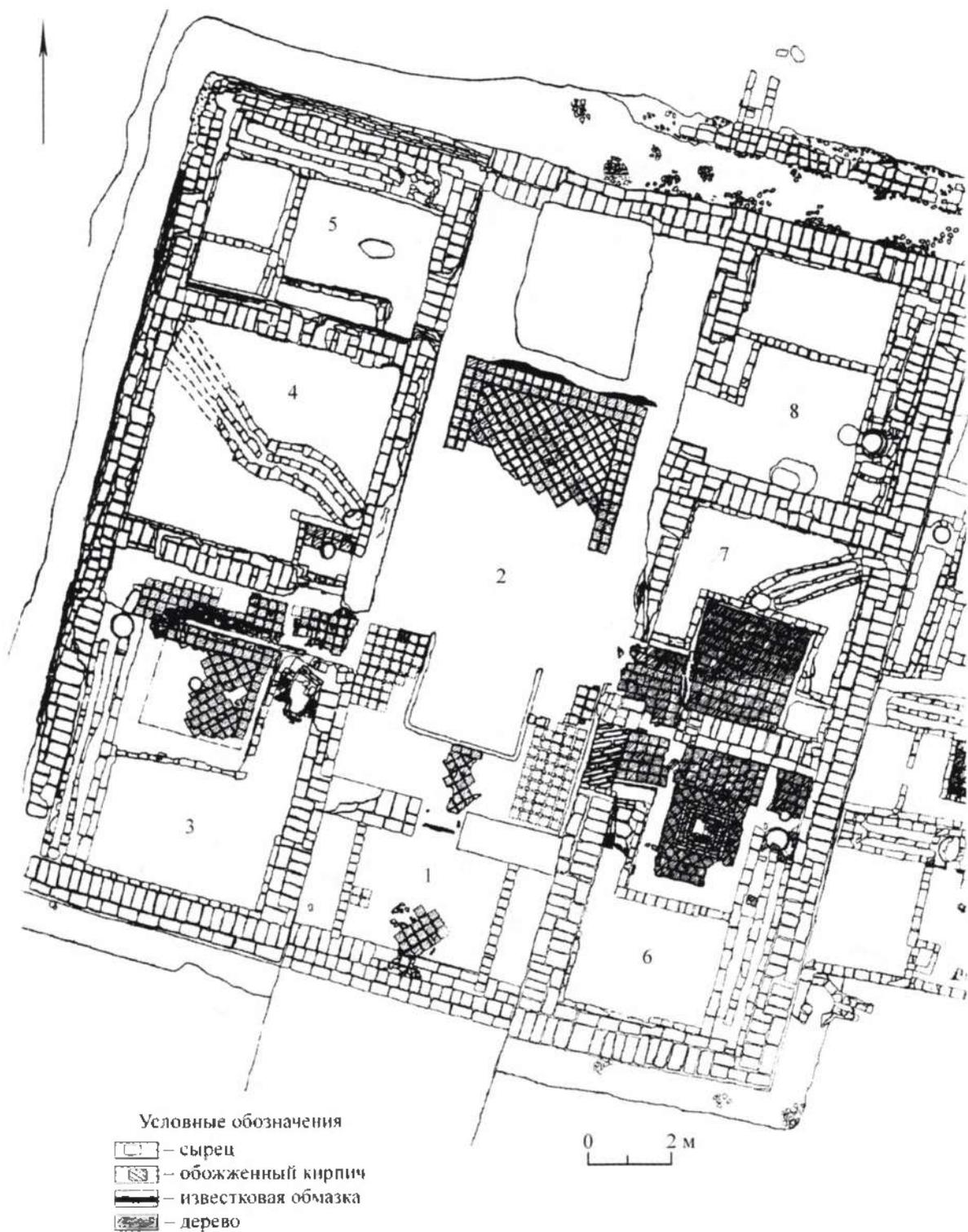

Рис. 11. Селитренное городище. Усадьба Cr2 с перестройками.
 Fig. 11. Selitrennoie hillfort. Manor Cr2 with reorganizations

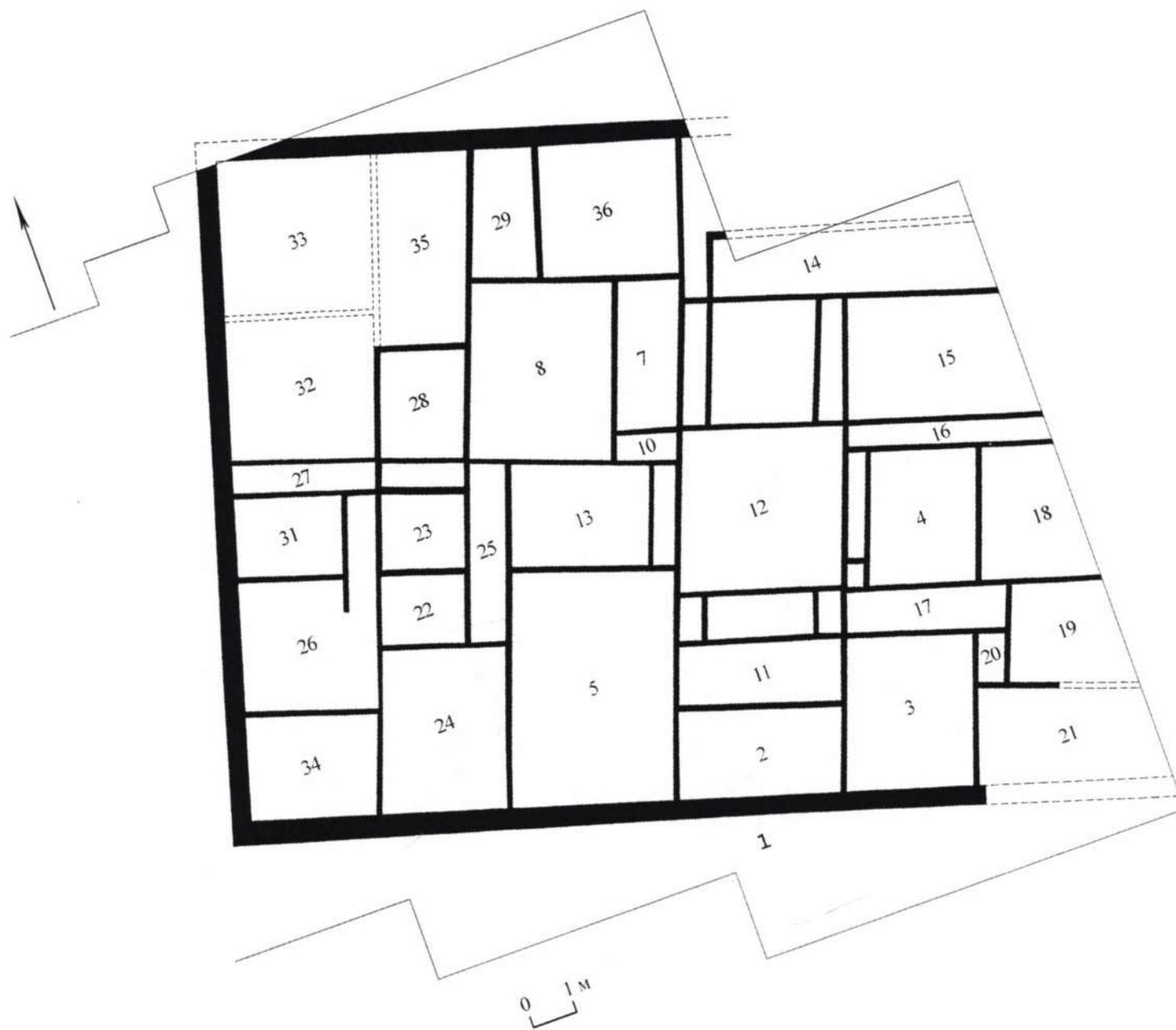

Рис. 12. Селитренное городище. Схема плана усадебного здания Cr3.
 Fig. 12. Selitrennoie hillfort. The scheme of the layout of manor building Cr3

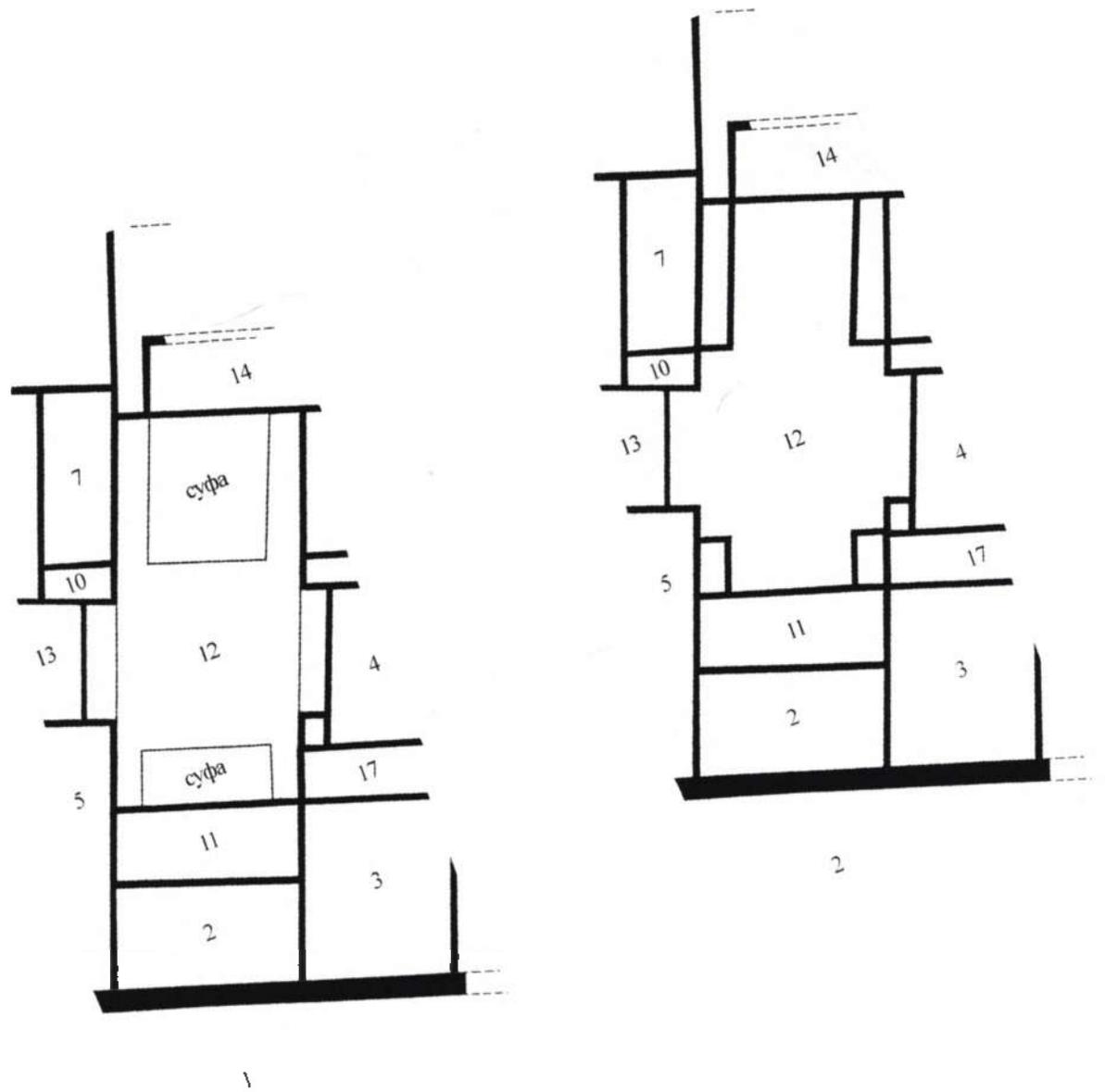

Рис. 13. Селитренное городище. Реконструкция центральной части здания усадьбы Cr3.
 Fig. 13. Selitrennoie hillfort. Reconstruction of the central part of a building of manor Cr3

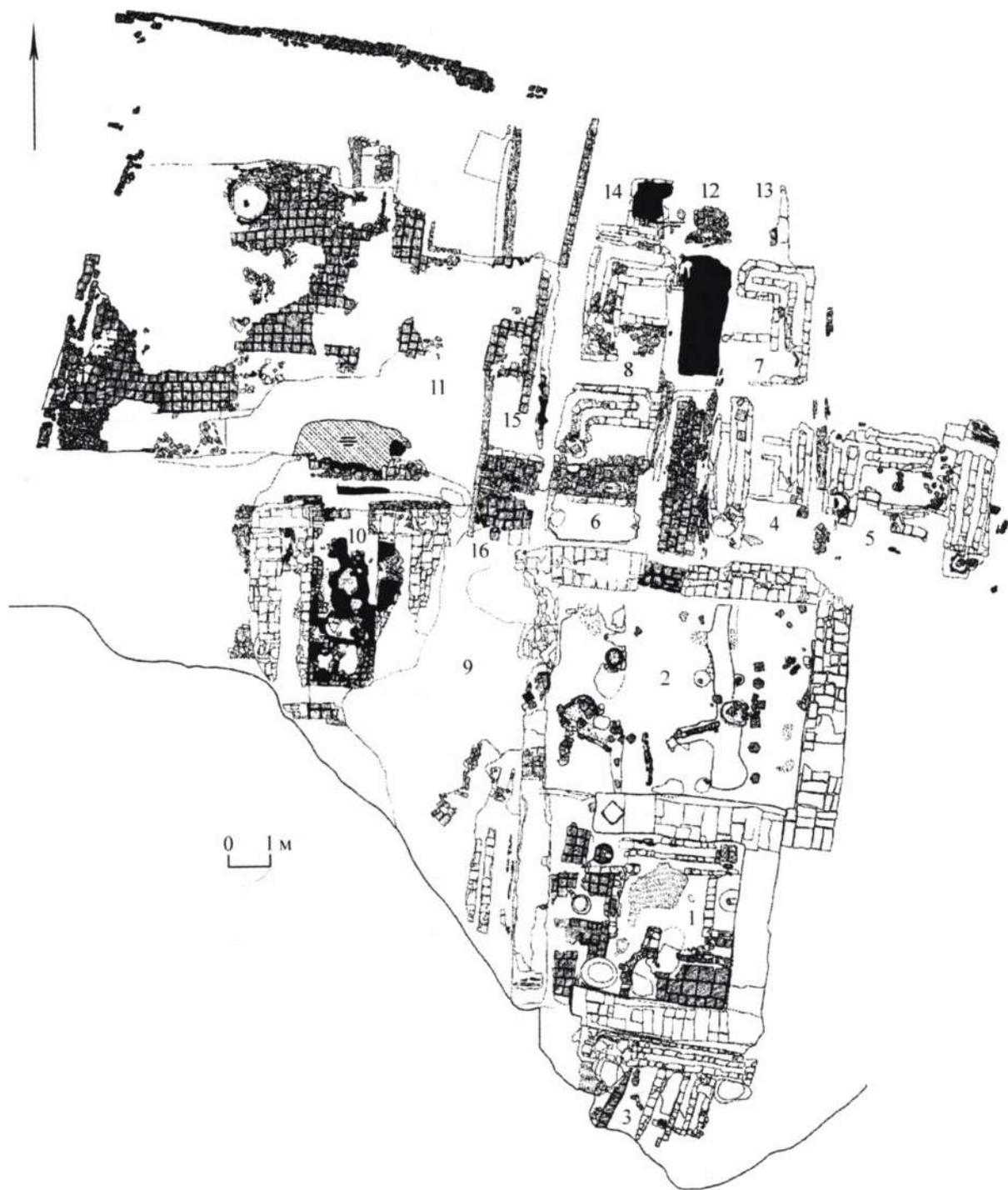

Рис. 14. Селитренное городище. Усадьба Cr4.
 Fig. 14. Selitrennoie hillfort. Manor Cr4

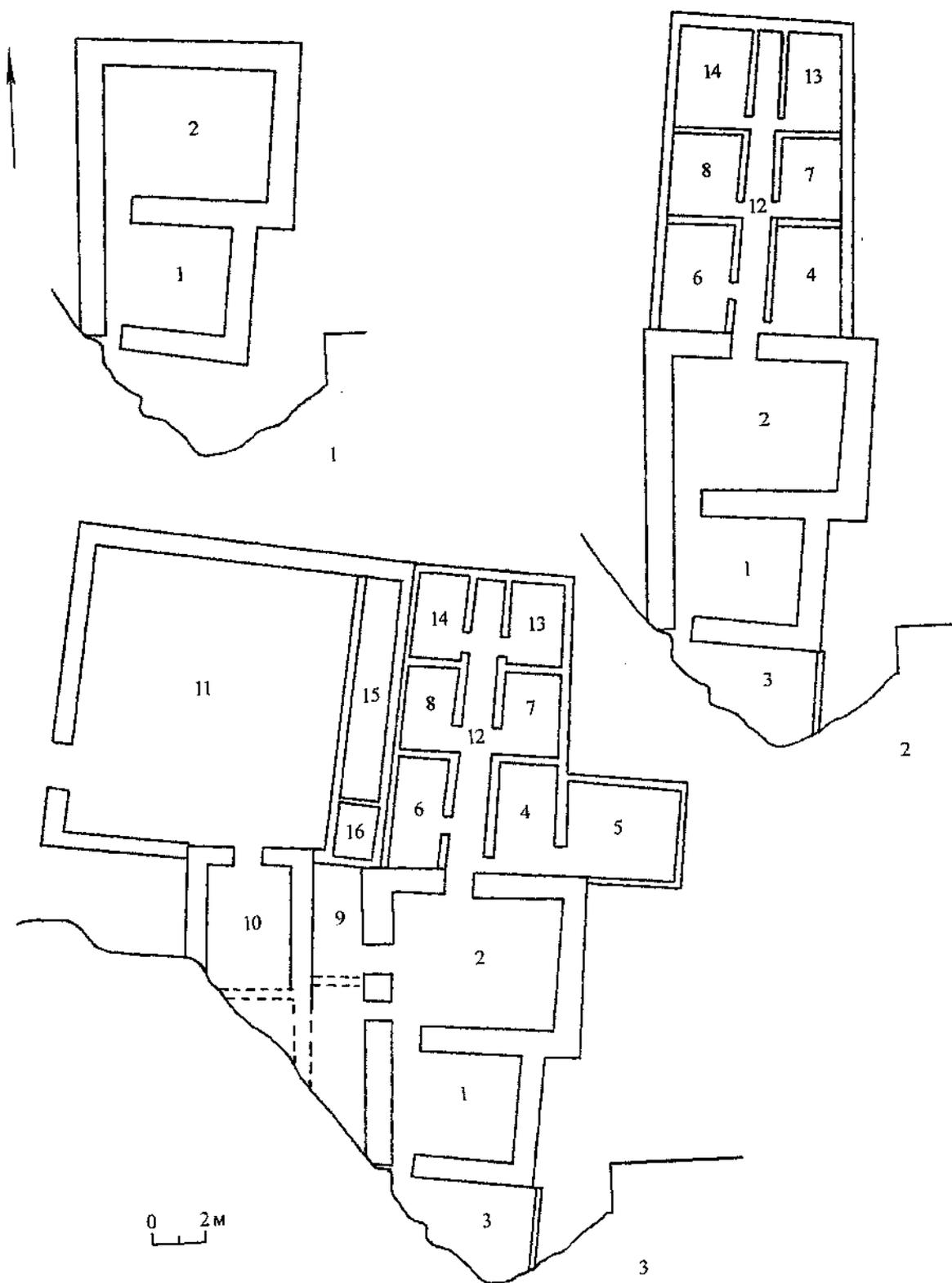

Рис. 15. Селитренное городище. Схема плана усадебного здания Ст4: 1 – I период; 2 – II период; 3 – III период.

Fig. 15. Selitrennoe hillfort. The scheme of the layout of manor building Ст4: 1 – I period; 2 – II period; 3 – III period

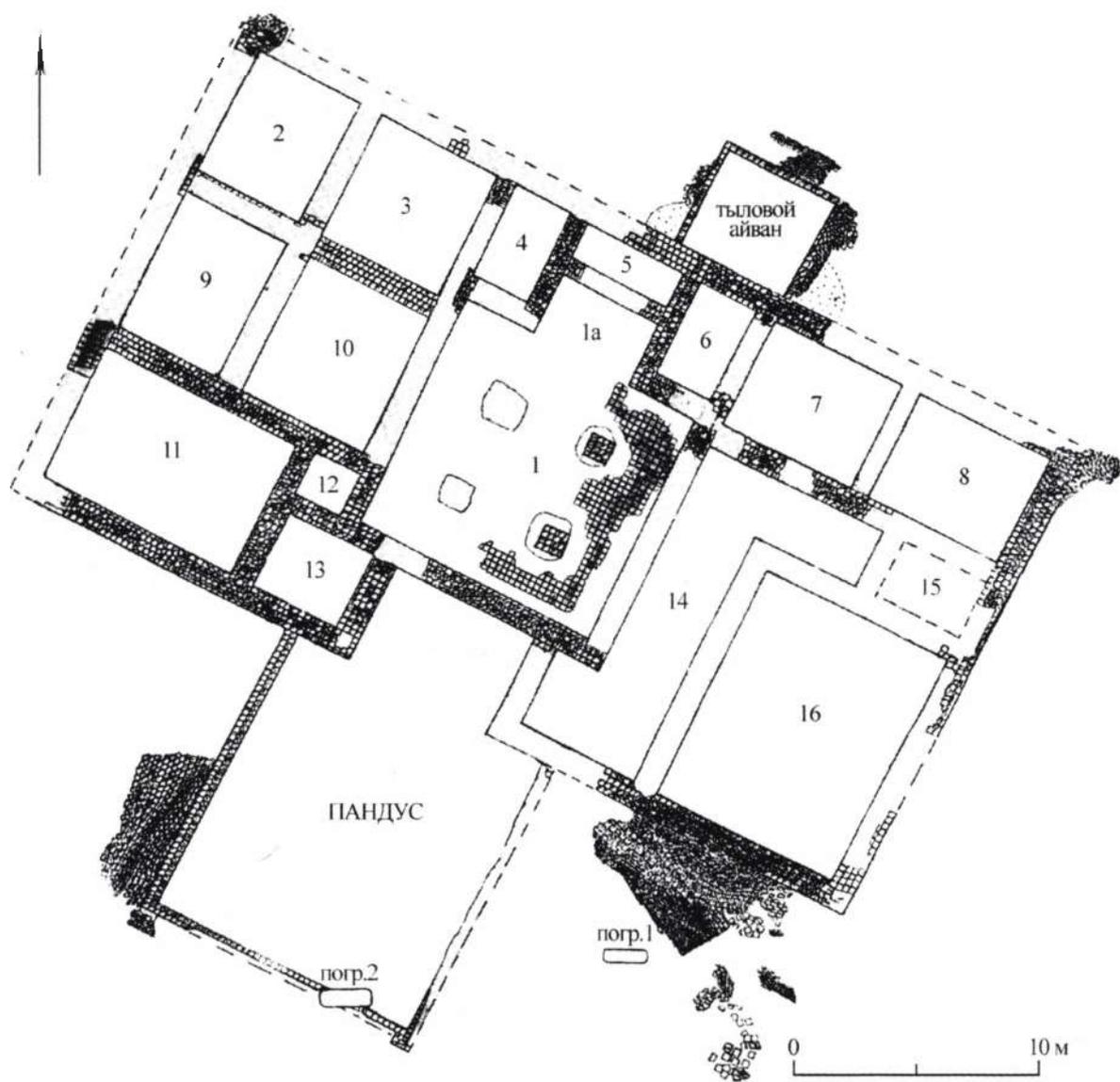

Рис. 16. Ахтубинское городище. Усадьба Ar1 (по В.В.Плахову).
 Fig. 16. Akhtubinskoie hillfort. Manor Ar1 (by V.V.Plakhov)

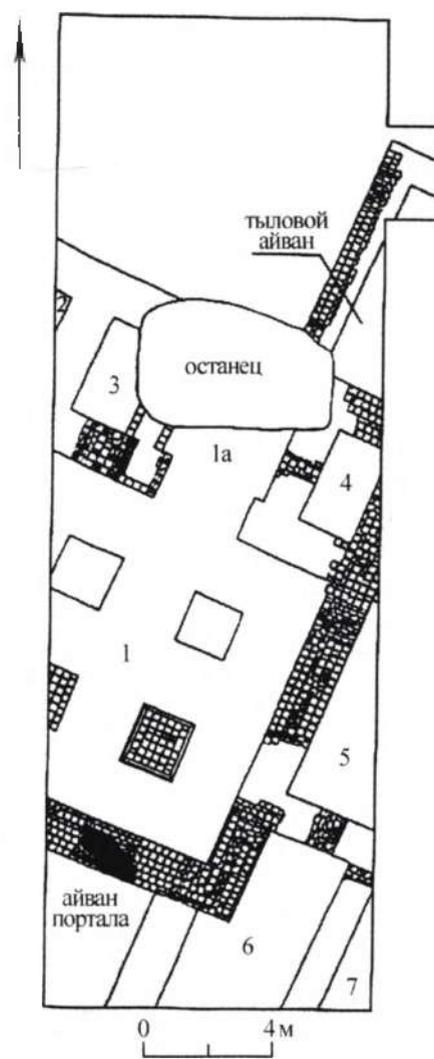

Рис. 17. Ахтубинское городище. Усадьба Ar2 (по В.В.Плахову).
Fig. 17. Akhtubinskoie hillfort. Manor Ar2 (by V.V.Plakhov)

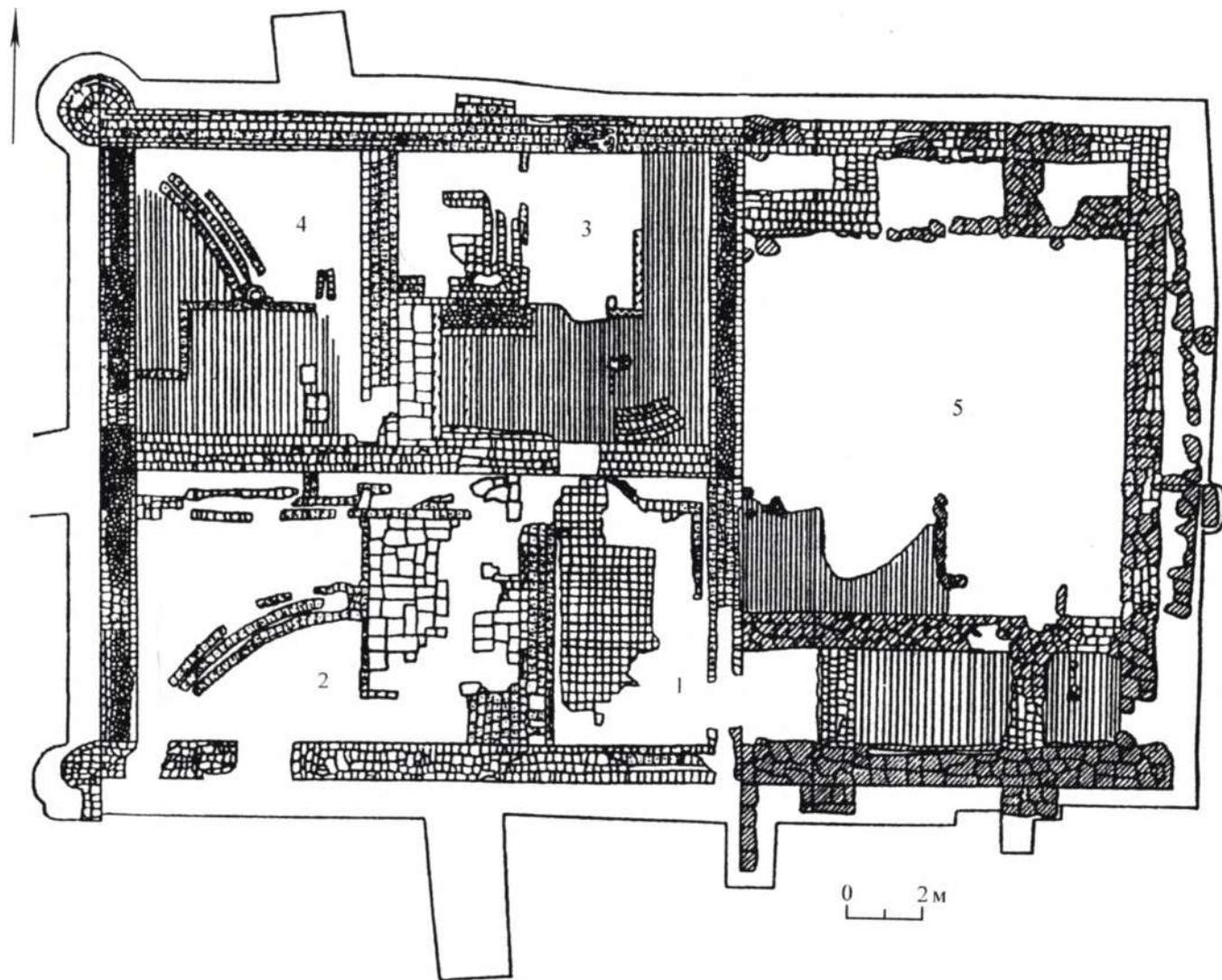

Рис. 18. Кучугурское городище. Усадьба Кг1 (по В.И.Довженку).
Fig. 18. Kuchugury hillfort. Manor Kг1 (by V.I.Dovzhenok)

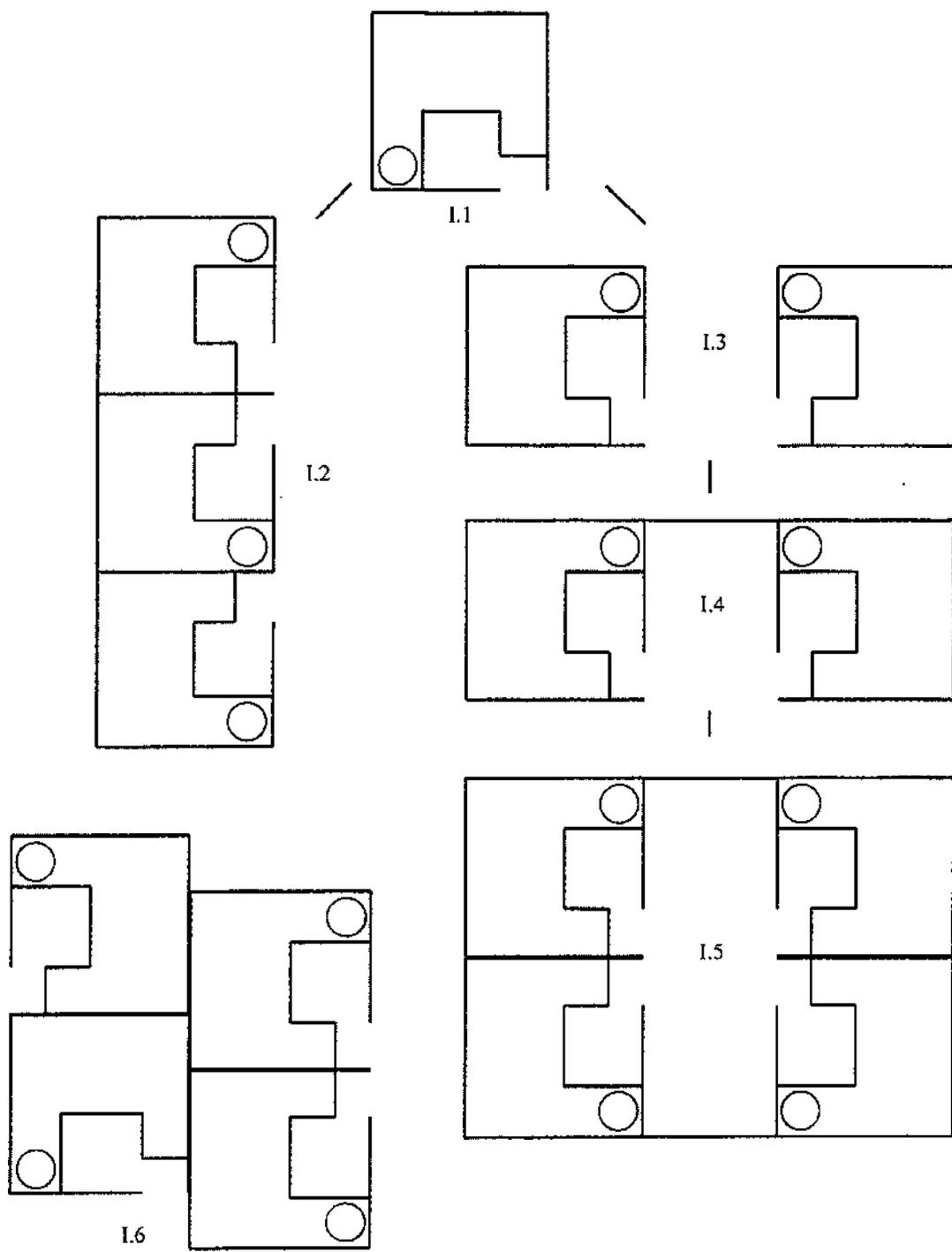
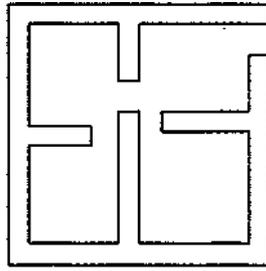
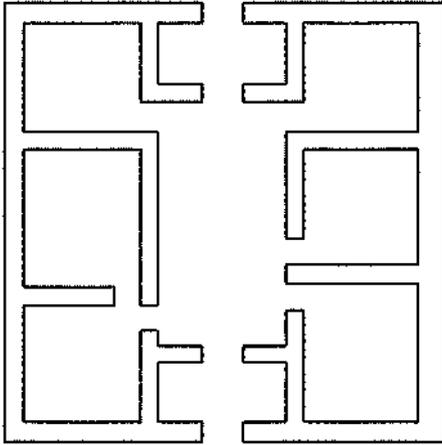

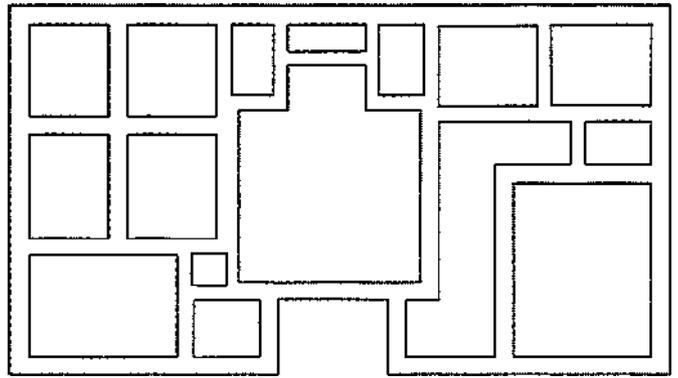
Рис. 19. Схема типов планов домов I группы.
 Fig. 19. The scheme of types of layouts of group I houses

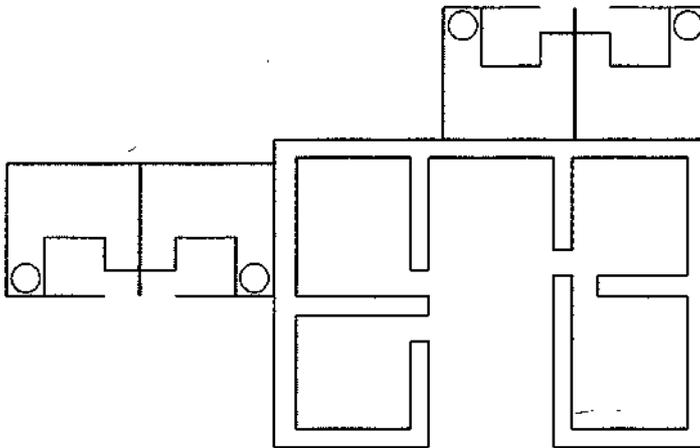
II.1

II.2A

II.2B

II.3

Рис. 20. Схема типов планов домов II группы.
Fig. 20. The scheme of types of layouts of group II houses

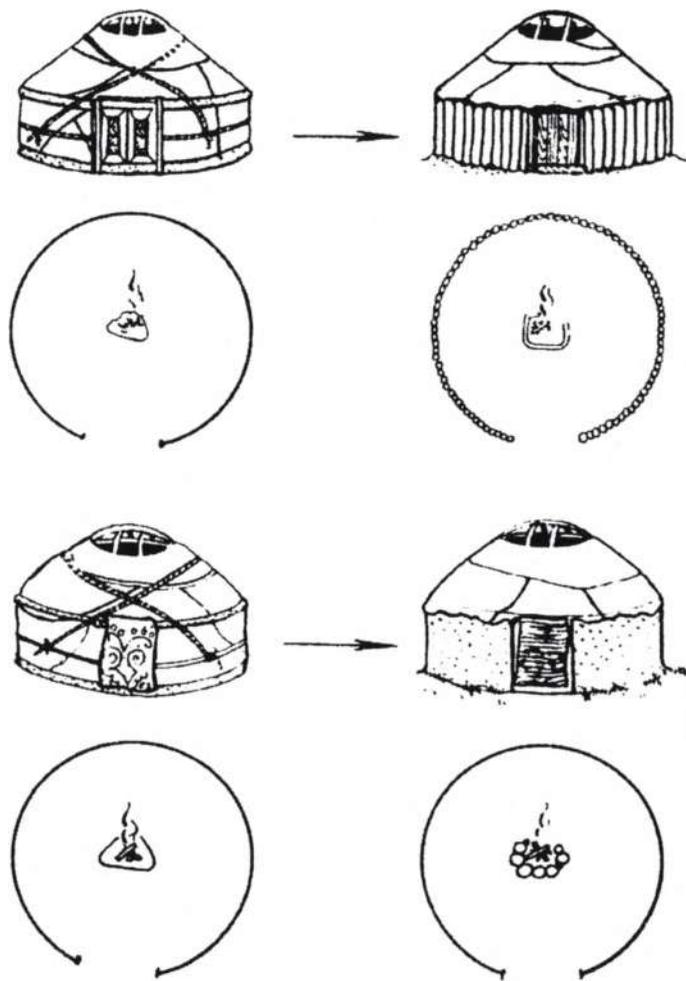
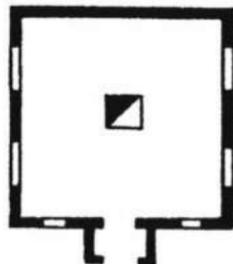
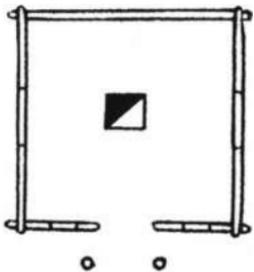

Рис. 21. Трансформация юрты в стационарное жилище (по Д.Майдару).
Fig. 21. Transformation of a yurt into a stationary dwelling (by D.Maidar)

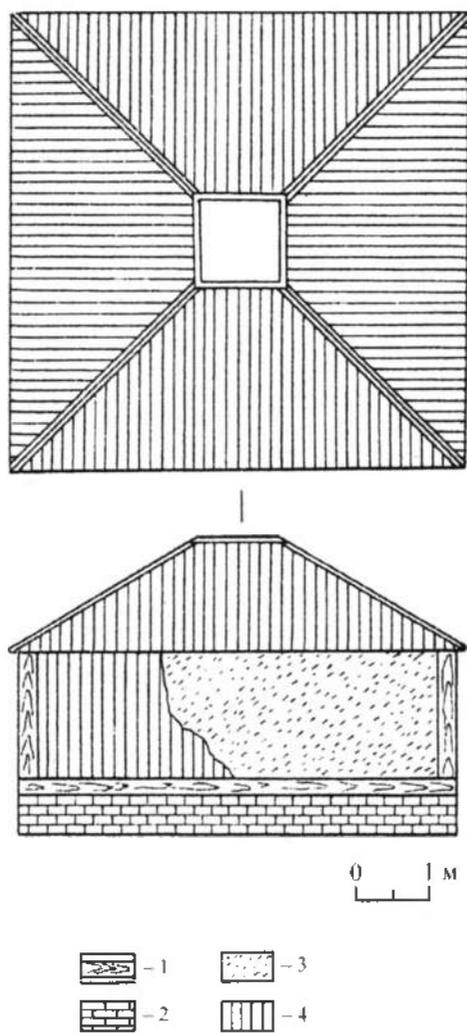

Рис. 22. Золотоордынский однокомнатный дом (по В.Л.Егорову).
 Fig. 22. The Golden Horde one-room house (by V.L.Yegorov)

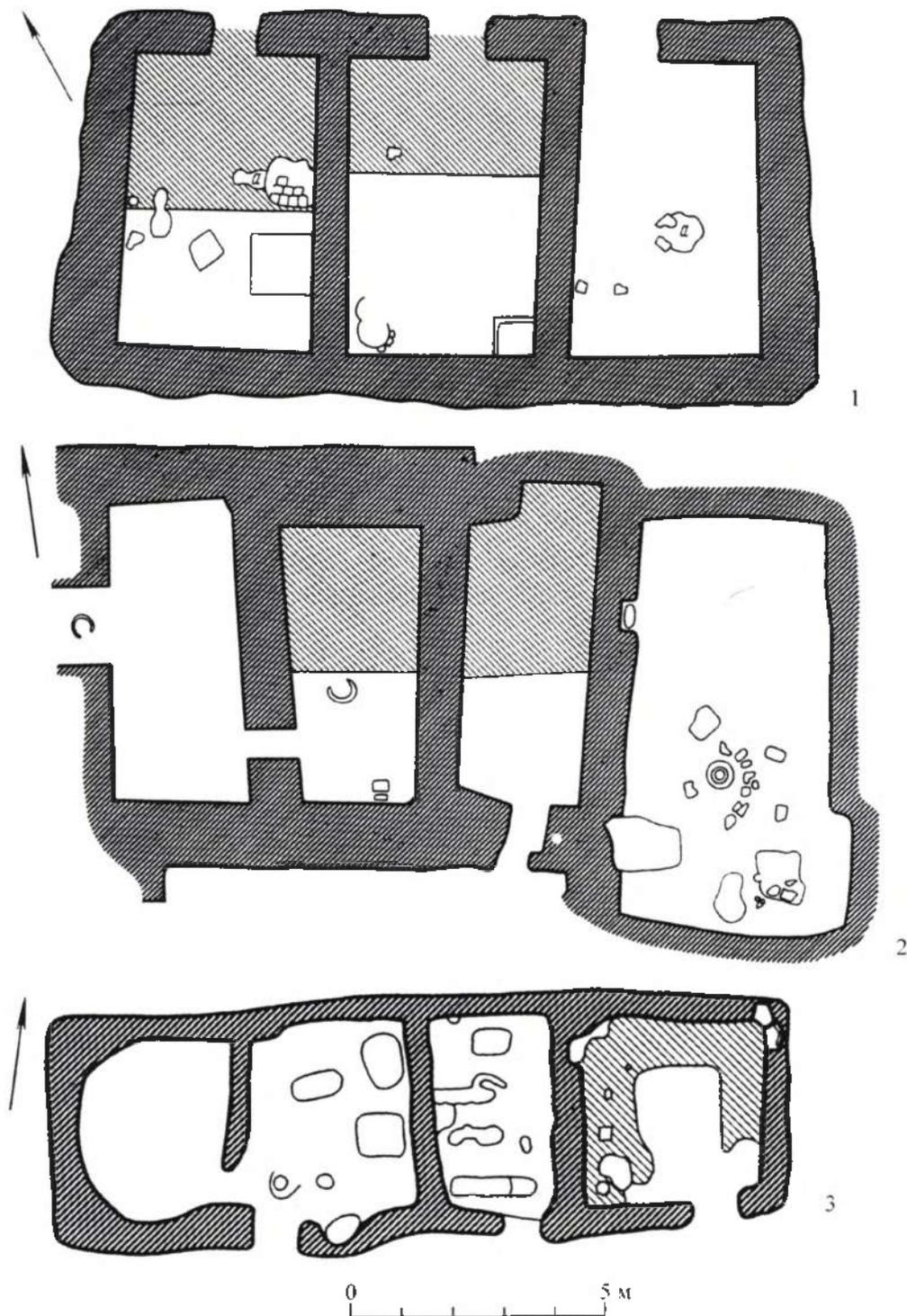
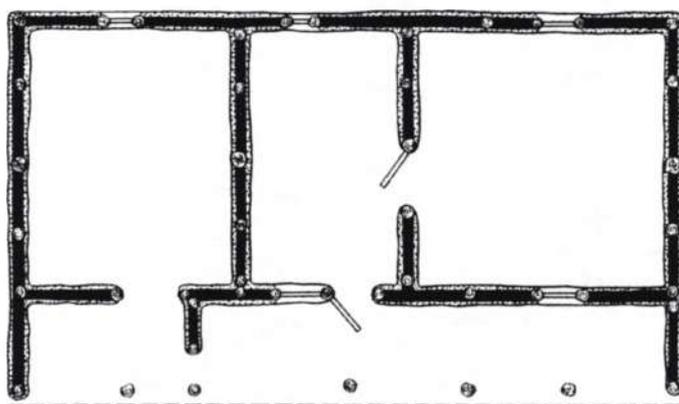

Рис. 23. Усадебные дома Хорезма линейной планировки: 1 – дом 1 близ Бутен-тау; 2 – дом 41 близ Ак-калы; 3 – дом близ Дев-калы (по Е.Е.Неразик).

Fig. 23. Khoresm Manor houses of a linear layout: 1 – house 1 near Buten-tau; 2 – house 41 near Ak-kaly; 3 – a house near Dev-kaly (by E.E.Nerazik)

0 3 м

Рис. 24. Сельское жилище в Туркмении (по Г.П.Васильевой).
Fig. 24. Rural dwelling in Turkmenia (by G.P.Vasilieva)

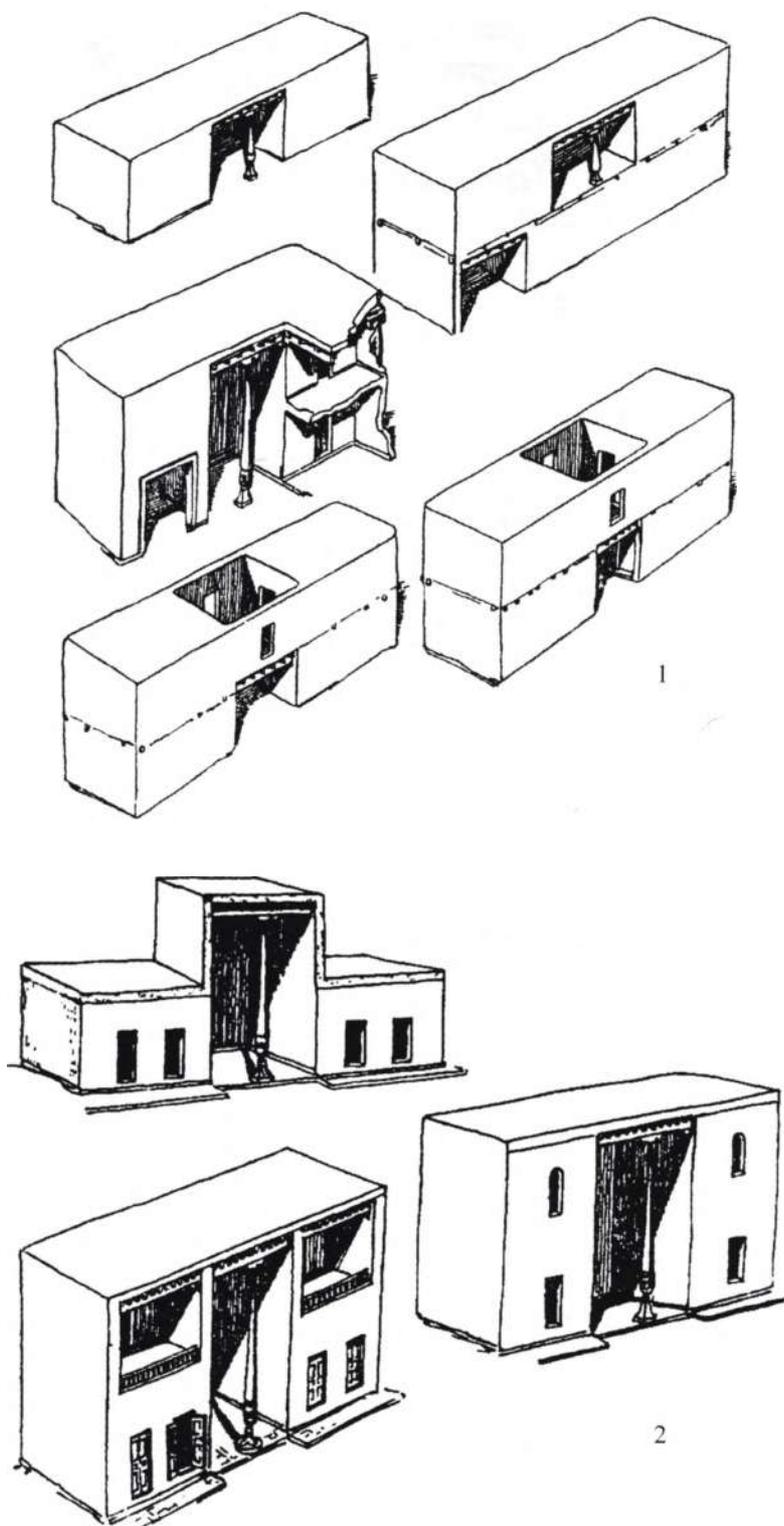

Рис. 25. Жилые дома Средней Азии с айваном: 1 – Самарканд; 2 – Хива (по Г.А.Пугаченковой и Л.И.Ремпелю).

Fig. 25. Dwelling houses of Central Asia with an aivan: 1 – Samarkand; 2 – Khiva (by G.A.Pugachenkova and L.I.Rempel)

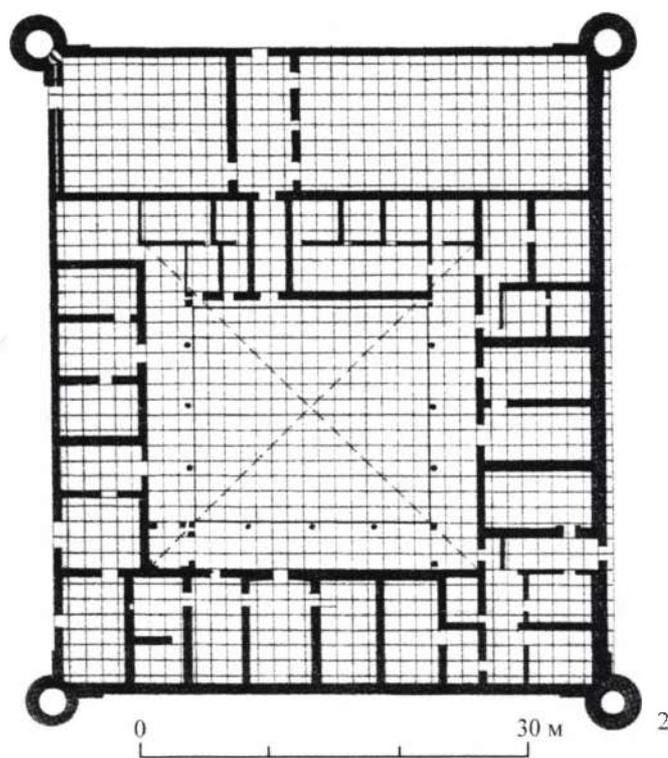
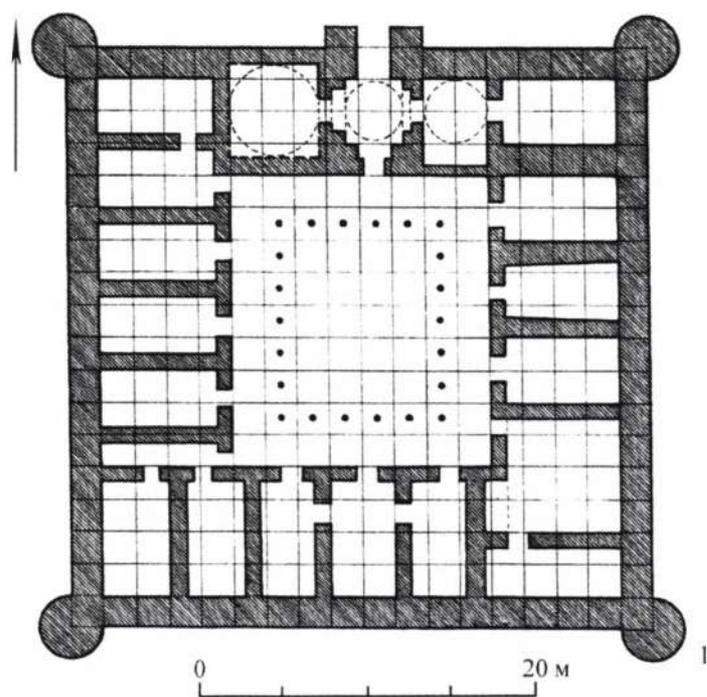

Рис. 26. Усадебные дома с внутренним двором: 1 – Хульбук, нижний дворец; 2 – Сайёд (по С.Хмельницкому).

Fig. 26. Manor houses with a courtyard: 1 – Khulbuk, the lower palace; 2 – Saiyod (by S.Khmelnitskiy)

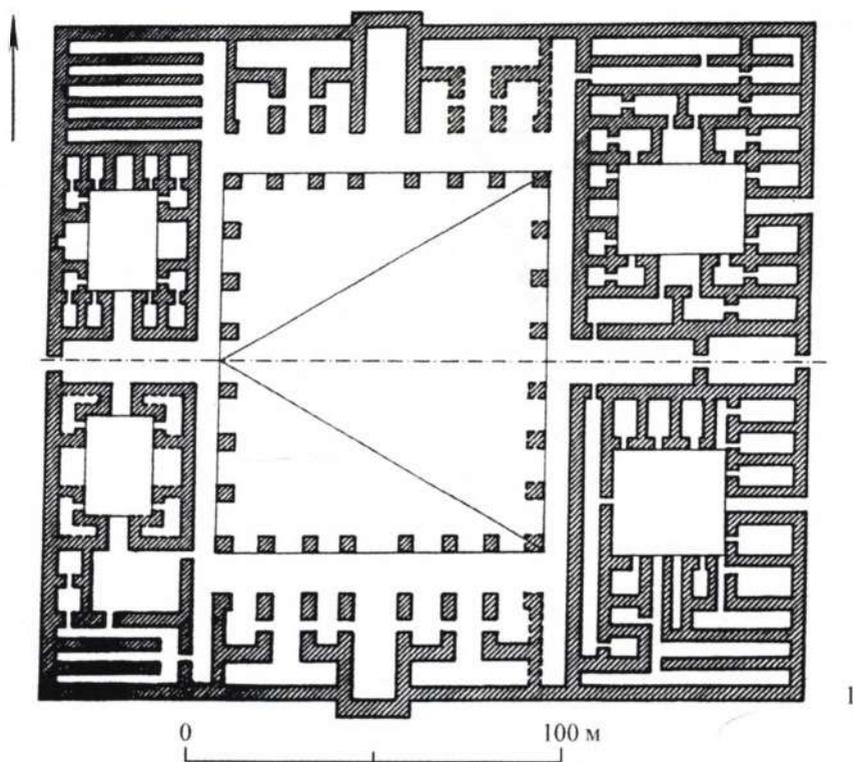

Рис. 27. Усадебные дома с внутренним двором: 1 – Акыр-таш; 2 – Султан-кала (по С.Хмельницкому и С.Б. Луниной).

Fig. 27. Manor houses with a courtyard: 1 – Akyr-tash; 2 – Sultan-kala (by S.Khmelnitskiy and S.B.Lunina)

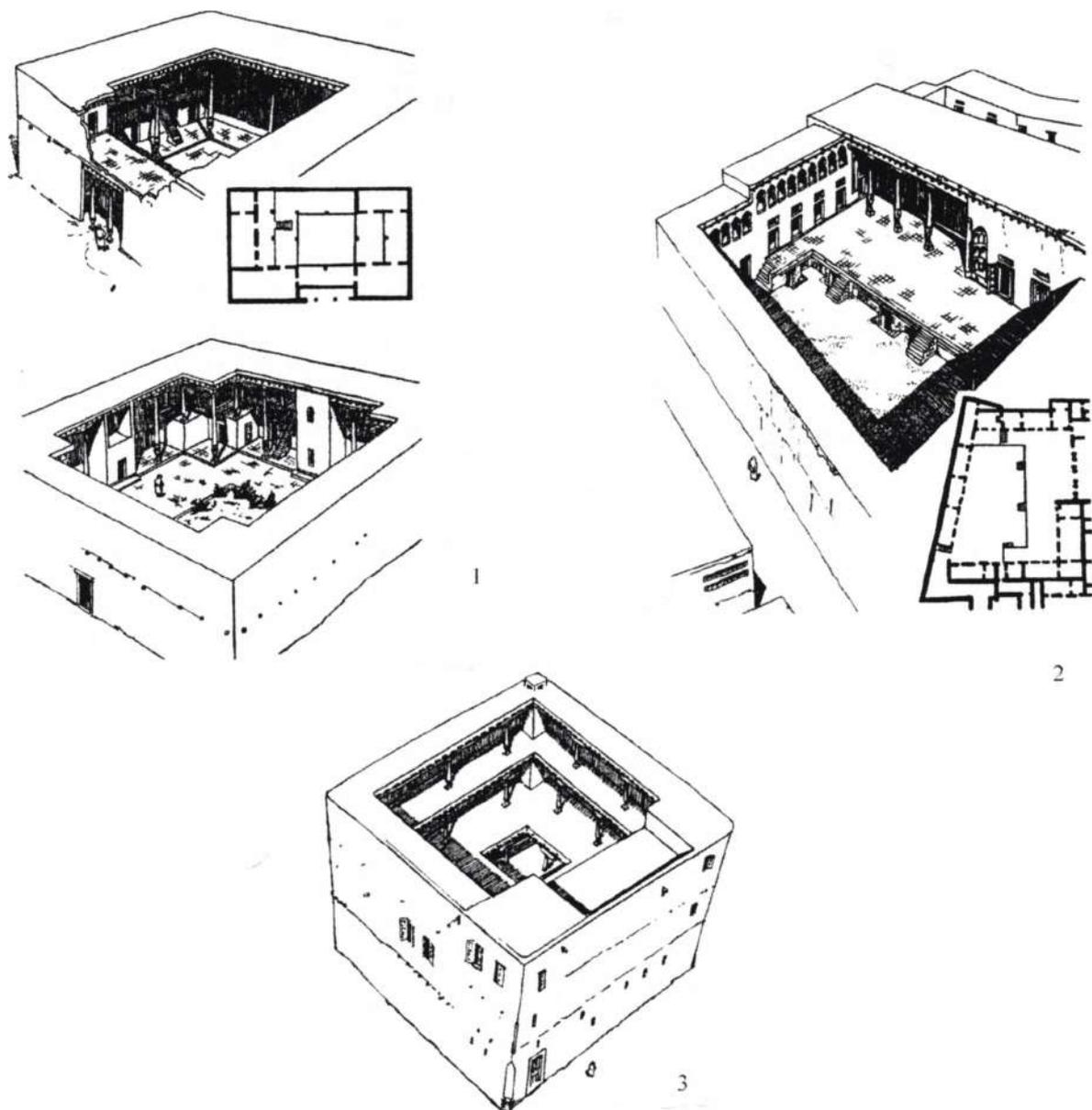

Рис. 28. Жилые дома Средней Азии с внутренним двором: 1 – Хива; 2, 3 – Бухара (по Г.А.Пугаченковой и Л.И.Ремпелью).

Fig. 28. Dwelling houses of Central Asia with a courtyard: 1 – Khiva; 2, 3 – Bukhara (by G.A.Pugachenkova and L.I.Rempel)

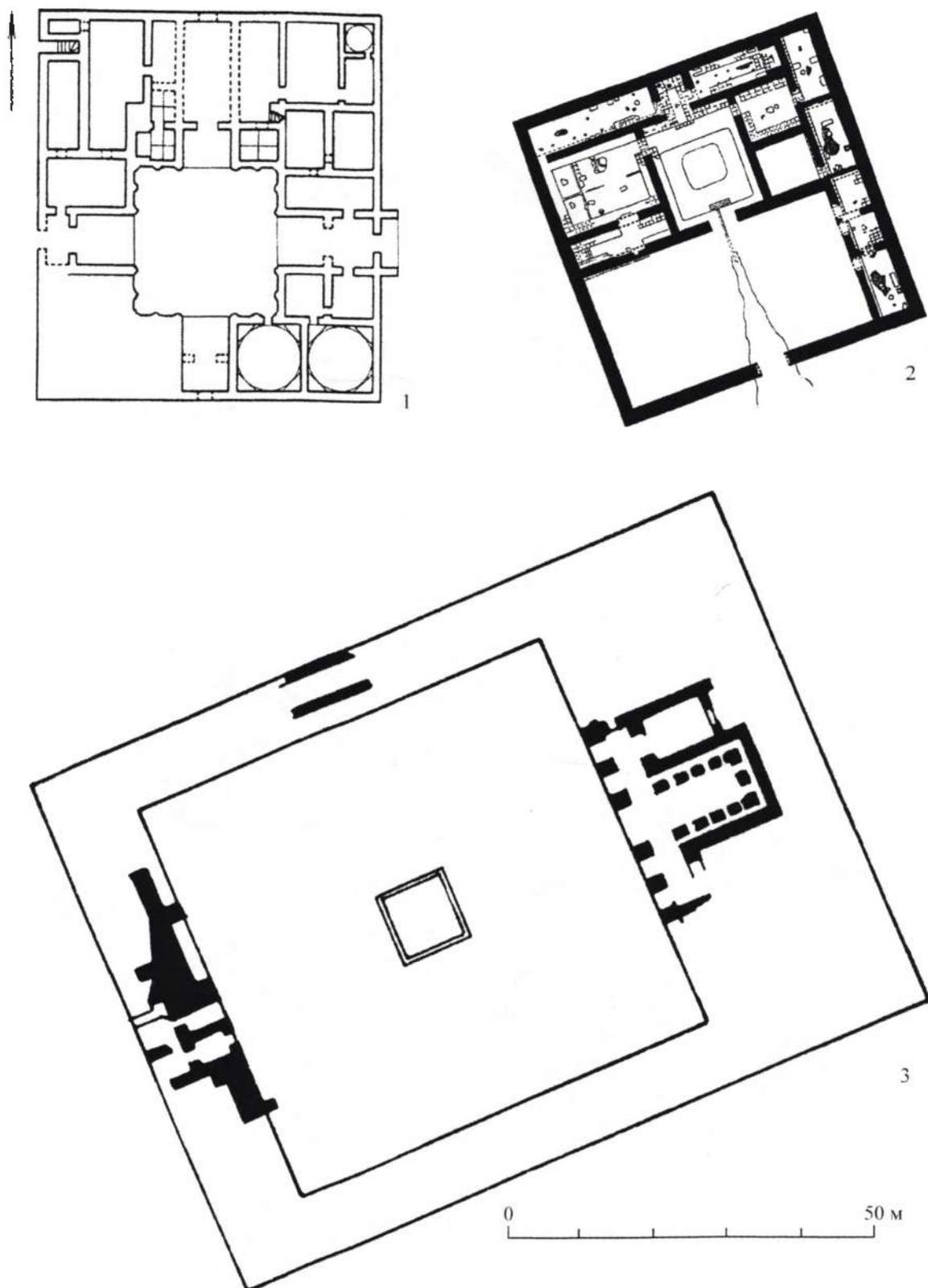

Рис. 29. Дворцовые комплексы дворово-айванной композиции: 1 – дворец в Шахриар-арке; 2 – усадьба А в Якке-Парсанском оазисе; 3 – дворец Термезшахов (по С.Хмельницкому).

Fig. 29. Palace complexes of courtyard-aiwan composition: 1 – a palace in Shakhriar-ark; 2 – a manor A in Yakke-Parsan oasis; 3 – Termezshakhs' palace (by S.Khmelnitskiy)

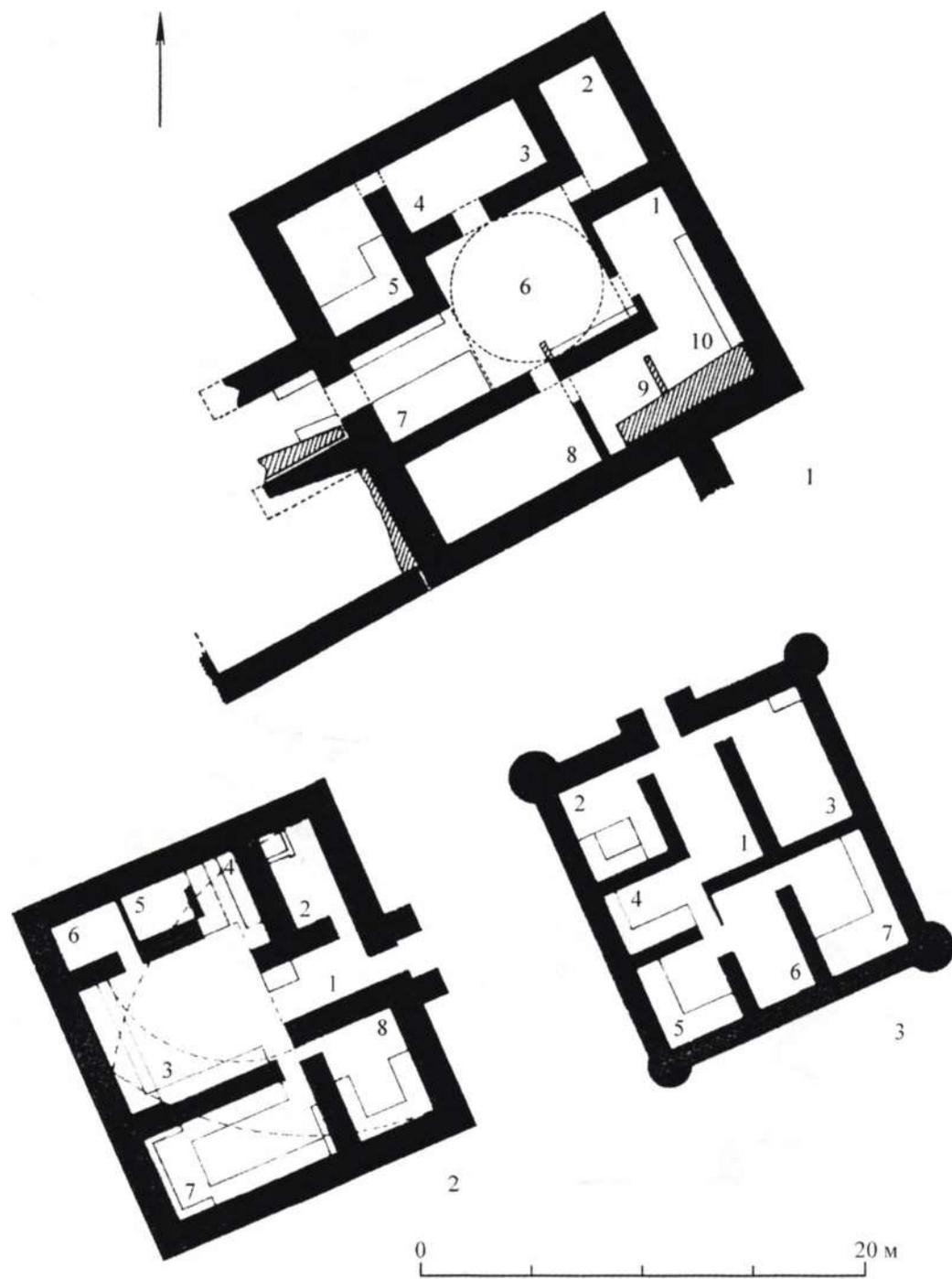

Рис. 30. Усадебные дома на Краснореченском городище: 1 – дом 1; 2 – дом 3; 3 – дом 5 (по П.Н.Кожмяко и С.Хмельницкому).

Fig. 30. Manor houses on Krasnorechensk hillfort: 1 – house 1; 2 – house 3; 3 – house 5 (by P.N.Kozhemiako and S.Khmelnitkiy)

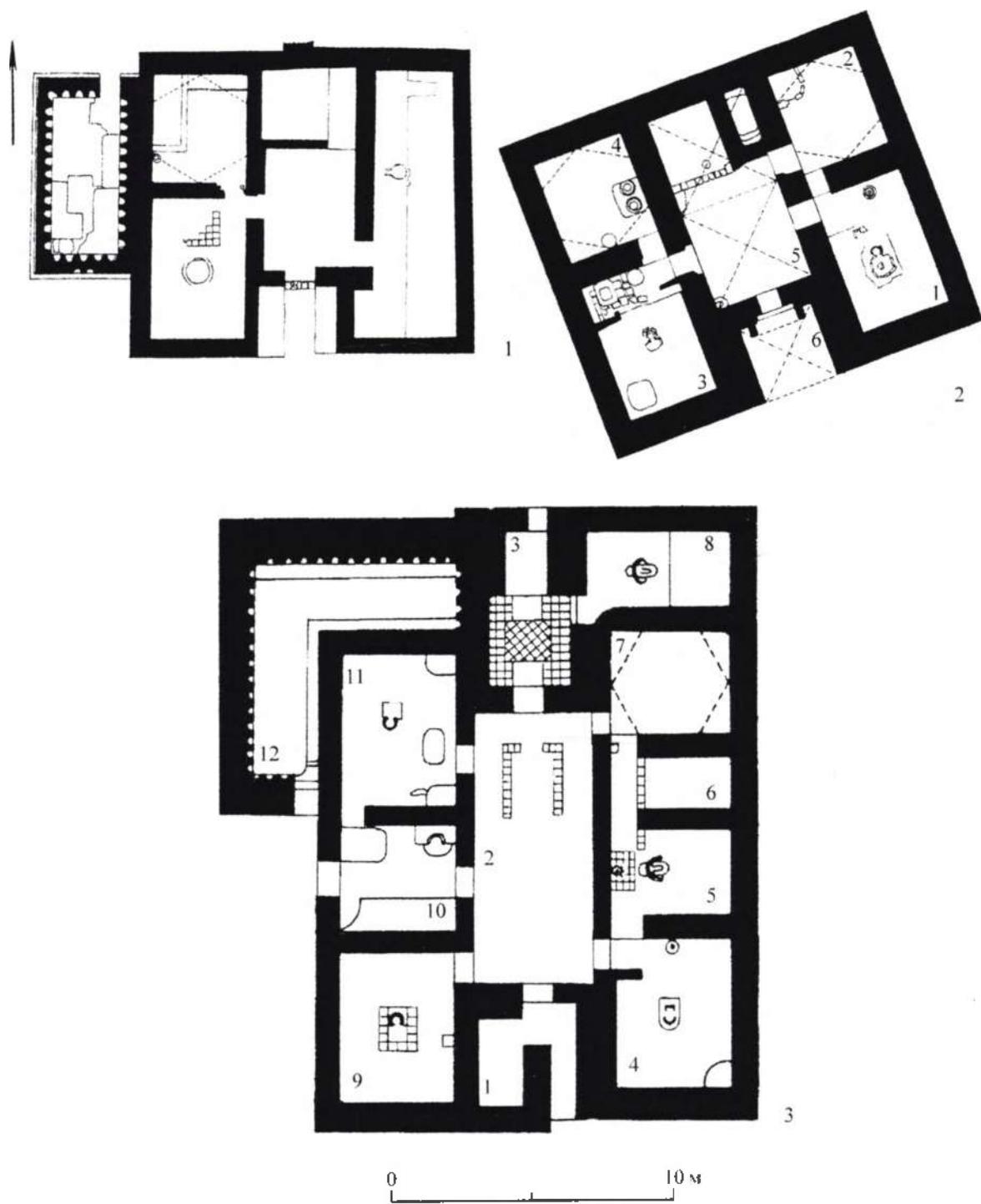

Рис. 31. Усадебные дома оазиса Кават-кала в Хорезме: 1 – 1; 2 – 60; 3 – 43 (по Е.Е.Неразик и С.Хмельницкому).

Fig. 31. Manor houses of Kavak-kala oasis in Khoresm: 1 – 1; 2 – 60; 3 – 43 (by Ye. Ye. Nerazik and S. Khmelniiskiy)

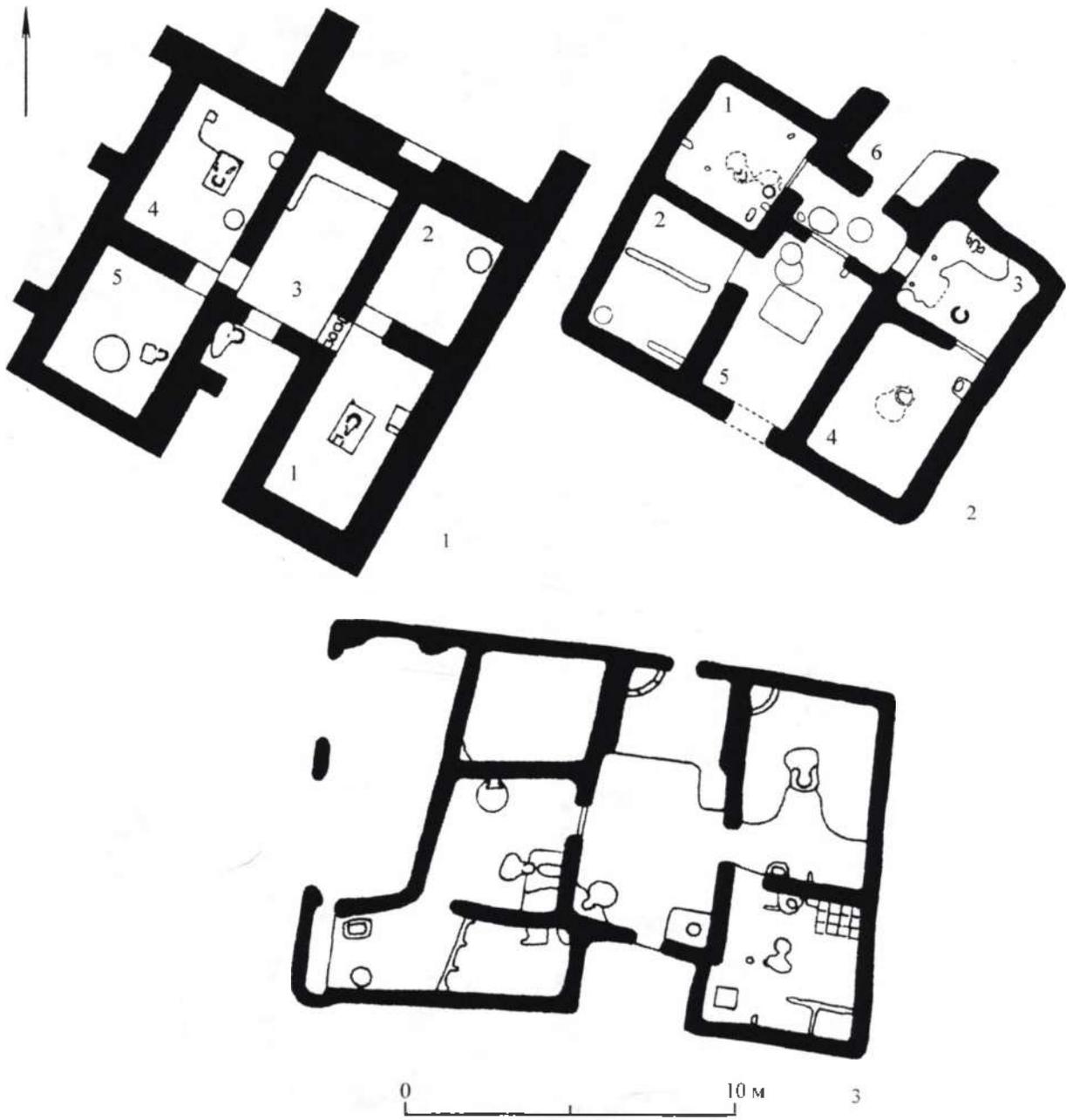

Рис. 32. Усадебные дома Хорезма: 1 – дом 2 в урочище Дарьялык-куль; 2 – дом 2 в урочище Айгельды; 3 – дом 18 в поселении Акча-Гелин (по Е.Е.Неразик и С.Хмельницкому).

Fig. 32. Manor houses of Khoresm: 1 – house 2 in the natural boundary of Daryalyk-kul; 2 – house 2 in the natural boundary of Aigeldy; 3 – house 18 in Akcha-Gelin settlement (by Ye.Ye.Nerazik and S.Khmelnitskiy)

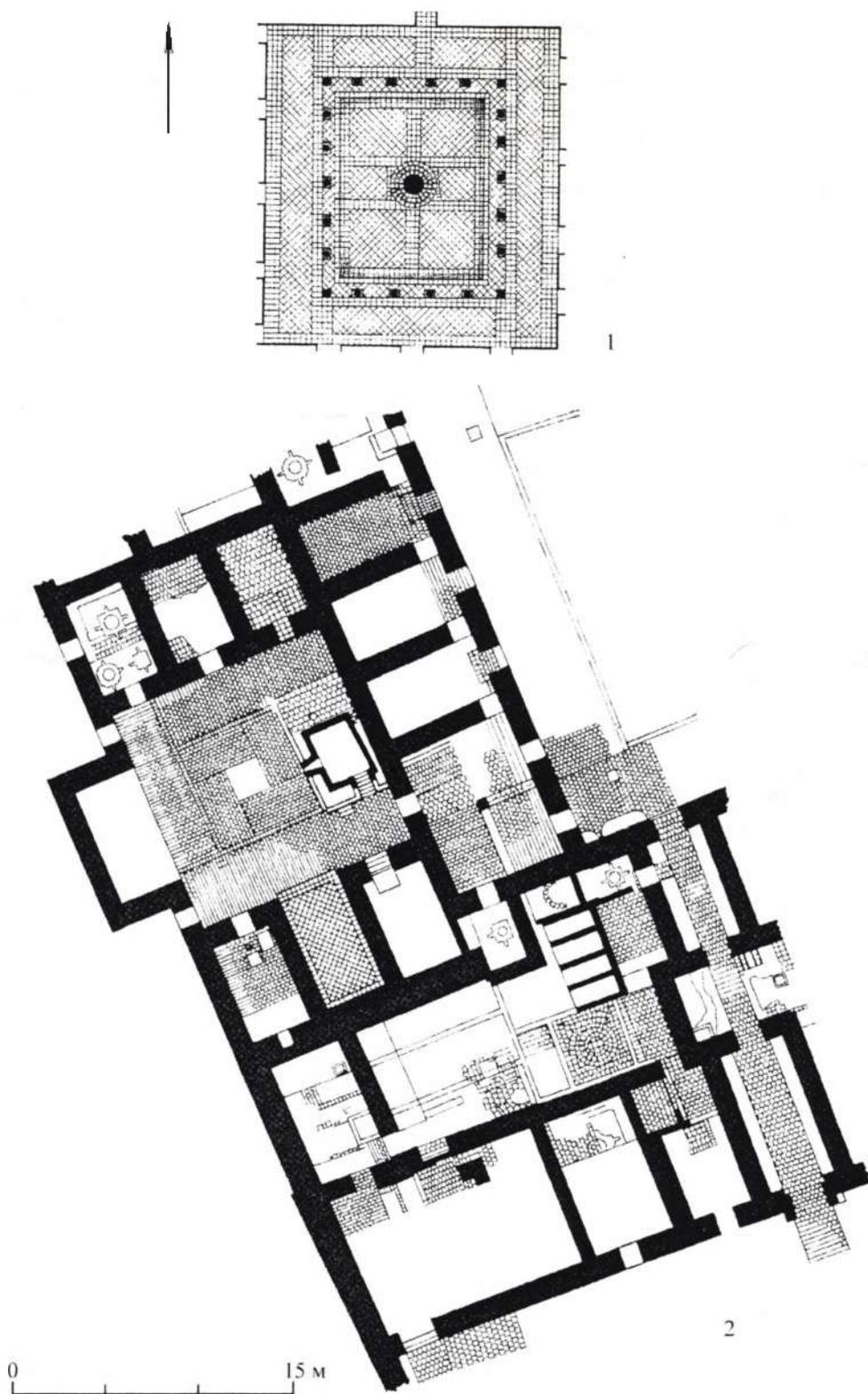

Рис. 33. Дворец в Хульбуке: 1 – внутренний двор "нижнего дворца"; 2 – северная группа "верхнего дворца" (по С.Хмельницкому).

Fig. 33. A palace in Khulbuk: 1 – a courtyard of a "lower palace"; 2 – the northern group of an "upper palace" (by S.Khmelnitskiy)

Литература и архивные материалы

- Агеева Е.И., 1962. Памятники Средневековья (раскопки на городище Баба-Ата)// Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды АН КазССР. Т.14. Алма-Ата.
- Айдаров С.С., 1976. Архитектурные комплексы средневекового Болгара// Архитектурное наследство. XXIV. М.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972. Древний Отрар. Алма-Ата.
- Алпаткина Т.Г., 2008. Дворец правителей Термеза XI-XII вв. М.
- Анарбаев А., 1981. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент.
- Архитектура туркменского народного жилища, 1953// Труды ЮТАКЭ. Т.3. Ашхабад.
- Ахиянжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье// Известия АН КазССР. Вып.2. Алма-Ата.
- Ащепков Е.А., 1959. Архитектура Китая. М.
- Байпаков К.М., 1981. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата.
- Байпаков К.М., 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата.
- Баллод Ф.В., 1923. Приволжские "Помпеи". Москва; Петроград.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.
- Болелов С.Б., 1998. Крепость Аяз-кала 3 в левобережном Хорезме// Приаралье в древности и средневековье. М.
- Борозна Н.Г., 1966. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана// Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Бубнова М.А., 1963. Средневековое поселение Ак-тобе I у с.Орловка// Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
- Буряков Ю.Ф., 1982. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент.
- Вайнберг Б.И., 1959. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме// СЭ. № 5.
- Вайнберг Б.И., 1960. Туркменские поселения по Дарьялыку// МХЭ. Вып.4. М.
- Вайнберг Б.И., 1982. Жилые и хозяйственные постройки туркмен левобережного Хорезма в XIX в.// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Васильева Г.П., 1982. Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX – начале XX в.// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Вишневская Н.Ю., 2001. Ремесленные изделия Джигирбента. М.
- Воронина В.Л., 1950. Древняя строительная техника Средней Азии// Архитектурное наследство. № 3.
- Воронина В.Л., 1951. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М.
- Воронина В.Л., 1953а. Народная архитектура Северного Таджикистана. М.
- Воронина В.Л., 1953б. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана// СЭ. № 3.
- Воронина В.Л., 1963. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии// СЭ. № 6.
- Воронина В.Л., 1972. Народное жилище арабских стран. М.
- Воронина В.Л., 1982. Жилище народов Средней Азии и климат// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Всеобщая история архитектуры, 1969. Т.8. М.
- Всеобщая история архитектуры, 1970. Т.1. М.
- Всеобщая история архитектуры, 1971. Т.9. Л; М.
- Всеобщая история архитектуры, 1973. Т.2. М.
- Георги И., 1799. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежд и прочих. СПб.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М; Л.
- Гудкова А.В., 1964. Ток-кала. Ташкент.
- Давыдов Г.А., 1969. Традиционное жилище таджиков верховьев Зеравшана// СЭ. № 6.
- Давыдова А.В., 1956. Иволгинское городище// СА. Т.XXV.
- Довженок В.Й., 1961. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя// Археологічні пам'ятки УРСР. Т.10. К.
- Древнемонгольские города, 1965. М.
- Егоров В.Л., 1969. Причины возникновения городов у монголов в XIII-XIV вв.// История СССР. № 4.

- Егоров В.Л., 1970. Жилища Нового Сарая// Поволжье в средние века. М.
- Егоров В.Л., 1973. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.
- Егоров В.Л., 2000. Города Руси и Золотой Орды в XIII-XIV вв. – общее и особенное// Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М.
- Егоров В.Л., Жуковская Н.Л., 1979. Жилище населения Монгольской Народной Республики// Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.
- Ерзакович Л.Б., 1983. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв.// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.
- Жилина А.Н., 1982. Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Жилина А.Н., 1995. Новое и традиционное в современном сельском жилище Узбекистана (вторая половина 19-20 вв.). М.
- Житецкий И.А., 1893. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1986 г. М.
- Жуковская Н.Л., 1988. Категории и символика традиционной культуры. М.
- Заурова Е.З., 1970. Дворцовое здание XIV-XV вв. на городище Акчий в Киргизии// Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л.
- Заурова Е.З., 1977. Раскопки на городище Акчий// Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
- Зиливинская Э.Д., 2006. Усадебные дома в городах Золотой Орды// Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.
- Зиливинская Э.Д., 2008а. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк.
- Зиливинская Э.Д., 2008б. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань.
- Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н., 2003. Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища// Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- История татар с древнейших времен, 2006. Казань.
- Киселев С.В., Мерперт Н.Я., 1965. Ремесленно-торговые кварталы Кара-Корума// Древнемонгольские города. М.
- Книга Марко Поло, 1997// Путешествия в восточные страны. М.
- Кожемяко П.Н., 1967. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище// Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе.
- Кондратьева М.И., 1935. О юртообразных зданиях Внешней Монголии// СЭ. № 3.
- Кызласов Л.Р., 1965. Городище Дён-терек// Древнемонгольские города. М.
- Кызласов Л.Р., 1975. Ранние монголы// Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск.
- Кызласов Л.Р., 2001. Гуннский дворец на Енисее. М.
- Лавров В.А., 1950. Градостроительная культура Средней Азии. М.
- Лоу Цзинси, 2002. Традиционная архитектура Китая. Пекин.
- Лунина С.Б., 1969. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригородов// Труды ЮТАКЭ. Т. IV. Ашхабад.
- Лунина С.Б., 1980. Изучение жилых домов Мерва X – начала XIII в.// Культура Туркмении в средние века. Труды ЮТАКЭ. Т. XVII. Ашхабад.
- Майдар Д., 1971. Архитектура и градостроительство в Монголии. М.
- Майдар Д., Пюрвеев Д., 1980. От кочевой до мобильной архитектуры. М.
- Мамаджанова С., 1981. Некоторые принципы и приемы организации жилой архитектуры Верхнего Зеравшана// Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе.
- Массон В.М., 1959а. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад.
- Массон В.М., 1959б. Древнеземледельческие поселения Маргианы// МИА. № 73.
- Минерт Л.К., 1990. Монгольское градостроительство XIII-XIV веков// Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск.
- Мухамадиев А.Г., 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г.// Города Поволжья в средние века. М.
- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарая// СА. № 3.

- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1978. Раскопки усадьбы на Царевском городище// Вестник МГУ. № 3.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л., 1988. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент.
- Мухиддинов И., 1982. Традиционное жилище таджиков среднего течения р.Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем. XIX – начало XX в.// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Неразик Е.Е., 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
- Неразик Е.Е., 1968. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья// История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Неразик Е.Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (X-XIV вв.). М.
- Неразик Е.Е., 1982. Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с проблемами формирования некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Неразик Е.Е., 1998. Усадьба в Якке-Парсанском оазисе// Приаралье в древности и средневековье. М.
- Носкова Л.М., 1976. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья// Средневековые памятники Поволжья. М.
- Плахов В.В., 1986. Научный отчет о раскопках Хаджитархана в 1984-86 гг.// Архив ИА РАН. Р-1, № 11416.
- Плахов В.В., 2007. Предварительные результаты исследования остатков административного здания конца XIV в. у пос.Комсомольский в Астраханской области// Средневековая археология евразийских степей. Т. 2. Казань.
- Плахов В.В., 2008. Дворцовые здания конца XIV в. у пос.Комсомольский в Астраханской области// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк.
- Пугаченкова Г.А., 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.
- Пугаченкова Г.А., 1966. Халчаян. Ташкент.
- Пугаченкова Г.А., 1976. Зодчество Центральной Азии в XV в. Ташкент.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1965. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.
- Рашид ад-Дин, 1960. Сборник летописей. Т.II. М.; Л.
- Рубрук Г., 1997. Путешествие в восточные страны// Путешествия в восточные страны. М.
- Савельева Т.В., Кузнецова О.В., 2007. Средневековый Талгар – город мастеров// Международная научная конференция “Кадырбаевские чтения – 2007”. Актобе.
- Сенигова Т.Н., 1962. Шахристан// Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата.
- Смирнов А.П., 1976. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле Волжских Болгар// Средневековые памятники Поволжья. М.
- Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии, 1979. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1964. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг.// СА. № 1.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Новый Сарай по раскопкам 1963-1964 гг.// СА. № 2.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище// Вестник МГУ. № 1.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища)// Города Поволжья в средние века. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг.// Поволжье в средние века. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М., 1981. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1981 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 9677.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., 1976. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1976 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 6168.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., 1978. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1978 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 8263.

- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., Богословский О.В., 1980. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1980 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 8269.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., Паромов Я.М., 1979. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1979 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 8266.
- Хамиджанова М.А., 1982. Жилище таджиков Ягноба// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Харузин Н., 1896. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М.
- Хлебникова Т.А., 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография// Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.
- Хмельницкий С., 1992. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин; Рига.
- Хмельницкий С., 1997. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. II. Берлин; Рига.
- Хмельницкий С., 2000. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин; Рига.
- Хмельницкий С., 2004. Архитектура средневековых дворцов Центральной Азии// Transoxiana. Ташкент.
- Хмельницкий С., 2006. Дворцы Хутталя. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX-XII веков. Берлин.
- Чуйская долина, 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции// МИА. № 14.
- Шишкин В.А., 1963. Варахша. М.
- Шуази О., 2008. Всеобщая история архитектуры. М.
- Щепетильников Н.М., 1960. Архитектура Монголии. М.
- Якубов Ю., 1982. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Barrucand M., Bednorz A., 1992. Maurische Architektur in Andalusien. Köln.
- Godard A., 1962. L'Art de Iran. Paris.
- Erdenebat U., Pohl E., 2005. Aus der Mitte der Hauptstadt – Die Ausgrabungen der Universität Bonn im Zentrum von Karakorum// Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn; München.
- Hillenbrand R., 1994. Islamic Architecture. N-Y.
- Hüttel H.-G., 2005. Der Palast des Ögedei Khan – Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum// Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn; München
- Stierlin H., 1996. Islam// Early Architecture from Baghdad to Cordoba. Vol. 1. Köln.
- Xiao Mo, 1999. Chinese Architecture. Beijing.

Summary

E.D.Zilivinskaia (Moscow, Russia)

MANOR AND PALACE BUILDINGS OF GOLDEN HORDE TOWNS OF LOWER VOLGA REGION: LAYOUT, TRADITIONS, INNOVATIONS

The article looks at all buildings of manors of the Golden Horde towns of the Lower Volga region known to the present. According to the building technique, these structures can be sorted into three major groups: I – the buildings consisting of mechanically connected cells each of which is a one-room Mongolian house; II – the multi-room monumental buildings constructed on a similar layout; III – the multi-room monumental buildings-aggregations consisting of several parts attached to each other, each of which has its own ordered layout. The types of manor houses differ only by relative positions of the rooms.

The genesis of the various types of manor houses is not the same. Buildings of the simplest layout are characteristic for nomads who were in the process of settling. More complicated houses with aivans, courtyards

and palace buildings with a hall-and-aiwan layout were erected under the influence of Central Asian architecture. Nevertheless, their architecture is not a direct adaptation. Having taken as a basis a building of a typical Central Asian layout, the inhabitants of the Golden Horde towns applied to them the principles of space organization brought by them from Mongolia and probably from China. As a result, constructions appeared which can be regarded as the original variant of layout schemes well-known in the Middle East.

Статья поступила в редакцию в апреле 2009 г